

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1932 года

Общественный совет журнала

Сирожиддин САЙИД
Мухаммад АЛИ
Баходыр АХМЕДОВ
Владимир ВАСИЛЬЕВ
Анатолий ЕРШОВ
Николай ИЛЬИН
Вика ОСАДЧЕНКО
Раим ФАРХАДИ
Раиса КРАПАНЕЙ
Анатолий БАУЭР
Виктор ШУЛИКА

Главный редактор
Сирожиддин РАУФ

Зам. главного редактора
Клавдия ПАНЧЕНКО

Ответственный секретарь
Дилором МУРОТОВА

Редакторы
Елена ЮРЧЕНКО
Елена ДОЛГОПОЛОВА

Республика Узбекистан
Ташкент

Юрий МОРИЦ

проза

ПОДЛЕЖИТ СОЖЖЕНИЮ...

Рассказ

Разгреб давнишний мусор в кладовке, отыскал не без труда обгоревшую тетрадь и, набравшись терпения, принялся за чтение. На этот раз я читал с особенным настроением – ведь Ивана уже не было на свете и мне не терпелось поглубже проникнуть в его незаметно промелькнувшую жизнь, чтобы почувствовать ее душой. Читать было скучно и многое совсем непонятно. Но когда я дошел до определенного места, то сразу понял, что у этой тетрадки, кроме меня, должны быть и другие читатели, предпочтительно в милицейской форме.

Зоя ТУМАНОВА

ПОЭЗИЯ

Март

Поэма

...в чём суть твоя?
Ах, к дьяволу критерии и мерки,
Ведь «зелено златое древо жизни»
И листьями атласными шумит!
Веселый, равнодушный, беспокойный,
Всё ищущий и всё не находящий,
Отрада чья-то и мученье чьё-то,
Ты человек, не ангел и не демон...

Миркарим ОСИМ

переводы

ТОМАРИС

Рассказ

В тот же день Томарис... стала молиться богу богов масагетов – Митре.

– О, боже, о мой бог Солнца, создавший небо и землю, воду и огонь! ... О великий бог Солнца, не дай иранцам победить нас! Воодушеви нас великой целью, на борьбу, на подвиг воодушеви! Даруй силу рукам, наполни сердца огнём возмездия! Заточи сабли наши, не допусти, чтобы землю нашу топтал коварный враг, глумился над нами, помоги повергнуть хитрого, лукавого врага! О мой Бог! Не допусти попасть нам в рабство!

караван истории

Лейла ШАХНАЗАРОВА

«СУББОТНЯЯ СТРАНА» ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

И тут наконец я понимаю, что этот Геворг, так естественно и свободно цитирующий строчки Осипа Эмильевича, – не кто иной как Георгий Кубатьян! Тот самый – переводчик, поэт, литературный критик, автор книги «Бегство в Армению» и многих других замечательных литературоведческих изысканий <...> Именно исследования Кубатьяна позволили по-новому прочесть и понять многоуровневый, сложно зашифрованный мандельштамовский цикл, посвященный Армении.

возвращение к читателю

Галина ВОСТОКОВА

Я Вам совсем не помешаю...

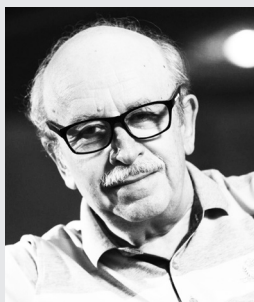
Я все о том же, все про то же,
Но, может быть, но, может быть,
случайно сбудется возможность,
где Вы – там мне еще побыть...
<...>
Я Вам совсем не помешаю –
едва дышащий силуэт,
укутаюсь тишейшей шалью
молчания.
И есть – и нет...

публицистика

Андрей СЛОНИМ

СВОБОДА ВОЛИ ИЛИ ОПУСТОШЕНИЕ ДУШИ?

(из цикла «Быть или казаться?»)

Великое чудо нашего времени – компьютер – помимо своих прекрасных прямых функций, всё чаще вторгается в сферу разума и духа. В невероятном многообразии функций, игр он предлагает нашему сознанию так называемый виртуальный мир. В этом мире – свои правила и законы, свои грани и способы существования. Здесь и связь с миром в молниеносных новостях, и мнимая возможность общения без границ, и увлекательные игры с иллюзией присутствия «на поле действия».

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

- Сирожидин САЙИД.** Два столетия – одна жизнь. Эссе. . 15
Георгий ПРЯХИН. Екатерина Джугашвили встречается с сыном своим Иосифом. Эссе. 22
Юрий МОРИЦ. Подлежит сожжению... Рассказ. 48
Вера ВАВИЛОВА. Степан Джугла. Главы из романа. 87

ПОЭЗИЯ

- Зоя ТУМАНОВА.** Март. Поэма. 5
Владимир ВАСИЛЬЕВ. Тропа. Венок сонетов. 28
Александр СВИСТУНОВ. Придуманное интервью. 33
Динара АЗИМОВА. Меня спасала твоя любовь... 35

НОВЫЕ ИМЕНА

- Юрий ГРИБИН.** Пускай всё будет так, как будет... 101
Маргарита ШИН. Фольклорные концептосферы корейской и русской ментальности. 121
Барно АЛИЕВА. Он и Она. Литературные миниатюры. . 136

ПЕРЕВОДЫ

- Миркарим ОСИМ.** Томарис. Рассказ. Перевод Комила Джураева. 38
Мухаммад АЛИ. Амир Темур Великий. Роман-эпопея. Книга четвертая. Шахрух Мирза. Перевод Диноры Азимовой. 55
Жамолиддин МУСЛИМ. С высоты и в людской толпе. Переводы Марата Камола и Галины Сордобинской. 109
Камила МУМИНОВА. Струны души. 111
Хабиб СИДДИК. Приметы времени. Литературные миниатюры. Перевод Кадира Насирова. 118

ПУБЛИЦИСТИКА

- Андрей СЛОНИМ.** Свобода воли или опустошение души? (из цикла «Быть или казаться?»). 124

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

- Галина ВОСТОКОВА.** Я Вам совсем не помешаю... 84

КАРАВАН ИСТОРИИ

- Осип МАНДЕЛЬШТАМ.** Век-волкодав... 95
Лейла ШАХНАЗАРОВА. «Субботняя страна» Осипа Мандельштама. 97
Владимир ФЕТИСОВ. Алмаз и пламя. Фрагмент из истории Большой игры. 130

ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

- Владимир КАРАСЕВ.** Воля, ветер, любовь... Эссе. 103
Наталья ЮСУПОВА. Жизнь в параллельной реальности. . 141

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

- Диларам АЛИЕВА.** Художественный мир Чингиза Айтматова. 113
Елена КАМИНСКАЯ. Город одного двора. 144

НАМ ПИШУТ

- На полях одного номера «Звезды Востока». 152

На 2-ой, 3-ей и 4-ой страницах обложки журнала картины Лекима Ибрагимова.

Звезда Востока

2018 № 6

Учредитель

Союз писателей Узбекистана

ИНДЕКС – 831

Журнал зарегистрирован
Узбекским агентством печати и
информации
Рег. № 0296
05. 02. 2016 г.

Адрес редакции:

100066. Ташкент, пр. Бунёдкор,
Адиблар хиёбони, здание
Союза писателей Узбекистана.

E-mail: zvezdavostoka1932@mail.ru
zvezdavostokazv@umail.uz
web-site: www.zvezdavostoka.uz

Дизайн, верстка, оригинал-макет

Елена Юрченко

Подписано в печать 21. 11. 2018 г.
Формат 70x108 1/16. Печать офсетная.
Усл. п.л. 13,3. Уч.изд.л. 14,86
Тираж 650 экз. Заказ
Цена договорная.

Отпечатано в типографии
ООО «PRINT REBEL».

г. Ташкент, Алмазарский р-н, ул.
Уразбаева, д. 35.

Редакция журнала уведомляет
авторов о том, что к рассмотрению
принимаются рукописи,
выполненные в компьютерном наборе
объемом **не более 50 страниц**.
Набор текста в любом формате с
приложением электронной версии и
распечатки.
Рукописи не возвращаются и
не рецензируются.
Письменные заключения не даются.
Мнение авторов может не совпадать
с мнением редакции.

Перепечатка без согласия редакции
не допускается.

Ссылка на журнал «Звезда Востока»
обязательна.

Copyright © «Звезда Востока»

Живет в творенье мастера душа
 (Не зря, наверно, двое написали
 О таинствах портрета – украинец,
 Держащий длинный нос наискосок,
 И денди с орхидеей в бутоньерке
 Со славою эстета, с тёмным прошлым).

А заешь, и ко мне порой приходят
 Смешные, еретические мысли.
 Вот, например: а вдруг литература,
 Та выдумка, что соткана словами, –
 Реальность?

И реальность бытия?

Подумай сам: который век на свете,
 Не старясь, не глупея, не лентясь,
 Живёт небезызвестный датский принц,
 Живёт – и задаёт свои вопросы,
 И каждый век – на них ответов ищет...
 (Найдутся ли когда-нибудь, бог весть.)
 А девушки? О, сколько гибкостанных
 И тонкоруких, сколько глаз газельных,
 Беспечных уст и ямочек на щечках,
 Волос, волной струящихся на плечи,
 И душ, стремящихся к огню и свету, –
 Погасло, отгорело, позабылось!
 Ни имени, ни признака, ни звука...
 Но та, которую зовут Наташей –
 Капризница, графинечка, Ростова,
 (Уж сколько лунных промелькнуло вёсен!)
 Сидит, руками охватив колени.
 Ещё порыв, ещё одно усилие –
 Взлетит!

И так она пребудет вечно,

И в ней все те, которые ушли.
 Так что же – выдумка, а что – реальность?

Весенний день мне вспомнится,
 Зелёный,
 Как водится.

Дорожка в пятнах света

Стелилась леопардовой шкурой...
 Слегка мерцал под сводами деревьев
 Аквариумный изумрудный свет,
 И люди проплывали, словно рыбы,
 С неторопливой важностью.

Портфели

Чуть на отлёте, словно плавники.
 Я шла, а день рассеивал вниманье
 По влажным травам, жёлтому песку.
 И вдруг оно собралось в острый фокус:
 В толпе идуших что-то мне сверкнуло,

Как будто бы осколочек стекла,
 Поймавший солнце среди камней бесцветных.
 И я подумала: «Идёт мой друг».
 Мы встретились, как мячик, перебросив
 Друг другу незатейливую шутку.
 Не помню уж, о чём, да и не важно.
 Ведь значили тут вовсе не слова,
 Под спудом их шёл разговор неслышный,
 И смысл его примерно был такой:
 – Живёшь?

– Живу.

– Несёшь своё служенье?

– Несу, как ты.

– И радуешься жизни?

– И радуюсь.

– Ну, что же, в добрый час...

Забавный разговор, немного детский
 Для лиц с законченным образованием
 И с положением в обществе,
 не правда ль?

Наверно, всё-таки живёт во мне
 Смешная лупоглазая девчонка
 В носочках белых, в туфлях на резине,
 Что собирала всех ребят двора
 И сходу им выдумывала сказки,
 И было слушать – слаше беготни,
 А это ведь немало, согласитесь!

Да и в тебе живёт тот тихий мальчик,
 Приметно смуглый и черноволосый,
 Застывший над стекляшками цветными,
 Над радужной и радостной загадкой
 Простых законов преломленья света,
 Весь истомленный противоречивым
 Извечным человеческим стремленьем
 Клад отыскать – и тут же закопать!
 ...Вот так здороваются детство с детством.
 Ведь ничего на свете не проходит.

Проходит только время.

Как летит!

Казалось, что запас едва лишь почат,
 Всё впереди – и разговор неспешный,
 Не как обычно, меж двумя звонками,
 И светлый смех, и новые рассказы,
 И замыслы, и в горький час сомненья –
 Надежное подставлено плечо.

А впереди – одно прощанье только.

(Словечко тёплое, рукопожатье,
 И кто-то – в дверь, и телефон...

– Прощайте!)

<...>

Как сделать мне, чтоб ты не исчезал,
 Чтоб рядом был, когда тебя не будет,
 Чтоб жил для тех, кому не доведётся
 Застать тебя – таким вот, как сейчас?
 Чтоб ты и сам, в минуту недовольства
 Собою, или просто в настроении
 Дурном, иль осердившись почему-то,
 Не повторял угрюмо и упрямо,
 Что нет в тебе хорошего нисколько,
 Что «это всё – лишь видимость одна».
 (Что «это всё»? Давайте разберёмся!)
 Я не художник. Холст шероховатый
 Не станет от руки моей и кисти
 Блестящим зеркалом, где отразится
 Лицо твоё – и в нём твоя душа.
 Слова – вот всё, чем я владею в жизни.
 Словами только и могу поведать,
 Что был ты легконогим, как олень,
 Взлетал со стула, словно невесомый,
 И лестницу одолевал вприпрыжку.
 Глаза смотрели строго и серьёзно,
 Крыло волос так плавно набегало
 На ясный, твёрдо оgranённый лоб,
 Светящий смуглой матовостью кожи;
 Черты лица прочерчены так точно,
 Такая четкость в них и соразмерность,
 Как будто вот таким лицо задумал
 Господь – при сотвореньи Человека
 (А после, при серийном производстве,
 Случались от проекта отступленья,
 Не слишком строг небесный ОТК –
 И в наши дни такие лица редки).
 Но дело вовсе и не в красоте.
 Поэт был, Заболоцкий, вопросивший:
 «Сосуд она, в котором пустота,
 Или огонь, мерцающий в сосуде?»
 (Старик, конечно, знал, но притворялся...)
 А может быть, и не огонь, а свет?
 Свет доброты, светящий чисто, ровно?
 К своим быть добрым – велика ли штука?
 Узбекскую пословицу припомним:
 «Мой беленький», – грачиха называет
 Кусочек сажи, своего грачонка.
 «Мой мягонький», – ежиха называет
 Колючий шарик, своего ежонка.

 Твоей же доброты – на всё хватает.
 Нигде и никогда я не встречала
 Такой доброжелательности к людям.

Вершишь себе жестокий самосуд
И на себя надежд не возлагаешь.

Так трогательны – детская открытость
И рыцарственно-строгое молчанье
О всём заветном, самом дорогом...
Лишь фраза – «Там, где я теперь живу...»
Вот всё, что сказано о «личной жизни».

А впрочем, я пишу ведь не икону –
Лик ангельский, и проволочный нимбик
Над маковкою круглой, как яичко.
Ведь даже и в иконе настоящей
Просвечивает воля и характер,
В такой, как тот архангел Михаил:
И чувственность – в изгибе пухлых губ,
И в густобровьи – тихая суровость.

На лицах статуй мрамор безупречен,
Ни пятен, ни морщин,

ни выраженья...

Но несравнима с ним живая прелесть
Лица, пускай в загаре и веснушках,
Простого человеческого лица.

Итак, взглянуть нам надо и на реверс.
...Да, что-то есть в характере твоём
От женщины.

Иль, может быть, от ветра?

Или, верней, от моря.

У морей

Бывают ведь приливы и отливы.

Иной раз так: «Найду!

Пробью!

Исполню!»

Сияние в глазах, в движеньях – сила,
Энергия развёрнутой пружины,
И кажется, что мир переверотишь,
Смеясь и голову держа высоко!

А через день – что кукла восковая,
Как будто спать ложился в холодильник.
И тих, и вял; и не к чему стремиться,
И «каждому своё» – как шит от жизни,
Которая всё требует чего-то.

Нашёл бы, верно, психоаналитик,
Какой повинен комплекс.

Я ж ишу

По-своему – путём ассоциаций,
И к книжному наследью обращаясь.

Тебя порой, быть может, настигает
Несбывшегося зов? (У Грина – вспомни...)
И вновь – виденьем – пальмы Сингапура,
Китайская порхающая речь,
«Кейс-атташе», машина у подъезда?..

Морским приливом властвует луна,
Причиной этих взлётов и падений
Твои луна и солнце – лик любимой?

<...>

А может, виновата аллергия?
К засилью глупости самодовольной,
И к дутой славе, и к надутой спеси?
К цинизму и корысти – аллергия,
И к наглости хвастливой – аллергия!
К речам пустопорожним – аллергия!
К нелепым указаньям – аллергия!

Еще быть могут тысячи причин,
Все веские.

Но есть – преодоление!

Не зря ведь говорят: «Кому так много
Дано, с того и спросится побольше».
А спрашивать придётся самому...

Так что ещё? Да, вот: порой напрасно
Обходишься так с душами людскими:
Ревниво ты стараешься присвоить
(«Моё, моё!») то, что тебе не нужно.
Видна привычка коллекционера:
«Быть может, пригодится на обмен!»

Ну, словом, объективность соблюдая,
Ещё нашла бы кучу недостатков,
А толку – что?

Перечитавши в целом,

Я вижу: весь анализ многослойный –
Слова, слова.

Ещё одна попытка

Поверить алгеброй сиянье жизни.
Ещё хоть сотню нанижи на ямбы –
Не передать живого ошущенья,
Когда ты сходу в комнату влетаешь, –
Светящийся, прекрасный несказанно,
Одетый так, как будто у крыльца
Тебя ждёт «Чайка» с кольцами и в лентах,
И с куклой, оседлавшей радиатор!
При всём при том – такой уж завождем,
Упруго-собранный и деловитый,

Всё помнящий и к действиям готовый!
 Бросаешь, как жонглёр, кашне и шляпу
 И радостью взрываешься внезапной,
 Смеясь и мне протягивая руку!
 Как будто в комнате открыли ставни!
 Как будто рушился весенний ливень!
 Иль так: в глухую неподвижность зноя
 Ворвался ветер!

Да ещё десяток

Сравнений подобрать – всё будет мало:
 Ведь ты заходишь – как заходишь ты.
 Какой же ты, плохой или хороший,
 В чём видимость твоя,

в чём суть твоя?

Ах, к дьяволу критерии и мерки,
 Ведь «зелено золотое древо жизни»
 И листьями атласными шумит!
 Веселый, равнодушный, беспокойный,
 Всё ищущий и всё не находящий,
 Отрада чья-то и мученье чьё-то,
 Ты человек, не ангел и не демон,
 Сиянье всех стихий, ты – человек!

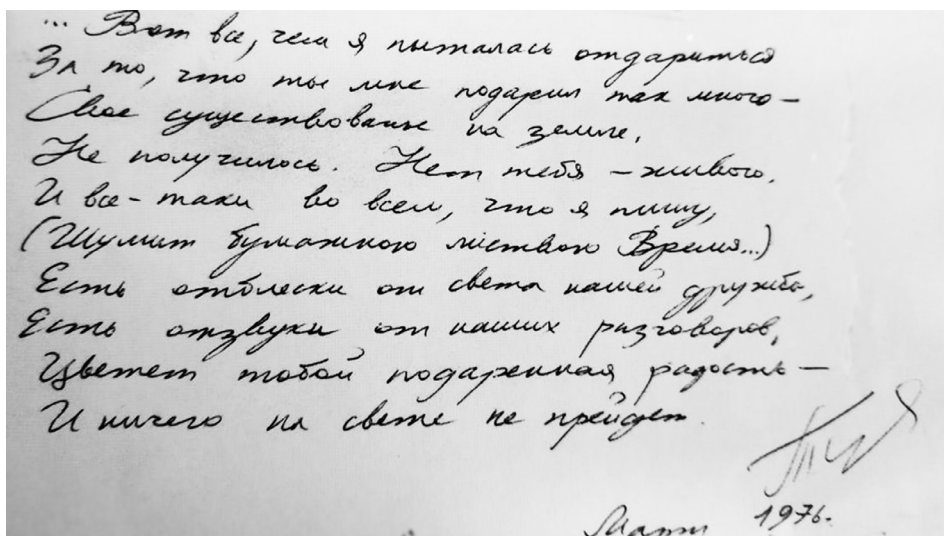
И чтобы воссоздать тебя, такого,
 Быть нужно богом

или хоть Шекспиром.

...Вот всё, чем я пыталась отдариться
 За то, что ты мне подарил так много –
 Своё существованье на земле.
 Не получилось. Нет тебя – живого.
 И всё-таки во всём, что я пишу
 (Шумит бумажною листвою Время...),
 Есть отблески от света нашей дружбы,
 Есть отзвуки от наших разговоров,
 Цветёт тобой подаренная радость –
 И ничего на свете не преждёт.

* Адельхайд – графиня Брюль, урождённая фон Кэтт, изображённая на живописном полотне (1852).

Редакция предлагает своим читателям рукописный фрагмент поэмы Зои Александровны Тумановой.

ВСЕ СУЩЕ СЛОВАМИ ОБЛЕКАТЬ...

Имя ее, блиставшее на протяжении нескольких десятилетий – с конца 50-х до начала 90-х годов, – ныне, словно обволок сумрачно-зыбкий туман времени, теперь оно незаслуженно почти забыто... И, может, сама ее поэтично-красивая фамилия – Туманова, – словно Туманность Андромеды, вроде бы и находящаяся рядом с нашей Галактикой Млечного Пути, но все равно остающаяся в дымке какой-то неразгаданной тайны, и предопределила это. Да-да, пожалуй, теперь уже стало ясно, что она – Туманова – была лучшей среди русскоязычных поэтесс Узбекистана своего времени. Ведь неслучайно уже ранние ее стихи благословила когда-то сама... Анна Ахматова! И нет, по сути, ни одного видного узбекского писателя, произведения которого не сверкали бы в переводах на русский язык этой замечательной поэтессы и прозаика. А книги ее – а их более полутора десятков – регулярно выходили в издательствах Узбекистана. Нам же, «звездинцам», особенно ценно то, что Зоя Александровна долгие годы была членом редколлегии, а также много лет заведовала отделом прозы редакции журнала «Звезда Востока».

И кажется, что все ее наследие опубликовано, но... как за стелющимся по земле туманом всегда в конце концов проглянут солнечные блики, и он, туман, все равно рассеется... Так солнечным лучиком явилась нежданно-негаданно в редакцию ее еще никогда не опубликованная поэма (написанная в середине 70-х годов от руки), в которой она делится своими размышлениями и о литературе, и о жизни, и о некоторых окружающих ее людях.

Туман рассеялся и растворился в воздухе, и вот она снова перед нами – живая, блистательная Зоя Туманова, во всей полноте своего таланта, и ее ровный, чуть нервно дрожащий почерк... И радостные блики солнца снова коснулись ее имени. И время то – семидесятые – будто снова ожило. И встало перед нами. Туманова – как поэтично и красиво это звучит – Ту-ма-но-ва!

13 ноября ей исполнился бы 91 год.

Редакция

ДВА СТОЛЕТИЯ – ОДНА ЖИЗНЬ

Эссе

Сирожиддин САЙИД

Весть о смерти известного русского поэта Андрея Вознесенского стала самой неожиданной и тяжелой. Информации о конфликтах, пожарах, катастрофах и спортивных состязаниях мирового значения казались незначительными в сравнении с сообщением о кончине поэта. Все телерадиоканалы, которые при его жизни ничего о нем не говорили, теперь наперегонки восхваляли «великого и неповторимого поэта», интернет, ни на минуту не переставая, комментировал жизнь и смерть поэта.

Вечером первого июня 2010 года на канале «Россия ТВ» один из его почитателей, говоря о поэте, с сожалением сказал: «Русская поэзия началась с Александром Пушкиным, закончилась с Андреем Вознесенским». В этих словах отразилось сожаление и страдание десяти, а то и ста тысяч любивших, живших и дышавших его стихами почитателей.

Разве мы можем что-то изменить? Смерть – веление Бога.

Мы вместе с Абдуллой Ариповым отправили телеграмму и выразили соболезнование его жене – писательнице Зое Борисовне Богуславской, которая одновременно была и его другом, и пожизненным наперсником, пожелали ей терпения и выдержки.

В XX веке ни один поэт не смог так прославиться на весь мир, как Андрей Вознесенский. Он был поэтом, чьи стихи сотрясали железобетонные стены жестокого строя, он напрямую боролся с вождями деспотических времен. Творец, который наполнил воздухом поэзии многотысячные стадионы, величественные дворцы и залы в десятках стран мира, таких как Америка, Англия, Италия, Франция, Германия, Болгария, поэт мирового значения, сумевший разбудить любовь к поэзии в душах многих своих современников, член престижных академий по искусству, литературе, поэзии. Он был абсолютно прав, когда писал о себе и о своем литературном поколении: «Не осталось ни одной страны мира, в которой бы мы не читали стихи, грызая микрофоны». Андрей Вознесенский – поэт, который в подлинном смысле потряс своими стихами весь мир.

За его поэзию его неоднократно наказывали советские лидеры. Американские президенты принимали его и выражали свою благосклонность. Приемы Роберта Кеннеди, Рональда Рейгана и других известных государственных деятелей

Сирожиддин САЙИД. Народный поэт Узбекистана. Лауреат Государственной премии по литературе (2017 г.) за книгу «Очил эй гул, ки бўстон вақти бўлди», председатель Союза писателей Узбекистана. Родился в 1958 г. в Сурхандарьинской области. Окончил факультет журналистики ТашГУ (ныне НУУз).

не были связаны с враждебной идеологией, это было признание его таланта, человеческое отношение к поэту, уважение к его имени и творчеству.

Жизнь, овеянная такой славой, которая не вмещается в привычные представления о существовании человека, жизнь, наполненная изумительными и волнительными моментами, встречами и расставаниями, многочисленными вопросами и ответами, – все это вместилось в двузначную цифру 77.

Семьдесят семь. «Всего две семерки. Семь достигло семи».

Жизнь, дарованная Андрею Вознесенскому, срок, выделенный Богом для выполнения его миссии, составил семьдесят семь лет. А между тем поэт сумел в течение одной жизни пройти два столетия, поднять ношу двух веков, принять всю тяжесть эпохи, подтверждая тезис:

*Бессмертие, милый Фауст,
Простое до идиотства –
Чем больше от сердца отрываешь,
Тем больше жить остаёшься.¹*

* * *

В мои студенческие годы, точнее, зимой 1975 года, мы с Андреем Вознесенским стали названными братьями. В 80-годы XX века «король метафоры» подарил мне свои сборники с автографами. Теперь они стоят на моих книжных полках, являясь для меня самыми дорогими и ценными книгами. Синие и красные пометки, которые я во время чтения проставил под понравившимися мне строками и отрывками, свидетельствуют о времени и эпохе, тоске и надежде, встречах и разлуках.

Годы и дороги. Времена и столетия.

Две красно-синие линии превращаются в весенние дорожки, обсаженные с двух сторон красочными цветами, и уносят меня в весну 1987 года, в подмосковное Переделкино на берег чистого пруда, поверхность которого покрыта рябью. Вода того пруда своей прозрачностью напоминает мне стихи Есенина.

Дважды мне посчастливилось видеться и беседовать с «поэтом, вошедшим в поэзию на белом коне метафоры».

Однажды (похоже, это был 1986 год) я участвовал в творческом вечере Вознесенского, проходившем в ташкентском Доме знаний². Зал был набит до отказа. Когда мы передали Вознесенскому портрет Бориса Пастернака работы нашего друга художника Адилбека Бабаджанова, поэт был искренне обрадован и благодарен.

Свою первую поездку я совершил по заданию тогдашнего главного редактора еженедельной газеты «Ўзбекистон адабиёти ва санъати» («Литература и искусство Узбекистана») Ахмаджана Мелибаева. Мне было поручено организовать беседу с Андреем Вознесенским.

Как сейчас помню, на мне была легкая рыжая куртка популярной в то время пакистанской фирмы «Тобони», купленная в коммерческом магазине Сариасийского аэропорта, на левом плече – модная черная кожаная сумка. Подойдя к даче в Переделкино, двухэтажному деревянному дому, я увидел странное животное, сидевшее у открытой двери. Оно не было похоже на собаку, но нельзя было сказать, что это коза или баран, хотя шерсть у него была, как у козы, длинной и гладкой. Морда у него была длинная, белая с черными пятнами, свисали длинные уши, как у барана, глаза были печальными. Увидев, что я стою как вкопанный, это удивительное животное вдруг словно усмехнулось. Я остолбенел. Тогда, не меняя выражения морды, как будто насмехаясь надо мной, оно повернулось и, волоча свой длинный хвост, поднялось на второй этаж и скрылось.

¹ Вознесенский А. Поэма «Вечное мясо», гл. «Голос».

² Сегодня в этом здании расположен русский драматический театр.

Я нажал на кнопку звонка, через некоторое время услышал тихие шаги на ступеньках лестницы. Сначала показались клетчатые домашние тапочки, затем ноги, обутые в эти тапочки, после чего все туловище, редкая борода, растущая только на подбородке, рот и усы, римский нос, недовольные глаза и наконец почти лысый владелец всего этого «во всей красе». Этого человека я узнал сразу: это был главный редактор популярного в то время литературного журнала «Дружба народов» Сергей Баруздин. Узнав, кого я ищу, он изобразил крайнее неудовольствие. Буркнув: «Идите с другой стороны», – он быстро повернулся и ушел. С тех пор прошло более четверти века, но никак не могу забыть странную улыбку того пса и выражение лица его хозяина, до сих пор иногда это животное с улыбкой проходит через покрытый опавшей листвой садовый дворик моей памяти.

Я предполагал, что Андрей Андреевич – важный и высокомерный человек, наверное, я растеряюсь перед ним. Но мои сомнения рассеялись в один миг, как утренний пар, поднимающийся над озером в Переделкино. Этот известный на весь мир человек, несмотря на свою славу и авторитет, был очень простым. У него было открытое лицо, глаза светились доброжелательностью. Одной ласковой фразой «очень рад» он смел занавес отчужденности между нами. Тогда он был пятидесятичетырехлетним известным поэтом, а я двадцатидевятилетним малоопытным стихотворцем, у которого было напечатано всего две книжечки стихов. Чувствовалось, что моя решительность, звонки из Ташкента и, наконец, смелость, с которой я вошел к нему, мое искреннее восхищение его творчеством понравились Андрею Андреевичу...

Подробности этой встречи и беседы опубликованы в газете «Литература и искусство в Узбекистане» и несколько раз перепечатаны в моих книгах. Поэтому не буду на них останавливаться.

Я был очень рад его подаркам – фотографии, книгам «Взгляд», «Прорабы духа», автографу «...С намерением и ожиданием дарения первого и второго тома», оставленному на третьем томе «Избранных произведений», вышедшем в 1984 году в Московском издательстве «Художественная литература», его душевным словам.

Впервые я познакомился с его творчеством еще в отрочестве, тогда его стихи взволновали меня, а теперь волнительным было то, что я встретился лицом к лицу и беседовал с автором этих стихов, который говорил про себя, что он «полуземной, полунебесный» человек. Тогда из Москвы я вернулся с новыми впечатлениями, затем они, превращаясь в строки и тоску, в течение ряда лет лишали меня сна и покоя. На небе воспоминаний вертятся, как пропеллеры самолета, уподобления. Через годы это вылилось в стихотворные строки: «Похожи друг на друга воды, мосты, годы...»

При слове «Ташкент» у моего собеседника загораются глаза, на лице появляется теплая и светлая улыбка.

Он любил Ташкент особой любовью. В 1966 году, когда случилось страшное землетрясение, он, не дожидаясь каких-либо заданий и приказов, по собственной воле и желанию первым утренним самолетом прилетел в Ташкент и более десяти дней был рядом с ташкентцами, жил горем пострадавших от бедствия людей, поддерживал их словами и стихами, делил заботы и скорбь, написал поэму «Репортаж из Ташкента». В тот же день это актуальное произведение было напечатано в известной газете «Комсомольская правда» под заголовком «Помогите Ташкенту!». Впоследствии поэт отмечал в своих воспоминаниях, что тогда это выступление вызвало волнение читателей, что раздражало советских чиновников.

Поэт сравнил землетрясение, которое за один день объединило миллионы людей, сделало их сплоченными, единокровными и единокровными, с родовыми

схватками земли. Он предсказывал, что стойкость, воля и вера помогут людям пережить горе, на месте руин и развалин поднимутся современные кварталы, белые, как фарфор, здания, Ташкент превратится в фантастически красивый город. Поэт, посвятивший свое сердце этому городу, сказавший «Мой Ташкент – моя жизнь», еще не знал, что его предсказание и мечта миллионов узбеков осуществляются через четверть века.

В апреле 2006 года Андрей Андреевич еще раз написал о Ташкенте. На этот раз в газете «Труд» были напечатаны мои стихи в переводе Народного поэта Узбекистана Александра Файнберга со вступительными словами Вознесенского. Он писал о городе своих мечтаний и надежд: «Ташкент – не просто город. Для меня это город с особо святой и невероятно близкой аурой, и никакие геополитические изменения не могут вырвать его из моего сердца. Ташкентские поэты прошли испытание временем. Мне всегда дороги телефонные звонки из Ташкента, который для меня не просто город, а часть моей судьбы. Спасибо Ташкенту за его помощь нам стать собой».

Наша вторая встреча произошла через полтора года теплым прелестным осенним днем, эту пору русские называют «бабье лето». Листопад в Переделкино, березовая роша, сверкающая на солнечном свете, солнечные блики, играющие на золотистых листьях, демонстрировали всю красоту русской осени, казалось, словосочетание «золотая осень» употреблялось в прямом значении. Осень в этих местах была прекраснее весны.

Я по поручению и при поддержке тогдашнего директора издательства литературы и искусства имени Гафура Гуляма Эркина Вахидова должен был отвезти договор издательства на подпись. Договор предусматривал издание сборника стихов Андрея Вознесенского на узбекском языке, а сборник готовил я. По организационно-официальному обыкновению я отправился с командировочным удостоверением от Союза писателей республики. С помощью специального корреспондента «Литературной газеты» по Узбекистану писателя Мурода Мухаммада Дуста и по рекомендации заведующего Московским отделом этой газеты известного журналиста Владимира Соколова я без труда разместился в гостинице «Москва».

В день моего приезда в Москву в «Литературной газете» были напечатаны новые стихи Андрея Андреевича. В редакции Соколов дал мне свежий номер газеты, чтоб я заодно отвез его в Переделкино.

Хозяин встретил меня такой же ласковой улыбкой, открытым лицом и учтивостью, каким встречал и провожал меня полтора года назад. Чуть позже, приветствуя гостя звонким и радушным голосом, зашла жена поэта Зоя Борисовна Богуславская. Известная писательница, единственная королева его жизни, судьбы, стихов и поэм, разделяющая его радости и тревоги, главная героиня поэмы «Оза» – Зоя, Зоя Борисовна... Обмениваясь со мной приветственными фразами, она незаметно окинула меня взглядом с ног до головы и пригласила присесть. Потом из соседней комнаты принесла медный поднос с разными чудными и красивыми бутылками. Поднеся ко мне поднос с несколькими видами виски, французского, грузинского вина, коньяка и водки, спросила: «Что будете пить?» Я ответил: «Чай». Ее тонкие брови над ясными глазами чуть сдвинулись от удивления, и, подумав несколько секунд, она направилась в соседнюю комнату, откуда вскоре принесла тот же поднос с аккуратно расставленными пачками разных сортов чая. Среди красивых упаковок я увидел простенькую желтую пачку с изображением слона. В редакции газеты «Вечерний Ташкент» мы обычно заваривали такой чай, поэтому он показался мне родным, ташкентским. Через некоторое время хозяйка принесла искусно заваренный крепкий индийский чай. После

первой же чашки я почувствовал себя свободно, будто сидел не в Переделкино у известного поэта, а в своей родной редакции газеты «Вечерний Ташкент».

По наставлению Эркина Вахидова я должен был получить от Андрея Андреевича и вступительное слово к его книге «Мангу ризк» («Вечное мясо»), издававшейся на узбекском языке. Вознесенский тотчас написал, озаглавив его «Обращение к узбекскому читателю». Вступление было небольшое, около двух страниц, но в каждой фразе чувствовалось большое уважение и почтение поэта к Узбекистану, узбекскому народу и узбекской культуре. Он писал: «Надеюсь, стихи про Байкал найдут отзвук в сердце узбекского читателя, потому что на данный момент боль Аральского моря терзает мою душу».

На этот раз я просидел у них более двух часов. Взяв текст вступительного слова, фотографии, новые книги, подписав договор, попросил разрешения уйти. Зоя Борисовна, оставляя на своем сборнике рассказов и повестей «Остановка» автограф с пожеланием счастья и удачи, призадумалась и сказала: «Вот и цветочек Вам от меня на память», – и нарисовала изяшный цветочек над своим автографом.

Это было пятого октября 1988 года.

Книга Вознесенского была издана через год под редакцией ныне покойных поэтов Шавката Рахмона и Мухаммада Юсуфа довольно большим тиражом. Часть полагающегося за книгу гонорара, которая выплачивалась автору, Андрей Андреевич без всякой корысти хотел подарить мне, сказав: «Возьмите сами, пользуйтесь по своему усмотрению». Но я счел это для себя неподобающим поступком, и издательство перечислило деньги на банковский расчетный счет автора. Через некоторое время я получил благодарственное письмо от Андрея Андреевича: «Большое спасибо за красивую книгу».

Как отмечено выше, любовь А. Вознесенского к нашей стране, к нашим городам – Ташкенту, Самарканду, Бухаре, Хиве – была особенной. По образованию он был архитектором и считал наши древние города великими и вечными памятниками восточной и человеческой цивилизации.

В поэме «Вечное мясо» поэт рассказывает о вскрытии мавзолея Амира Темура в Самарканде в 1941 году и с сожалением отмечает, что это было огромной исторической ошибкой, вскрывать могилу и беспокоить дух покорителя мира было нельзя, это, как говорили в народе, привело к тяжелым последствиям: началась война.

Вознесенский был мастером слова, умел вкладывать несколько смыслов в одно простое слово. Однажды он подарил своему другу-режиссёру, отправляющемуся в Ташкент, свою книгу с автографом «От имени всех узбеков желаю Вам успехов!», зарифмовав «узбеков» и «успехов», и даже в этом простом пожелании смог выразить большое уважение к узбекам и широту своей души.

Лидеры советского государства той поры, носители его лживой идеологии по-настоящему опасались поколения, названного в литературе XX века «шестидесятниками», в том числе стихов и выступлений самого видного представителя этого поколения Андрея Вознесенского, поскольку его выступления собирали и привлекали к себе миллионы людей. Он всю жизнь писал правду, говорил правду. Благодаря своей образованности, вере и убеждениям, он смог жить правдой, глядя жизни прямо в глаза. Понятия «литература», «человек», «Родина» являлись для него священным убеждением, судьбой. В одном из стихотворений он писал: «Может существовать орден третьей степени “За заслуги перед отечеством”, но не бывает отечества третьей степени. Родина бесценна!»

Поэт не давал слова даже времени, но в конце своей жизни потерял дар речи. Его голос, в свое время звучавший для близких людей, друзей, голос, озвучивавший высокий полет его стихов, начал уходить от него. «Кто может сказать: жизнь, дни,

пройденные поэтом, страдания и боль – это поэзия ли, проза?...» Кроме него самого, кроме его произведений, никто на этот вопрос не сможет ответить.

В его последних циклах особенно ярко звучат прощальные стихи, строки: «Прощание с книгой», «Прощание со сценой», «Теряю голос», «Ода левой руке», «Прощание с микрофоном...»

Прощание. Прощание. Прощания.

Вся жизнь, два столетия – одна жизнь, от начала до конца состоящая словно только из прощаний, как сплошное прощание:

«Я ухожу со сцены. Я оставляю сцену. Я – человек-микрофон, весь век, больше ста лет пел для вас, читал вам стихи. Теперь я оставляю вас. Города, стереострой уходят вместе со мной. Я и сцену увезу с собой. Я вышел на сцену в тяжелые времена, когда лидеры пригрозили: “Уйди!” В душном, замкнутом строе, где нет воздуха, освобождающие ветры веяли именно с этих сцен, с которых мы читали стихи. Мы своими стихами смогли превратить стадионы в огромные духовные легкие. Теперь... Я оставляю сцену вместе со сценой. Со мной и сцена уходит со сцены. За то, что мне дала сцену, за то, что заключила меня в объятия наравне со всеми, спасибо тебе, Жизнь!»

Дорогой читатель, может, вы почувствовали крик в этом безголосом стихотворении?

В этом тревожном и колеблющемся беспокойном мире, где многие человеческие ценности, человеческие качества, благородные чувства уступают место деньгам и выгоде, кажется, что ценность Слова и литературы падают, но их исконная и вечная задача, сущность еще не потеряли своей силы. «Что такое массовая культура? – спрашивает поэт, и сам же отвечает: – Массовая культура – это массовое бескультурье». Литература, поэзия являются могучим спасителем, способным спасти человечество от катастрофы, вырвать из когтей чванства, невежества и подлости.

Вознесенский – певец человечности, поэт человечества. Он сравнил ночной бодрствующий и пылающий огнями шумный аэропорт Нью-Йорка со своим автопортретом. Память похожа на аэропорт, и днем и ночью шумящий, беспокойный аэропорт. Сравнения и метафоры поэта похожи на самолёты, на бодрствующих пассажиров, летящих в разные страны, на их воображение, мечты и надежды. «Белый след самолёта, летящего по небу – тень звука», – сказал как-то король метафоры, отправляясь в вечность. «Мы, пришедшие на этот свет и не нашедшие себя – лишь физические тени души», – писал он. В этих коротких строках затаились бесконечные страдания и огорчения человека. По истечении трех-четырёх месяцев после его кончины я позвонил его жене. Зоя Борисовна с сожалением сказала: «Как нам не хватает его голоса!..»

Кажется, все уже сказано, но в то же время ничего и не сказано, многое остается несказанным, если сейчас же не положить на бумагу, все потеряется. Жизнь поэта отражена в его книгах, произведениях, хотя беспрестанно твердят: «Поэзия – всего лишь секундный звук, немой секундный стон между Небытием и Вечностью».

На одной из творческих встреч читатели задали Абдулле Арипову вопрос: «Вы часто встречались с Чингизом Айтматовым, бывали вместе с ним в поездках, почему не пишете об этом воспоминания?» На что тот ответил: «Я не хочу, чтоб читатели подумали: “Вот уселся на коня вместе с Айтматовым”, – потому и не могу об этом писать».

Свои воспоминания и впечатления я перенес на бумагу не с целью сесть на «белого коня» вместе с Вознесенским. Я посмел написать о нем потому, что самые светлые, волнующие моменты моей молодости, моих студенческих лет, счастливые вечера и рассветы моей жизни прошли в атмосфере этой бурной

поэзии, они озарились стихами моих любимых учителей, встречами с ними, и все это оказало большое влияние на формирование моей поэтической судьбы, за что я чувствую себя в неоплатном долгу перед этим великим человеком, его именем.

В молодые годы Андрей Вознесенский, говоря о силе и беспощадности Времени, писал: «Мы сгорели на этом вечном огне, ты пытай меня, Время, пока тебе слово не выдам!»

Теперь наступила очередь слова Времени. Скажем ли мы: «Два века – одна жизнь» или «Одна жизнь – два столетия», теперь перед вечностью не имеет значения...

Два века – одна жизнь

Памяти Андрея Вознесенского

Душа отошла от тела,
Вокруг облаков пелена,
Жизнь мира не знает предела –
Моя ж исчерпалась до дна.

Божьим рабам защитой
Тень Бога до судного дня,
На лунном серпе душа взмыла,
Исчерпана жизнь до дна.

Что пользы от дней эпохи? –
Ведь речь мне уже не дана.
Роса так просила слова,
Но жизнь исчерпалась до дна.

Ты, бабочка, кружишь прощально
В предчувствии смертного сна,
Мгновенье твое миновало –
Исчерпана жизнь до дна.

Нажил я две семерки,¹
Жизнь ими определена,
Прими же теперь меня, небо,
Исчерпана жизнь до дна.

Разрушилось жизни здание,
Где тяготы, боль и нужда,
Растрескалось все и распалось –
Исчерпана жизнь до дна.

Терпение, твердость, стойкость –
Два века, а жизнь одна,
Все надвое расколосось,
Исчерпана жизнь до дна.

В лавке Твоей, о Боже,
Мне доля моя отдана,
Счета уже все закрыты,
Исчерпана жизнь до дна.²

¹ Андрей Вознесенский прожил 77 лет.

² Перевод Николая Ильина.

ЕКАТЕРИНА ДЖУГАШВИЛИ ВСТРЕЧАЕТСЯ С СЫНОМ СВОИМ ИОСИФОМ

Эссе

Георгий ПРЯХИН

Господи, ну и рожи! – подумала Екатерина, осторожно осваиваясь за столом.

И сама же испугалась своей дерзости. И даже рот свой, и так уже схваченный старостью крупными, сапожными стежками-шипками, прикрыла концом цветастого шёлкового платка, которым на кавказский манер покрыта её голова.

Мысли, конечно, сами по себе, нежданчиками, наружу не выскакивают, но чего не бывает в старости? – причём не только с мыслями. И она покрепче прижала платок к губам и даже попробовала его на вкус. Платок был нежен и ещё имел шоколадный привкус – только вчера его подарил ей сын.

Кажется, никто не заметил мысленной её выходки. Один только сын мельком взглянул на неё своим мускатным совиным глазом – на Москве уже шептались: мол, раньше в Кремле держали сокола, а теперь поселился там сын, и вся страна впала в его, ночной птицы, бессонницу, – поднимая тяжёлый гранёный готический бокал:

Выпьем за всех наших матерей! Мы так редко видим их, а ещё реже, басурманы, пьём за их здоровье. Мамаи наши, живите тысячу лет!

И все потянулись с бокалами сперва к нему, а после вспомнили и о ней.

Некоторые так даже перегибались в три погибели и даже губы смачно вытягивали, как будто не чокаться с нею лезли, а сразу – целоваться. Сын, сидевший в возглавии стола, один, – матери указали место в середине, – не чокнулся с нею, а просто ещё раз приподнял бокал и ещё раз взглянул на неё.

Сын, зорко отметила мать, выгодно выделялся среди остальных. Соразмерный, с правильными, твёрдыми чертами лица, с короткими, но уверенными, не бабьими движениями. Конечно, он постарел – она так давно не видела его! Конечно, на портретах он совсем другой. Фотографы, а тем более художники или те, кто руководит и фотографами, и художниками, как бы заново, не доверяя ей и исправляя её промашки, родили его. Именно такого, какого и требовал и видел, по их мнению, в своём воображении народ. Она рожала его, единственного выжившего своего, трудно рожала собственную слабою плотью, они же родили его – резцом. Сразу – каменным.

Свой, живой, нравится ей больше. С шершавой, ноздреватой кожей, с жёсткой, не подкрашенной рыжиной, из-за которой его упрямо приписывают к осетинам, как бы намекая мимоходом и на её супружескую неверность, хотя видит Бог: монахини где-нибудь в горах Сванетии, Христовы невесты, и те, наверное, менее бдительны в верности своему небесному супругу, чем была она, Екатерина, своему земному законному пьянице Виссариону. С лысинкой, что уже вьёт гнездо в его начёсанных порыжелых волосах – знала бы она, что ни одному оператору не

Георгий ПРЯХИН. Русский политик, журналист, писатель и издатель. Член СП России. Автор романа «Хазарские сны», повести «Интернат» и цикла эссе. Лауреат все-российских и международных премий, академик российской Академии словесности. Директор издательства «Художественная литература».

дано заходить к вождю с тыла! – с этими набрякшими подсумками под глазами... Да, мускатная спелость глаз, что так чарует её, желтизной кидает уже и на впалые щёки. И больная кисть, заметила она, стала ещё тоньше, ещё суше, из-за чего и вся пясть уже похожа на жёлтую и жалкую, в черепице, куриную лапку.

Куриная лапка... Прикуси язык! – очнулась старуха. – Придёт же в голову такая чертовщина. Свят-свят! Ей и так чудится, что угодила она на очень странную вечерю, на которой если и есть кто, не считая её, с человеческим лицом, так это он. Один – её сын. Ну вот, взять хотя бы вот этого, прямо супротив неё. Квашня квашнёю – сдери с него костюм и галстук, он так и расплзётся бельмом, опарою по столу. Сгребай пригоршнями, начиная с улыбки – она, угодливая, и впрямь пресмыкательная, так и поползёт, наверное, впереди него самого аж туда, на тот край стола, где засахаренным божком восседает её сынок.

Не любит она таких вот льстивых, узкогубых улыбок – внутри них всегда таятся мелкие, змеиные же зубы.

Или этот, рядом с нею, чёрный истукан, идол, с волосатыми ручищами не то предместного кожемяки, не то просто душегуба. Ишь, – опасливо косится она, – выложил на скатерть пудовые свои. Такими кулаками свай заколачивать или чужие окна в полночь высаживать. Говорят, главный по Москве – как же он, интересно, при таких-то кулачищах со всякой там профессурой-макулатурой общается?

А в самом дальнем углу, с краю, последушком, сдачей даже не сидит, а, кажется, по-половому стоит – настолько мал росточком: присядет на венский стул и скроется с головою под столешницей – примостился совсем уже огрызок. Недомерок. Ни к вилке, ни к ножу ни разу не притронулся – глазами только жадно ест одного и того же: Господа во главе стола.

Этот – из самых опасных. Из тех, кто по ночам орудует не ножом, а шилом.

Не нравится ей сыновья бражка. Откуда только понасобирал он их? Все как из бродячего шапито. Ни одного нормального. Кроме него самого. Не надо бы ему, поразительно трезвому, так беззаботно восседать на этом пьяном троне.

Да, в отличие от остальных сын умеет пить. И дело не только в кавказском происхождении – за столом есть и погорбоносее него. Просто было в кого уродиться, – горько усмехнулась про себя старуха.

Не надо б, не надо бы ему так сидеть – как другой, тоже на тайной вечере. Не возносись, не возносись, сынок – не вознесён будешь.

Господи, да что это со мной? – вновь мысленно прикусила язык старуха. В грех впадаю. Старость не радость, – сложила пальцы шепотью и тайком, вроде как платок поправила, перекрестила собственный в пучочек собранный рот. Хотя перекрестить хотелось не тайным, а полным, прилюдным крестом – сына.

Господи, спаси и сохрани его. И от этих, собутыльников, – тоже.

– Здоровье Генерального! – воскликнул некто, сидевший наискосок от старушки. – Здоровье Генерального! – повторил и даже вскочил с места, поднимая над головою почему-то не бокал и не стакан даже, а сразу – хрустальный рог – где только взял его, под столом, между коленями, что ли, зажимал? – Потому что здоровье Генерального – это здоровье всей нашей великой нации!

Человек вершал с таким сильным менгрельским акцентом, что непонятно было, какую всё-таки великую нацию имеет он в виду.

Сын заметно поморщился.

– До дна! – заторопился тостующий.

Зазвенел хрусталь, все, кроме сына и матери, тоже поднялись.

Старуха с неподдельным интересом следила за тем, с хрустальным рогом. Даже не за ним, а за его кадыком. Видно, что пил через силу – кадык заходил в судорогах. Осилит – аж пот на лбу выступил. И тут же втихомолку передал рог, как непостоянную ношу, в струнку вытянувшемуся за его спиной официанту.

Дорого же им даётся его здоровье, – подумала мать. Так и своё потерять можно. Но додумать не успела: сосед слева, приземистый и широколобый, тронул её за локоть и, заикаясь, шепнул:

– С-с-к-кажите с-с-слово...

Сын тоже сделал знак поджатой, увечной рукой.

– Гаумарджос! – негромко, не поднимаясь, произнесла старуха и, ни с кем не чокаясь, пригубила из бокала.

Все захлопали, зашумели, вновь обращаясь лицами не к ней, а к сыну. Она же, воспользовавшись суматохой, подобрала юбку, соскользнула со стула и вышла.

Она устала. У неё разболелась голова.

Кеке прошла в комнату, которую ей показали с утра, и, сняв только ботинки на высокой шнуровке, прилегла, не разбирая её, на пышно взбитую кровать. И перины, и подушки взбиты явно женской и умелой рукой. Кто стелет ему самому? Явно не жена. Она здесь, в Волинском, вообще, кажется, не живёт. Ни жены, ни детей... Они, как поняла старуха, отселены в другое место. Неподалёку, по этой же дороге, но – отселены. Собственно говоря, и её, Екатерину, неделю назад, по приезде в Москву, поселили вместе с ними, в том же загородном каменном особняке, одном из нескольких, обнесённых общим глухим каменным забором. Ей отвели там сразу несколько комнат, но она всё равно всю эту неделю чувствовала себя приживалкою. С детьми общий язык находила, хотя по-грузински из них толком не знает никто. А вот с невесткою нет. Она вообще не воспринимала её своей невесткою, эту шикарном молодую, холёную женщину со странно горячим взглядом и так не соответствовавшими ему плавными, медленными движениями пианистки или драматической актрисы. Примы. Ну разве прижмёшь эту гладко зачёсанную, Натальи Гончаровой, Парижами пахнущую, дегтярно-черноволосую голову к высохшей своей груди? Или прильнёшь ли сама, нечаянно всплакнув, к этому отстранённо, лунно холодному, не в меру, по старухиным понятиям, оголённому плечу? Нет и нет. Матерью её невестка не называла, обходилась именем-отчеством, даже к столу звала через горничную. Да и свекровь в эту неделю старалась лишний раз с нею не встречаться. Скуластая и заветренная, как краюха чёрного и чёрствого хлеба, в старушечьем клобуке, в тёмных и длинных монашеских своих одежках, она при ней сама себе казалась не только старше своих, тоже немалых, лет, но и – чужой. И этим хоромам, и снохе, и детям, и даже сыну, который в особняке почти не появлялся, оставаясь дни и ночи где-то за пределами семьи. Исподтишка лишь любовалась снохой, как любят в музее холодной и голой статуей или отчуждённо-знаменитой артисткой на холодно освещённой театральной сцене.

Хороша Маша, да не наша. Не такая бы жена нужна её Сосо. Пускай бы тоже русская, но – не такая. Постарше, попроще. И не с такими горячечными библейскими очами – лучше бы, чтоб там уже перегорело. Самые вкусные хлебы пекутся не на пылающих углях, а на соломенной золе.

И так странно иногда посмотрит на свекровь, как будто та перед нею в чём-то виновата.

В чём?

Виссарион тоже часто дома не ночевал – у каждого из них свой запой.

Смирись, дева. Махни рукой. Но эта, правда, если и махнёт, то не рукою, а – крылом. Пава!

Она и сама порою чувствовала себя пред нею виноватой. Вот только так и не поймёт, в чём?

Может, и невестке, как и сыновым фотографам, не угодила – с сыном?

Старуха повернулась на другой бок. Да, устала она за эту неделю. И в том, каменном, с гражданской обслугою особняке, и в этом, деревянном, военном и скромном, куда её позвали только сегодня, на это глупое застолье, чтоб завтра – проводить на вокзал. Выпроводить – да, она слишком черна для этих паркетных полов. Идёт и оглядывается – не наследила ли?

Муха на мраморе. Не складывается у неё, с лачужным её происхождением, с хоромами. Сын и в Тбилиси поселил её в беломраморном дворце бывшего царского наместника на Кавказе – вот уж точно навозная муха в янтаре. Но она и

там отыскала себе комнатку, в которой жила когда-то прислуга. Это он, сын, не глядя, перешагнул из их горийской хибарки в царские покои – ему ли обрашась на это внимание? Он и по воде пойдёт, аки посуху...

И вновь старуха испуганно прикрыла непослушный, хоть инсульта покамест, слава богу, ни одного не было, рот. Свят-свят!

Так и живёт она в том беломраморном дворце – в прислугах. В прачках – она невольно взглянула на свои сухие, сморщенные, смолоду съеденные подёнкой ладони. Пальцы дрожат, словно кто-то всё ещё играет на них. Ну, разве ж можно их положить на столе рядом с долгими – вот они-то сами для струн созданы – нежными – даже дорогое кольцо смотрится на них, как грубое, потное седло на арабском, с газельими глазами, скакуне – пальцами невестки? Разве что с теми волосатыми лапами недавнего соседа? Прачкою была, ею и осталась – даже здесь. Знает ли сын, что живёт она не в дарованном им царском замке, а в пристройке? Наверное, знает. Наверное, доложили – даже телефон в каморку её провели. Но, слава богу, помалкивает. Он и сюда, в Москву, направил её в наркомовском салон-вагоне. Но она уговорила охрану, и на ближайшей остановке его заселили пассажирами с детьми. Сама же разместилась в одном купе с официантками – привычнее. Корзинки только да бутылки, которые припасла для сына, ехали по-наркомовски: в курительном, мягком салоне. Правда, гостинцы отобрали у неё прямо на московском вокзале, и больше она их не видела.

Господи, твоя воля...

Всё равно, один-то подарок сыну она передаст. Уж его-то никто у неё не отберёт. Он и сейчас спрятан у неё в кармане.

Не заметила, как задремала.

Очнулась, услышав негромкий стук в дверь.

– Да! – села, едва доставая ступнями, тоже сухими и твёрдыми, до пола, на кровати.

Поправила платок – кто бы это мог быть? – ведь уже, похоже, полночь.

Вошёл, как она втайне и понадеялась, сын. Не во френче, а в мягкой байковой кофте, полотняных штанах, заправленных в обрезанные сверху валяные опорки – ноги болят? – мелькнуло в голове – и с носогреющей в зубах.

– Не спишь?

– Нет, – счастливо соврала мать. Господи, за всю неделю она ведь ни разу толком и не поговорила с ним.

Он неторопливо уселся в кресло возле круглого, наподобие ломберного, столика.

– Чаю хочешь?

– А ты? – вопросом ответила мать.

Он что-то нашупал под столом. Видимо, кнопочку. Потому что в ту же минуту, как будто только что стояла вместе с ним за дверью, появилась статная, сдержанная дама в белоснежной наколке и в туго накрахмленном, с выбивкою по краям, переднике, ловко и твёрдо удерживая на полной и сильной руке поднос с чайными парами, пирожными, вазою с фруктами и даже с графинчиком и хрусталём – всё это прикрыто, словно короною, каляной, расшитой салфеткою.

Ну и рука! – с приятным подумала старуха, узнавая когдатошнюю свою, молодую – даже Виссариону порой от неё перепало – десницу. Коня на скаку остановит! Вот эта, такая – точно нашенская.

Дама, поклонившись Екатерине, что так и не привыкла к чужим поклонам и смешно попыталась ответить тем же самым со своего пухового ложа, поставила принесённое на столик и ловко сдёрнула салфетку. Сын только бровью повёл – дамы в комнате уже не стало. Екатерина проводила её длительным заинтересованным взглядом. Идёт, чертовка, как строчку шьёт!

– Спускайся с облака, – улыбнулся сын в рыжие прокуренные усы: видать, заметил её взгляд.

Она послушно съехала с кровати и, прямо в чулках и носках, села в кресло напротив.

– Понравилась Москва?

– Понравилась, – простодушно ответила.

– То-то же. А ты не хотела ехать...

Мать засмеялась: это она-то не хотела? Только и мечтала – повидать сына. Как перед смертью. Да он – не знал.

– Девки замуж идут не когда хотят, а когда зовут.

Сын улыбнулся тоже.

Вспомнила бабка, как девкой была... Подвинул ей чай и сухое пирожное, себе налил вина из графина:

– Говорят, ты привезла?

Она встрепенулась, даже лицо морщинистое помолодело:

– А ты ещё не пробовал?

– Другие пробовали... Проверяли, – вновь усмехнулся сын.

– Да что ты? – изумилась мать. – Я у самого Теймураза-Косого на базаре бра-ла. Он, говорят, никогда не разбавляет...

– Тебе не понять, – погладил вздрогнувшую материнскую руку и сделал глоток.

– Да, – покорно согласилась. – В вине я не разбираюсь.

– А как тебе английский фотограф?

Странно, – мелькнуло у старухи. – Не о детях, не о жене, а о фотографе спрашивает...

– Фотограф-то тоже понравился, – задумчиво протянула она.

Ей и в самом деле понравился фотограф, с которым она провела вчера половину дня. Он снимал её в Москве для какого-то журнала. Сказал, когда встретились: «У нас с вами, мадам, будет сегодня фотосессия». Она испугалась: заседание, что ли, на которых она отродясь не бывала? Оказалось, нет. Фотограф ездил с нею по Москве на большой иностранной машине «Паккард», в которой, кроме них двоих и шофёра, был ещё офицер охраны, и снимал в разных местах. Сниматься она не боялась, хотя не помнит уже, когда с неё делали последнюю карточку. В молодости, пожалуй. Больше всего понравилось ей на набережной. Ты сидишь, а город перед тобою нежно плывёт. Только людей вокруг никого, ни на скамейках рядом, ни у парапета. Люди ей никогда не мешали. Может, фотограф настоял, чтобы перед глазами не мельтешили? Да, он ей очень понравился. Ловкий, обходительный, по-русски чешет лучше неё. Когда закончили, полезла в ридикюль, который специально для этой поездки в Москву и купила, но он засмеялся и сказал, наклонившись к самому её уху, как будто она уже глухая: «Я на вас и так уже хорошо заработал». И даже в тот же вечер прислал ей одну готовую карточку – она, Екатерина, на лавочке. Сидит так же, как сидела бы и у себя в Гори. Всё в тех же своих тёмных монашеских одеждах и высоком национальном клобуке. Не позирует. Она и слова этого не знает. А просто смотрит. Смотрит – пока ещё смотрит – на белый свет. На плывущий мимо и нежно город. Правда, печальными-печальными, давно перегоревшими большими глазами. Да, ей кажется, что на этой карточке именно она. Не то что с сыном – в жизни он один, а на новых карточках совсем другой. На старых, охранкою сделанных, – действительно Сосо, сын, только молодой. А на этих, современных, уже как бы и не он. Не её сын и даже вообще не смертной женщиной рождённый. Наверное, нынешние его фотографии искуснее тех, из охранки. И этот англичанин тоже как бы ещё начинающий, охранный. Но ей нравится, что она на этой фотокарточке – сама. Что это карточка, а не икона. До иконы, видать, и англичанин мастерством пока не дорос, да и она – перестарела...

– А кто не понравился? – довольно жёстко вывел её из оцепенения сын.

Неужели подумал, что она такая дура и ляпнет что-либо о его жене? Не-е-ет...

– Вот эти, – вымолвила и неуверенно показала рукой куда-то в сторону обеденного зала.

– Ну, ты не увлекайся, – остановил её сын. – Какие есть, такие и есть.

«Есть» и «съесть» – какие похожие русские слова! – подумала старуха.

Сын вынул из кармана ещё не надорванную, как новая карточная колода, пачку денег. Такого их количества она никогда не видела и даже деньгами их не восприняла. Бумажки. Когда их мало, они – деньги, когда вот так безмерно много – бумага. Карты.

– Возьми, – протянул ей.

– Зачем они мне?

– Пригодятся, – и пододвинул пачку к её ладони.

Медленно-медленно выпил бокал до дна. Мать обрадовалась: понравилось!

И стал подниматься:

– Тебя завтра проводят.

У неё сжалось сердце: неужели уйдёт? И она, быть может, уже никогда его не увидит?

– Подожди...

– Что? – не понял сын.

– Ты в Бога ещё веришь? – робко спросила она.

Тот молча и длительно, как на полоумную, поглядел на неё.

– Я всё-таки жалею, что ты так и не стал священником...

Он пожал плечами.

– Наклонись, – тихо попросила она.

Он недоумённо склонил голову – наметившаяся лунка грустно просквозила перед её глазами.

Мать также приподнялась, даже на цыпочки встала в своих самовязанных шерстяных носках, вынула из кармашка свой нательный медный крестик на шёлковом очкуре и надела на шею сына, тоже в нескольких местах, как и щёки, побитую старой, детской ещё оспою.

Он не сопротивился и даже обнял её – на прощание:

– Спасибо. До встречи.

Она, всплакнув, – окончательно поняла, что на вокзал отправится без него – перекрестила:

Храни тебя Господь...

Он, мягко, по-кошачьи ступая опорками, ушёл. Чай она допивала уже с давешней дамой. Матери хотелось поговорить о сыне, но та была неразговорчива. Тоже непроста, – заключила старуха про себя.

Деньги ещё раньше, сразу же после ухода сына спрятала под подушку – там они и остались. В самом деле – в могиле, даже беломраморной, деньги ни к чему.

Всё тот же, тоже неразговорчивый, офицер проводил её утром на Курский вокзал. Москва шумела вокруг них – где-то в этом многоголосье слышался ей и глухой, с невытравимым кавказским акцентом, голос сына. Она не могла понять, враждебно ли это чуждое столичное многоголосье ему или нет? Кто он тут, в этом гудящем раю-аду, свой или чужак?

И вообще, где он по-настоящему свой? В Гори, в крохотной церковке, рыжим ба-тюшкой в опрятном, хотя и стареньком, подряснике, как того ей втайне хотелось бы?

И она бы тоже приходила к нему на исповедь?

Старуха грустно покачала монашескою своей головой. Вряд ли.

На сей раз в вагоне никого, кроме obsługi. Знакомые официантки обрадовались встрече – им неплохо ехалось давеча со старухой. Расположив её в просторном купе, устроенном под гостиную, офицер, уже перед уходом, вынул из внутреннего кармана своей шинели крохотный свёрток в папиросной бумаге и положил на откидной стол:

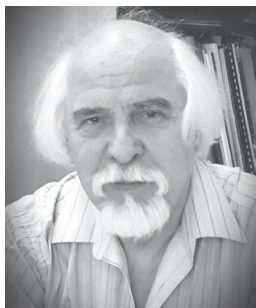
– Забыли. Велено вам передать...

Она не стала раскрывать пакетик при офицере.

Проводила. Вернулась. Раскрыла.

В пакетике лежал её собственный нательный медный крестик на шёлковой заношенной бечёвочке.

Она заплакала.

Тропа

Венок сонетов

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВ

Ланке

То ль есть тропа, то ль вовсе нет тропы –
Идем-бредем вдвоём по бездорожью,
Где камешек готов стать горькой ложью
И спрятаться от наказания в пыль.

А мы идём – у нас иная быль,
В которой разлучиться невозможно...
Ветра среди камней скулят тревожно,
Как будто зимний вечер наступил.

Над нами в облаках седых вершина:
С неё видна всех наших дней долина...
Все, что нам нужно, мы несём в себе.

Чем выше в высь, тем в нас нежнее нежность,
Идём-живём, чуть жалуясь судьбе,
К вершине, чьё названье – неизбежность.

1.

То ль есть тропа, то ль вовсе нет тропы
В тумане дней на осыпях мгновений?
И от усилий набухают вены,
Всё больше бестолковых и слепых.

Удары скал, то острых, то тупых
Под кожей оставляют след мгновенный
Кровоподтёков, скрытых откровенно,
Как тайный смысл, который в строках спит.

Во тьме любой, в любом густом тумане,
И в самом изощрённейшем обмане
Мы друг для друга – путеводный свет.

Молю тебя, будь очень осторожна...
Бог весть уж сколько вёрст и сколько лет
Идем-бредем вдвоём по бездорожью.

Владимир ВАСИЛЬЕВ. Родился в 1948 году в Рыбинске (Россия). Писатель, поэт, переводчик, член Союза писателей Узбекистана, автор многочисленных фантастических произведений. Лауреат премии «Интерпресскон-91». Кандидат технических наук.

2.

Идем-бредем вдвоём по бездорожью,
Хотя уж столько в мире есть дорог –
На вкусы все, на всех с лихвою впрок,
Под них песок, бетон, асфальт положен.

А нам тропу давай, где обезножить
Проблемы нет – недолгий нужен срок –
Катрен-другой – десятка хватит строк,
Лавину чтобы на буран умножить.

Прекрасна чувств и мыслей круговерть –
Едины в ней бессмертие и смерть.
Синонимы в ней простота и сложность.

Так мы друг друга чувствуем без слов,
В слова их облекая вновь и вновь,
Где камешек готов стать горькой ложью.

3.

Где камешек готов стать горькой ложью,
В паденье превратив неверный шаг,
Там надо быстро налету решать,
Что вероятно или невозможно.

Иначе лик прекрасный станет рожей
И душем ржавым – чистая душа.
С устойчивостью стойкость совмещать
Возможно, если друга чуют кожей.

Когда любимым и себе не лжёшь,
В согласье с мирозданием живёшь
И не стоишь в сомненьях на распутье.

Коль ложь себе заранее простил,
Конец с началом надо перепутать
И спрятаться от наказания в пыль.

4.

И спрятаться от наказания в пыль,
И пылью стать, а после ливня – грязью,
К подошвам липнуть, словно рифмой к фразе,
Которую давным-давно забыл.

Уходит в мёрзлый пшик любовный пыл,
Когда, зевая, стал притворством праздным.
Любовь – стихия, мирозданье, праздник,
Который из мечты своей слепил.

В ладони светлячком лежит ладошка –
Ты посвети мне, посвети немножко –
И мы прозреем в мираже судьбы.

Мы разглядим, где сели, где лавины...
Пусть тормозят нас всякие причины,
А мы идём – у нас иная быль.

5.

А мы идём – у нас иная быль –
Прекрасный мир меж будущим и прошлым,
Который нашим счастьем припорошен –
Любила ты, и я тебя любил

И до сих пор ничуть не разлюбил –
Луг нежных чувств косою лет не скошен,
Лес добрых чувств и остров чувств хороших...
На них живу я, как и прежде жил.

Ты посмотри, как этот мир прекрасен:
В нём ветер свеж, и горизонт в нём ясен,
Огонь костра не гаснет никогда,

На музыку любви бейт бытия положен
И песнь-река течёт с улыбкой по годам,
В которой разлучиться невозможно...

6.

В которой разлучиться невозможно...
Где встретиться нам было не дано –
Вселенных тьма, в них нам с тобой темно,
Коль в них разлука наша непреложна.

Пусть мультиверсум необъятно сложен,
Нам нужен мир, где вместе мы давно,
Все остальные будут просто сном,
Кошмарным сном с мурашками на коже.

Вот – крыша мира, вот – его окно,
Вот – телевизор, где идёт кино,
Любимое – в нём мир наш огорожен.

И вдруг опять: тропа, гора, ледник,
Снежинками мелькают наши дни...
Ветра среди камней скулят тревожно.

7.

Ветра среди камней скулят тревожно.
На солнышко им хочется, в тепло –
Не громыхало чтоб и не текло
И вихрь к пурге чтоб не был приморожен.

Закон высот суров и непреложен –
В нём правда жизни, не слепое зло.
И ежели кому не повезло,
Никто второй попытки не предложит.

С одной попытки мы с тобой нашлись
И сразу крепко за руки взялись,
Чтоб никогда уже не потеряться.

Морозом веет нас влекущий пик –
Пора нам потеплее одеваться,
Как будто зимний вечер наступил.

8.

Как будто зимний вечер наступил,
 Друг к другу прижимаемся теснее –
 Тепло и нежность – всё, что мы имеем,
 В них перешёл весь наш любовный пыл.

Тот кубок страсти истинной испил,
 Кто нежность в глубине души лелеял.
 Кто семена её в душе посеял,
 А позже их заботливо взрастил.

Тем не похожа на любовь влюблённость,
 Что в ней уместна недоговорённость.
 Любя, мы друг о друге знаем всё.

Так будь для нас, тропа, живой и длинной...
 Любимая – наездник, я – осёл,
 Над нами в облаках седых вершина.

9.

Над нами в облаках седых вершина,
 Над нами – небо, солнце – красота...
 И непреодолимая черта,
 Преодолеть которую хотим мы.

Там пропасть, там Небывшего руины,
 Там бытиём не ставшая мечта,
 Край пропасти – в деревьях и кустах,
 Чтоб не было шагов... необратимых.

Но вдоль и мимо наш незримый путь,
 С которого не спрыгнуть, не свернуть
 И не дойти уже до половины.

Вон там, на пике, мы и постоим,
 Обнимемся, немножко помолчим –
 С неё видна всех наших дней долина...

10.

С неё видна всех наших дней долина,
 Нам не забыть её и не вернуть –
 Лишь тихо с благодарностью вздохнуть:
 Был светлым путь и объективно длинным.

Хотя длина чрезмерно субъективна:
 Нам – жизнь прожить, а Богу – лишь моргнуть,
 Друг к другу нам на краткий миг прильнуть,
 А электрону – скорая кончина.

Вот такова она – Планета Жизнь,
 Что на ладони капелькой дрожит,
 С ней мирозданию быть Вселенной Духа.

С тобою в ней мы вместе, как в избе,
 Где и светло нам, и тепло, и сухо –
 Все, что нам нужно, мы несём в себе.

11.

Все, что нам нужно, мы несём в себе.
Ещё немного – в рюкзаках заплечных:
В них судьбы ближних, встречных-поперечных
Наш общий скорб из радостей и бед.

Глубок от груза на тропе наш след,
Нередкими шатаньями отмечен...
Сомнения любовь и вера лечит,
Надежда дарит путеводный свет.

Путь между скал мы сами выбираем,
И не боимся, что вдруг потеряем,
Путь – мы, путь – наш, на нём нам хорошо.

Жалеть о прошлом стали мы всё реже,
И чувствуем всем сердцем, всей душой –
Чем выше в высь, тем в нас нежнее нежность.

12.

Чем выше в высь, тем в нас нежнее нежность,
Сильнее, чем пылающая страсть,
Она вершит свою над нами власть –
И учимся мы нежности прилежно.

А небо над тропинкою безбрежно,
И мы – его невидимая часть...
Быть может, смысл пути – в него упасть
И обрести весь спектр жизней прежних?

Пока же нам хватает и одной,
Где я с тобой, а ты всегда со мной,
И никакого спектра нам не надо!

Мы вряд ли перейдём уже на бег –
Шаги вдвоём – нам лучшая награда:
Идём-живём, чуть жалуясь судьбе.

13.

Идём-живём, чуть жалуясь судьбе,
Кряхтим, ворчим и понимаем: счастье
Друг друга стать неотторжимой частью!
Нам сутки врозь – бессмысленный пробел.

Я много в жизни сделать не успел,
Шёл не туда, да и ленился часто,
Но у меня есть собственный участок
Вселенной – только для великих дел.

Там мы с тобой свой мир и сотворили,
Там обрели и души наши крылья,
Стихи и дети обрели там жизнь.

Земля и небо... Мы шагаем между –
Дай руку мне и за мою держись –
К вершине, чьё название – неизбежность.

14.

К вершине, чьё название – неизбежность.
Мы добредем, конечно, не спеша,
Никто нам не посмеет помешать,
И ничего, что воздух там разрежен –

Дышать любимым может тот, кто нежен.
Нам кислород не нужен, чтоб дышать
В том мире, где душой живёт душа
Дыханье навсегда пребудет свежим.

Там никого не будет, кроме нас –
Лишь ты и я, и вечное сейчас,
И пламя облаков единым фронтом...

Дано ль нам каплю Истины испить:
Там за вершиной, там за горизонтом
То ль есть тропа, то ль вовсе нет тропы?..

ПРИДУМАННОЕ ИНТЕРВЬЮ

Владимир Германович Васильев, известный также как «Василид-2», – русский поэт, публицист, литературный критик и писатель-фантаст.

Стихотворения Владимира Васильева были впервые опубликованы в 1966 году в газете «Комсомолец Узбекистана». С 1976 года Васильев – постоянный участник семинара молодых писателей при СП Узбекистана, его стихи и проза регулярно появляются на страницах самиздатского журнала «Карасс», ставшего «печатным органом» неформального литературного салона молодых писателей Узбекистана.

С 1977 года стихи Васильева регулярно публикуются в ташкентском альманахе «Молодость». Первый авторский поэтический сборник «Полет стрелы» был подготовлен к печати в 1983 году, однако после андроповского «идеологического пленума» готовый тираж был пушен под нож. В урезанном виде сборник увидел свет лишь в следующем году. В 1989 году вышел поэтический «сборник в сборнике» – «Слова любви» – в коллективной книге «Встреча» (Ташкент).

Стихи для Васильева-поэта – это особое состояние души, когда она обнажается, становясь беззащитной:

*Поэма – состояние души,
Не рифморитмование сюжета,
Когда душа пред Зеркалом раздета
На площади, в строке или в глуши.
Любое слово – как предсмертный вздох:
Одно лишь важно – как слова расставить!
Как не позволить смыслу их растаять
В тумане задыхающихся строк!..*

Владимир Васильев – автор интересных историко-философских фантастических произведений, в центре внимания которых пути развития общества, вечные вопросы бытия – сущность жизни и смерти, их религиозное и научное постижение; он также талантливый автор критических статей о фантастических произведениях: «Под маской идеала» (1988), «Письмо к милорду» (1989), «Между ложью и правдой» (1990) и критико-публицистической фантазии «В поисках милосердия, или за сорок лет до...», написанной по мотивам романа А. и Б. Стругацких «Отягощенные злом, или сорок лет спустя». Она была удостоена премии «Интерпресскон-91».

В 1988 году Владимир Васильев принял участие в Ташкентском семинаре молодых писателей-фантастов при ИПО «Молодая гвардия», в этом же году увидели свет его первые фантастические публикации – рассказы «Оглянись, Эрик!», «Дверь» и «Игрушки».

В 1990 году на страницах журнала «Звезда Востока» появился первый роман-утопия Васильева «Наука как наука», своего рода «производственный фантастический роман о науке», который сразу обратил на себя внимание критиков и любителей фантастики. Видный российский критик и автор фантастических и детективных произведений Р. Арбитман писал: «В противовес всем хулителям В. Васильев поднимает свою Науку (“Наука как наука” [“Звезда Востока”, № 3, № 4, 1990 г.]) на неслыханную высоту и... теряет чувство меры. У Стругацких деятельность лаборатории по выработке “счастья человеческого” наполнена авторской иронией и необидной насмешкой, инженеры Владимира Савченко сами немножко играют друг с другом в КВН. Васильев же величав и серьезен; для него научный институт – это храм, моделирование счастья – ответственный государственный заказ».

Но ничего в этом плохого нет. Наоборот, произведение не рядовое! Для нашего поколения. У каждого поколения свои мифы, свои идеалы и своя жизнь». Сам автор по этому поводу заявляет:

«...Я “услышал” мысль Николая Бердяева из “Смысла истории” о том, что “в действительности каждое поколение имеет цель в самом себе, несет оправдание и смысл в своей собственной жизни, в творимых им ценностях и собственных духовных подъемах, приближающих его к Божественной жизни, а не в том, что оно является средством и орудием для поколений последующих...”».

С распадом СССР сходит на нет возможность публикаций. Так, не дошла до читателя книга публицистики «Диалог с Зеркалом», стоявшая в плане издательства «Узбекистан», не увидел свет «антифантастический» рассказ с сильным публицистическим зарядом «И никаких фантазий», не вышел книжный вариант романа «Наука как наука», стоявший в плане издательства им. Гафура Гуляма и т. д. Публикации становятся эпизодическими, но все же публикуются фрагменты фантастического романа «И тьма не объяла ЕГО» (1993-1994), повесть «Фантазия на тему “Богу богово”» (1998), венок сонетов «Река» (1998), часть романа «Микрошечка» (2004), роман-эпопея «Хлопотуша» (2008 г.), повесть «Дальше в лес...» (2009), роман «Гостиница» (2011), роман-трагифарсмогория «А-а-ап-чи! или Бу-здр!» и триптих былин-мифов «Василидовы сказы» (2015). В альманахе Б. Стругацкого «Полдень XXI век» появляется рассказ «Душа обремененная», философские эссе «О Человеке Вечном» и «Реквием по читателю». Публикаций на первый взгляд кажется много, но выходят они мизерными тиражами.

В полемике с Вячеславом Рыбаковым написаны критико-публицистические статьи «Письмо из Шамбалы» и «Письмо светоносному князю...», с Александром Громовым – статья «Почему вымерли динозавры», с Я. Веровым и И. Минаковым – «Операция «Антивирус», с Ю. Н. Афанасьевым – публицистическая статья «Что почему?»

Жизнь Владимира Васильева подчинена девизу «Пока дышу – пишу». Не случайно он выбрал себе псевдоним «Василид 2» – в память о первом Василиде, христианском философе, жившем в Александрии в первой половине II в. Тот сочинял гимны и даже опубликовал свое издание Евангелия. Душа является, по его представлению, хотя и бессмертной, но всего лишь оболочкой, в которой обитает дух, неизреченное семя высшей природы. Истинное я – это только дух, душа же навеки обречена жить в этом мире. Она не может покинуть его. Вот и васильевская «Душа обремененная» навеки останется с ним, а с нею – его стихи и проза.

19 ноября 2018 г. Владимиру Германовичу Васильеву исполнилось 70 лет. Совет по русской литературе при СП Узбекистана, редакция и общественный совет журнала «Звезда Востока» поздравляют юбиляра, желают доброго здоровья и долгих плодотворных лет.

Меня спасала твоя любовь...

ДАВРОНА

Бессонница

Когда придет ко мне бессонница,
Как будто кто за мною гонится,
Как будто кто меня зовет,
И, не дозвавшись, горько плачет.

Когда придет ко мне бессонница,
Я перелистываю улицы
Всех городов, что мною пройдены,
Как раз на это ночи хватит!

Когда придет ко мне бессонница,
Я вспоминаю ваши лица –
Где вы теперь, мои друзья,
Кто вам долги мои оплатит?

Когда придет ко мне бессонница,
Я вижу: где-то мчится конница,
А потерявший табун конь
Один, куда не зная, скачет.

Когда придет ко мне бессонница,
Как будто кто-то рядом молится,
О чем он просит в тишине,
И почему он слышен мне?

ДАВРОНА (Динора АЗИМОВА). Поэт, переводчик. Автор 3-х поэтических сборников и публикаций в республиканских и зарубежных периодических изданиях.

* * *

Когда я сажусь в самолет,
Неспешно
Багаж проверяю,
Душой обреченно
Страдаю о том,
Что привидится мне.

Лишь только шасси он поднимет,
Крылом распугав журавлей,
Мне кажется – я пролетаю
Над длинной жизнью своей.

Лечу над пустыней молчанья,
Лечу над горами сомнений,
Над холмиками удачи,
Над реками суеты.

И тихая, полунемая
Рождается песня во мне.
Мне будто все снилось во сне.
Мне будто все снилось во сне...

Сыну

В эту лихую годину,
Когда
В материнской утробе
Пахнет огнем!

Пахнет разлукой и гарью,
Брошенным домом,
Забывтой могилой,
Пахнет войной...

В эту лихую годину,
Мой сын,
На какую же муку,
На что ж я тебя
Посылаю?

Но... может,
Это – твоя дорога?
И то, что не ведомо Богу,
Знает ребенок?

Прощание

Я уйду.
Так проходят дожди,
Так истают снега,
Пока!

Я уйду.
Так уходят моря,
Так уходят леса,
Прощай!

Вся истаю.
Останется после меня
Этот белый листок,
Эта капля дождя,
Эти несколько слов –
Всего несколько фраз!
Но они все – о Вас,
И они – лишь для вас.

Если вдруг
Этот белый листок
Попадет в Ваши руки,
И несколько строк
Вас согреют...

В этот вечер
Есть древний обычай
У нашей земли:
В сумерках
Зажигаются свечи.

Это – в память о тех,
Кто творил, кто терял,
Кто дерзал, кто не знал,
Кто любил и страдал.

Вот и все, что осталось
После меня:
Этот белый листок,
Эти несколько слов,
Всего несколько фраз!

Но они все – о Вас
И они – лишь для Вас.

* * *

Седой профессор с кафедры устало
 Опять в который раз про музыку читал,
 Сел за рояль – и все. Его не стало,
 А музыка жила и снова волновала,
 И зал в который раз был ей пленен,
 В который раз был так доверчиво обманут,
 В который раз был счастьем окрылен.

И в этом добровольном отреченье
 Он забывал о горестях своих,
 Он проникался этой сладкой мукой,
 Завороженный мастером-творцом,
 Он на мгновенье вышел из игры
 И плыл, забывшись,
 Подчинившись звукам.

* * *

Я не умру.
 Я растворюсь во сне!
 Иль расплещусь
 По голубой волне,
 А может, просто
 Зайчиком веселым
 Я запляшу
 По солнечной стене.

Уйду я в зимний
 Розовый рассвет,
 Уйду к горам,
 Где под пушистым снегом
 Укрыт капризно выгнутый хребет,
 Я не умру...

Милосердному

Ты видел все!
 Судьба нас гнала
 Так,
 Будто толпа безумцев
 Шла по следу.
 Тогда сама земля
 Горела под ногами.

А демон смерти
 То терял
 Из виду нас,
 То снова
 Брал в плен.

Не было ни минуты
 Забвения!
 Кольцо отчаянья
 Сжимало горло мне.

И в этой пляске
 Между жизнью
 И смертью
 Меня спасала
 Одна любовь твоя.

МИРКАРИМ ОСИМ

ТОМАРИС

Рассказ

I

Степь постелила под ноги невесты зелёный весенний ковёр, разукрашенный ранними полевыми цветами. Жаворонки порхают по небу, восхваляя весну. Разноцветные красочные бабочки опьянены благоуханием весенних цветов. Длинноногие птицы, помахивая коротенькими хвостами, величаво ступают среди трав, черепахи тянут сморщенную неказистую шею к траве, а жуки, пятясь, катают откуда-то катышки кизяка. Пёстрая змея, выглянув из травы, стрелой кинулась на суслика, который стоял как столб, озираясь по сторонам. Чирикающие, как птицы, ящерицы испуганно прячутся в песке, разметая его лапками по сторонам. Иногда вблизи от селений шумной гурьбой проскакивают белорудые сайгаки.

Кочевые массагеты (племена, жившие в низовьях Амударьи и Сырдарьи в VIII–IV вв. до н. э.), хозяева бескрайних степей на юге Аральского моря, ждут приезда невесты. Их стан в праздничном наряде. Разведены костры. В медных котлах бурлит-булькает мясо джейранов и баранина, нетерпеливо ждущие гостей.

Томарис – глава племени – собирается женить своего сына Сипарангиза на Зарине, девушке из племени шаков (скифы – племена, жившие в I тысячелетии до н. э. и в начале I тысячелетия н. э. на территории нынешней Средней Азии, Казахстана и восточного Туркестана). Массагеты готовятся к торжественной встрече гостей и близких невесты.

Молодежь отвечает за обустройство гостей, женщины – за кухню. Свахи занимаются украшением длинных крытых кибиток.

Молодые ребята, отдыхающие вокруг костров после утомительной свадебной возни, увидев мчащегося гонца, повскакивали с мест.

– Невеста... Едет свадебный кортеж с невестой, – кричал гонец задыхаясь. – Старейшины идут впереди, поторопитесь к встрече невесты!

Гонец слез с коня, привязал его к столбу и подсел к старикам, сидящим у костра.

Все люди племени на ногах: стар и млад – все готовятся к встрече дорогих гостей. Вскоре вдалеке показались всадники в войлочных остроконечных треуголках.

– Добро пожаловать, дорогие гости! Добро пожаловать! – встречала молодежь гостей, помогая им спешиться, удерживая лошадей за узду.

Миркарим ОСИМ (1907–1984). Писатель, переводчик. Окончил Московский госпединститут. Автор многочисленных рассказов, исторических повестей «Ўтрор», «Тумарис», «Темур Малик», «Александр ва Спитамен». Заслуженный деятель культуры Узбекистана.

Скифы слезли с коней, поздоровались с пожилыми массагетами и сели, поджав под себя ноги, на расстеленные цветные ковры на открытой полянке, окружённой длинными крытыми кибитками. На скатерти из овечьей кожи стали расставлять варёное мясо, подали кумыс в бурдюках.

Подъехали длинные крытые кибитки с невестой и ее подругами. Пламя костров все ярче освещало пирующих и небо над площадью. Свадебные песни подружек невесты и молодых парней смешались с криками и гамом детей, чувствующих себя на седьмом небе от радости. В свете пламени костров, начались песни, пляски, пир на весь мир.

Спустя некоторое время, перед тем как посадить жениха и невесту в свадебную повозку, совершили обряд единоборства¹.

Зарина – статная, смуглая, черноволосяя невеста с тёмными блестящими глазами – выделялась из толпы подружек особой красотой. Она осмотрела юношей и девушек, сидевших вокруг костра, и почтительно поклонилась Томарис, величаво сидевшей в кругу почтенных стариков и старух. Потом пристально посмотрела на Сипарангиза, молодого человека с удлинённым лицом и тёмными большими глазами, который стоял напротив, готовый бороться с ней. Волосы девушки были туго обвязаны платком, сама подпоясана ремнем. Неожиданно она подошла к парню. Схватила его за пояс, сбила с ног, заставив лететь кубарем, и он, пошатываясь, оказался на коленях. Парни и подружки невесты весело засмеялись.

Жених и невеста, выжидая удобного момента, долго кружили вокруг друг друга. Зарина ловко извернулась, схватила за ворот Сипарангиза, дала подножку и свалила парня с ног, но он, не коснувшись спиной земли, быстро вскочил и продолжил борьбу.

Они не могли одолеть друг друга, и, чтобы остыть, стали кружить по площади. И тут Сипарангиз внезапно схватил девушку за правую руку, резко дёрнув, крепко прижал за тонкую талию и поднял ее. Девушка ожидала, что он бросит ее влево, но жених, словно угадав ее мысли, бросил вправо. Друзья жениха, сконфуженно до этого молчавшие, вдруг закричали во весь голос – девушка лежала на обеих лопатках. Потерпев полное поражение, девушка встала. Свахи, приговаривая «Мирись-мирись», посадили жениха и невесту в крытую свадебную кибитку.

Утром следующего дня погода испортилась, началась песчаная буря. Спасая жизнь, все живое попряталось в своих норах и берлогах. Степь опустела. Небо померкло от песчаной бури. Кочевники прикрывали свои кибитки от песка. Буря продолжалась час. Потом прекратилась так же внезапно, как и началась.

С кибиток сняли покрывала, очистили их от песка и пыли. Вновь стали шепетать жаворонки, словно ничего и не было. Солнце, вновь улыбаясь людям, щедро раздавало, как монеты, свои серебряные и золотые лучи, осыпая голову невесты своей щедростью. Весна-живописец вновь взяла в руки свою волшебную кисть и стала наносить на картину природы прекрасные неповторимые узоры. Томарис не нарадуется, глядя на сына и невестку. Однако, недаром гласит народная мудрость: если пятнадцать дней месяца тёмные, то пятнадцать дней – светлые. На небосклоне счастья появился клочок чёрной тучи, душу степной царицы охватила тревога, беспокойно зашемило сердце, предчувствуя беду. Гонцы, прискакавшие с границ, сообщили Томарис, что к ней с визитом едет посол Ирана.

Посол Кайхисрава² и сопровождавшие его люди перешли на правый берег Укуза и через два дня пути прибыли к Томарис. На медленно ступающей лошади

¹ Таков предсвадебный обряд. Он описан в огузском героическом эпосе «Книга моего деда Воркута», где состязаются Бамсы Бейрек и Банучечек (К. Ж.)

² Кайхисрав или Кир – древнеиранский шах (558–530 до н. э.) – основатель государства Ахеменидов. В 530 г. напал на нынешнюю Среднюю Азию, был убит во время боя царицей массагетов Томарис.

посол приблизился к кибитке, покрытой белым покрывалом. Тут же появился воин атлетического телосложения в войлочном колпаке при полном воинском снаряжении: с саблей на ремне и луком за спиной, взялся за узду лошади, другой рукой придерживая золотое стремя посла до тех пор, пока тот не высвободил ногу. Две вооружённые женщины расстелили ковер у входа в кибитку и застыли, приветствуя. Красивая статная женщина лет сорока, приподняв занавес в кибитке, вышла из нее, осторожно придерживая саблю, которая висела на золотом ремне. Это была царица массагетов Томарис. Две девушки с топорами, поблескивающими в руках, стали по обе стороны от нее. Посол, увидев Томарис, приложил руки к земле, поцеловал ее, встал и приветствовал царицу.

– Его величество шаханшах Ирана передал великой царице свое приветствие и прислал много подарков, – сказал посол четко и громко. – Его Величество желает тебе здоровья, несметного богатства и долгой жизни.

Пока он говорил Томарис официальные слова приветствия, прибывшие с ним люди положили к ее ногам парчовый узел с украшенным золотом халатом, тонкими нежными платьями.

Томарис выразила благодарность за подарки, спросила о здоровье шаха Ирана, о том, как послы доехали, и предложила им сесть на тигровую шкуру, постеленную на шалчу¹. Через какое-то время хозяева расстелили перед гостями кожаные скамьи и расставили угощения: варёную баранину, шашлык из рыбы, гусей и уток.

Посол, сидя за дастарханом, обратил внимание на то, что массагеты ведут кочевой примитивный образ жизни. Женщины, как и мужчины, ходят вооружёнными, а сама царица сидит рядом с простым народом. Он сравнивал все это с жизнью шаха Ирана, который живёт в расписных домах, великолепных дворцах, среди драгоценных украшений, сравнивал тот и здешний образ жизни. «Тоже мне царица! – подумал он. – Сидит рядом с простолудином, ест с ним вместе, рядом с царицей обросшие, со взъерошенными волосами пастухи протягивают руки к жирному мясу, у нее нет ни золотого престола, ни короны! Посмотри-ка! Женщины сидят с мужчинами вместе, на равных болтают с ними, пустословят. А как они жуют мясо! Возможно, мужья этих женщин и не знают, что такое ревность. О боже! Женщины – с оружием! У них нет ни рабов, ни прислуги. Все, что заработано, что добыто – в общий котел. Что говорить-то?! Дикий народ! Они не годятся ни на что, кроме как быть рабами!»

Кайхисрав, отправляя посла, наставлял:

– Если я женюсь на Томарис, ее подданные само собой попадут в мои руки, не будет никакой нужды в войне с массагетами. Твоя задача – помочь мне в выполнении моих планов.

Посол, чтобы выполнить поручение Кайхисрава, пускал в ход все свое мастерство, всю хитрость, все слашавое лицемерие, вознося Томарис до небес.

– До сих пор мир не знал женщины, которая правила бы таким великим государством! Все поднебесное не знало такой справедливой правительницы, – хорохорился он. – Бог Солнца дал тебе и красоту, и честь, и славу. Если ты соединишь свою судьбу с судьбой нашего шаха, то никто в мире с нами не сравнится. – После разговора из пустого в порожнее наконец перешел к открытому изложению основного:

– Я тут не просто посол, но и сват. Наш великий шах заочно влюблён в тебя. Томарис перестала жевать.

– Что ты сказал? Ты являешься сватом?

¹ Шалча – небольшой домотканый палас.

Только теперь она поняла истинный смысл намерений иранского шаха.

– Да, именно сватом, – повторил посол, опустив голову. – Вот уже более года, как умер твой муж, ты еще молода и прекрасна. Ты достойна только такого величайшего из величайших повелителей, как шаханшах Кайхисрав.

– Что? Поумирали все его жены, и он оказался одинок?

– Нет, все его жёны живы-здоровы. Если ты выйдешь замуж за него, ты станешь главной его женой, остальные будут твоими рабынями.

Нахмутив брови, Томарис задумалась. Она представила себе, что станет с ней и ее народом, если она примет подарки и предложение шаха, и пришла в ужас.

– Наверняка твой шаханшах влюблен не в меня, а в мою страну, в моё богатство, – едко и злорадно засмеялась Томарис. – Ему нужна не я, а моя богатая, привлекательная для него земля. Ты, господин посол, передай своему венценосцу: я решительно отвергаю его предложение, не хочу быть его женой, обрекая свой народ на рабство!

– Прежде чем отвергать предложение шаханшаха, следовало бы тебе посоветоваться со своими старейшинами и военачальниками, – сказал посол, глядя на воина атлетического телосложения в войлочном колпаке и в воинском снаряжении, который сидел справа от Томарис.

– Нет смысла ломать голову по этому поводу, – сказал один из старейшин. – Наша повелительница высказалась. И ты передай своему шаху, что Томарис не хочет быть ему женой, а ее народ быть у него в рабстве. Если шаханшах придет к нам гостем, мы как следует, гостеприимно встретим его, зарежем сорок баранов. Но если придёт с мечом, то мечом и ответим, всех воинов его напоим их же кровью.

– Это не подобающая чести Его величества шаха речь, – сказал посол, задыхаясь. Он хотел ответить резче, но, увидев возмущенные, сердитые лица сидящих, прикусил язык. – Великий венценосец послал нас с добрым намерением. А вам оказалось недосуг правильно понять замысел нашего шаханшаха. Посмотрим, как дальше все обернется для вас.

– Благо, что ты посол, иначе бы я за такие слова заполнила твой рот песком, – сказала рассерженная Томарис. – Не забывай, где находишься! И не давай воли своему языку! Нам хорошо понятна затея шаханшаха Ирана. Хоть осыпь нас золотом, мы свободу не променяем ни на что!

– Вот это истинно! – закричали сидящие за дастарханом.

– Именно так отвечают наши женщины! – поддержали ее другие.

В это время послышались топот копыт и крики молодых людей. Встревоженный посол глянул в сторону, откуда неслась туча пыли и доносился шум.

– Не бойтесь, это мой сын со своей невестой и друзьями возвращаются с охоты, – успокоила Томарис посла. – Хорошо, что твои слова не слышал мой сын – вспыльчивый и горячий, – иначе мог бы набить твою шкуру соломой.

Спустя некоторое время три девушки и трое дородных рослых парней, смуглые, загорелые от степного ветра, с блестящими глазами, чёрными волосами, легко спрыгнули с лошадей и бросили перед Томарис двух джейранов с короткими белыми хвостами. За плечами парней и девушек висели луки с остроконечными стрелами.

Посол встал с места, с поклоном воздал почести Сипарангизу. Он представился, справился о здоровье. После обмена приветствиями Сипарангиз с невестой сели на шкуру тигра слева от посла.

Зарина, побеждённая Сипарангизом в день свадьбы, сейчас покорно сидела рядом с мужем, прислушиваясь к разговору, вмешиваться в разговор при муже она считала неприличным.

Сипарангиз справился у посла, как он доехал, внимательно выслушал его подробный рассказ, затем просто и бесцеремонно спросил о богатстве шаха Ирана, о количестве его придворных слуг, рабов и жён. Посол, поглаживая покрашенную хной бороду, с улыбкой отвечал на все вопросы, рассказал о порядках при дворце шаха. Молодые люди с удовольствием слушали рассказы посла о несметном богатстве, богатых пиршествах с вином, устраиваемых шахом.

– Его величество шах, – продолжал свой рассказ посол, – и его приближенные одеты в златошвейные чапаны и тонкие шелка. Послы других стран сначала воздают почести шаху, сидящему на золотом троне, затем садятся на указанные им места. Служители дворцовой кухни, подвернув полы халатов, проворно обслуживают гостей, разносят плов, кравчии с сорока колокольчиками на поясе раздают вино в золотых чашечках-пиалах. Гости убажуют музыканты...

Один молодой человек, внимательно слушая слова посла, спросил:

– Вы говорили о вине. Объясните нам, что это такое.

– Вино – удивительный напиток, изготавливаемый из сока винограда. Оно приятно на вкус, это благостный напиток! Выпьешь чашечку вина – почувствуешь себя на седьмом небе, в прекрасном расположении духа.

– Да-а, оказывается, удивительный напиток, – сказал спросивший молодой человек, глотая слюну.

Томарис сидела угрюмая. Её раздражало, что молодёжь с удовольствием слушает рассказы посла. Сипарангиз по виду и настроению матери заметил, что в его отсутствие произошёл неприятный разговор.

Утром следующего дня он все разузнал. Ему приятно было услышать, что мать решительно отвергла предложение шаха, но удивило то, что к послу не были предприняты строгие меры.

– Надо отправить посла домой, отрезав уши и нос, – сказал он решительно.

– Нет, так нельзя поступать! – сказала мать. – Посол тут не при чём. Он говорил то, что ему поручили или, как говорится, влили в его уши. Лучше всего – не принимать его подарки, отправить их обратно. Это будет достойной пощёчиной шаху, – заметила мать.

II

Кайхисрав, захватив Маргиану¹ и Согдию², со своим войском обосновался на левом берегу Укуза. Услышав донесение своего посла, он сообразил, что обманом и хитростью невозможно поработить массагетов, и решил применить оружие.

Вскоре люди Томарис донесли, что Кайхисрав строит плот из бревен и камыша, чтобы перебраться через Укуз. Томарис собрала совет с участием мудрых, выдавших виды стариков и женщин. Один из старейшин предложил немедленно снарядить отряд лучших лучников, обстрелять строителей плота и ни в коем случае не допускать перехода иранцев на левый берег. Сипарангиз отверг это предложение.

– Нельзя так решать вопрос, – сказал он. – Представляете, что скажут хорезмийцы и те, кто живёт за Яксартом³? Пойдет слух, что мы, массагеты, испугались столкновения с иранским войском и потому не допустили их перехода через реку, разбив их плот. Грош цена массагетам – скажут они. Нам следует отправить посла к иранцам с сообщением о том, что мы не будем мешать им переправиться через реку и готовы сражаться с ними.

¹ Маргиана – юго-восточная часть современной Туркмении. Древнее государство, расположенное на территории Афганистана, существовавшее с I тысячелетия до н. э. до I века н. э.

² Согдия или Согдиана – древнее государство, расположенное на западе нынешнего Узбекистана, существовавшее с I тысячелетия до н. э. до XIII в. н. э.

³ Яксарт – старое название нынешней реки Сырдарья.

– Вот это деловое предложение, – поддержал его другой молодой человек. Желая сохранить боевой авторитет воинственных массагетов, Томарис поддержала предложение сына.

Так, на левом берегу Аму в одной из бескрайних пустынь начали происходить военные действия. Добродушие массагетов дорого обошлось им.

Кайхисрав беспрепятственно перешёл с вооружёнными воинами через реку и незамедлительно изготовился к битве с массагетами. Прошел день, два, неделя – Кайхисрав не встретил ни одного массагета. Стали подозревать, что кочевники задумали заманить иранцев вглубь пустыни, оставить их без воды, еды и корма для лошадей и таким образом погубить воинство Кайхисрава. Наступило лето – самая горячая пора в пустыне. Трава пожухла.

Кайхисрав созвал военный совет. Ему хотелось послушать мнение старых опытных людей.

– Как рыбе вольно в реке, так и этим проклятым кочевникам вольготно в этой безводной пустыне, – начал говорить один из старых воинов. – Степь, для них – родная мать, вырастившая и вскормившая своей грудью, а для нас она хуже мачехи. Массагеты хорошо знают, где родники и колодцы...

– Допустим. Но что ты предлагаешь, чтобы разгромить их? – спросил недовольный сложившейся обстановкой шах, сидевший на почетном месте в шёлковом шатре. Одет он был в бордовый халат, символизирующий его царство, в руке жезл, украшенный дорогими жемчугами. Раб беспрестанно обмахивал его опахалом.

– Чтобы победить их, нужно применить хитрость. Наше войско следует разделить на три части. Одну часть оставить здесь с едой, водой, вином... Другие две части продолжают поход.

Шах с удовольствием слушал его хитрый план. Но подумал о том, что прямодушные массагеты позволили беспрепятственно переправиться через реку, проявив доблесть и мужественность, а теперь они сами поступают низко и подло, хитрят. Честолюбивый и тщеславный Кайхисрав, создавший иранское государство, покорил Ирак и Египет, южную часть Средней Азии, где оружием, где золотом, хитростью и коварством, и теперь не стесняется совершать подлости ради достижения цели.

Две трети войска – авангард – он повел на сражение, а арьергард оставил в шёлковых шатрах пировать.

Томарис, узнав об этом через своих людей, решила разгромить эту треть войска, поручив это своему сыну Сипарангизу:

– Одержав победу, немедленно следует напасть на Кайхисрава с тыла, мы же ударим спереди. По милости и с помощью бога Солнца воины шаха окажутся, словно джейраны, в западне. Понял меня?

– Да, понял, – сказал Сипарангиз и, чтобы доказать это, повторил слова матери.

– Ступай, сынок! Да будет к тебе милостив бог Солнца!

Когда конный отряд массагетов напал на арьергард, эта часть иранского войска только приступила к трапезе, дастарханы были полны яствами и вином. После короткого сражения иранское войско отступило восвояси, часть была порублена, другая – взята в плен.

Иранец, оказавшийся в плену, во время допросов признал:

– Да, вы действительно великий военачальник. Вы напали, подкравшись незаметно, напали молниеносно. Мы только собирались попить. Оказывается, все приготовленное досталось не тому, кто хлопотал, а тому, кому суждено.

– Да пропади ты пропадом со своей едой и своим вином, нам некогда пировать, – сказал Сипарангиз, глядя на вино в золочёных чашах. Но ему очень хотелось попробовать этот удивительный напиток.

– Воины наши устали в пути, и лошадям необходим отдых, пусть немного поостынут, – сказал один из воинов Сипарангиза. – Подкрепимся, заморим червячка, потом – снова в путь.

– Правда, нужно немного отдохнуть, – поддержали проголодавшиеся воины, глядя на дастархан с яствами.

Сипарангиз был в нерешительности, но тем не менее сказал одному из пленников:

– Эй, старина, говори честно: не отравлены еда и вино?

– Зачем травить то, что мы сами собирались есть и пить? Что? Мы сами себя травить будем? Клянусь Ахурамаздой¹ – богом всех богов, – эти яства не отравлены.

– Если так, пробуй первым!

Пленник выпил вина, закусил мясом из тарелки. Заставили есть и пить и других пленников, чтобы убедиться, что еда и вино не отравлены. Только после этого воины Сипарангиза приступили к еде. Вино им очень понравилось, как и мясо.

Крепкое вино быстро оказало свое воздействие на молодёжь, которая никогда раньше не употребляла его. Они стали шутить, веселиться, острословить. Не забыли и о сторожевом дозоре, обеспечив его едой и вином. Ребята хотели чуть-чуть перекусить, заморить червячка, но, хлебнув вина, забыли о своих намерениях.

Именно на это и рассчитывал Кайхисрав. Уцелевшие воины арьергарда воссоединились с основной частью и сообщили о происходившем своему шаху, который повернул лошадей и, как змея, бросающаяся на зазевавшего суслика, кинулся на отряд Сипарангиза. Подвыпивший сторожевой дозор не заметил появления этого воинства. В молниеносном сражении погибло много массагетов. Пирующие, услышав гвалт и шум, хотели встать с мест, но, опьянев, пошатываясь, снова падали; добежавшие до своих лошадей не успевали даже вынуть сабли из ножен. Некоторые молодые воины, послушавшись совета бывалых людей, ослабили подпруги и не могли удержаться в седле, падали вниз головой. Словом, Сипарангиз с несколькими своими воинами, согласно коварному замыслу врага, потерял бдительность и попал в плен. Пленных заковали в кандалы, привели и поставили перед шахом. Шах насмешливо улыбнулся, оглядывая пленников.

– Ну что? Попался? – сказал он, кивая головой в сторону Сипарангиза. – Ты, пострелёнок! Молоко на губах не обсохло, а хотел со мной состязаться!

Чтобы не попасть живым в руки врага, молодой военачальник отбивался от нападавших, получив много ран. Теперь, гордо подняв голову, с ненавистью смотрел на шаха.

– Да, я хотел сразиться с тобой открыто на поле боя, но не довелось мне испытать такого счастья, – сказал он. – Ты побоялся воевать открыто и обманом захватил нас. К большому сожалению, по молодости, я взял в руки не саблю, а чашу вина и попал в ловушку. Если ты, подлый...

Чтобы заставить его замолчать, один из воинов плеснул ему в лицо водой. От неожиданности тот вздрогнул, Кайхисрав рассмеялся. Другие его полководцы, подражая своему шаху, тоже смеялись до слез.

– Смейтесь-смейтесь, – сказал Сипарангиз, с отвращением глядя на них. – Настанет время, и вы кровью зарыдаете. И тогда не поможет вам – лисам в тигровой шкуре – ни ваш обман, ни ваше коварство...

¹ Ахурамазда – бог Добра, любрых мыслей, добрых слов, добрых дел у зороастрийцев.

Ему еще раз плеснули в лицо водой, Кайхисрав криво улыбнулся, его приближённые тоже не посмели расхохотаться, ехидно улыбаясь.

– Нам не чужды милость и благосклонность, – сказал шах Ирана Сипарангизу. – Мы милосердны по отношению к детям. Возможно, ты соскучился по мамочке, можем отпустить тебя.

Сипарангиз сглотнул слюну, ставшую ядом, и подумал: «Одна треть массагетских воинов-соратников зря погибла из-за меня. Если и отпустит, я не поеду домой. Как я посмею смотреть в глаза матери?»

– Развяжите руки, – попросил он.

Кайхисрав дал знак слуге, и тот быстро развязал ему руки и сел на свое место. В тот же миг Сипарангиз вынул из-за пазухи блестящий нож, ударил им себя в грудь и, упав ничком, испустил дух.

– Смелый юноша, – сказал Кайхисрав через некоторое время. – Смерть он предпочел бесчестию. Если бы остался жить, возможно, вышел бы из него великий полководец. Ну что ж! Теперь и остальных, – он показал на других пленников, – отправьте вслед за их предводителем.

III

Весть о гибели Сипарангиза и его соратников стрелой пронзила сердце Томарис. К глазам подступили слезы. Через некоторое время из кибиток стали доноситься горький плач, крики и стоны. Больше всех убивалась и плакала, рвала на себе волосы молодая жена Сипарангиза. От горя Томарис окаменела и не могла плакать, пристально глядя в одну точку и шевеля губами.

Возмездие – вот лекарство от горя и печали. На следующий день после тяжёлой трагедии Томарис собрала совет опытных сородичей. Бегло осмотрев понурых стариков, старух, сидящих кругом и горящую жаждой мести молодёжь, дрожащим голосом она обратилась к ним:

– Отцы и деды, матери, братья и сестры, мы оказались в тяжелом положении, над нашими головами парит зловеший сыч, – сказала она. – Коварный враг хитростью заманил наших ребят в свое логово и жестоко погубил их. Мы должны отомстить за них, уничтожить врагов на нашей земле. Мне нужен ваш совет.

Седой, круглолицый, с острыми глазами мужчина, сидящий на почетном месте, кашлянув разок, начал говорить:

– Нас наказал Митра¹ за нашу беспечность, равнодушие, доверчивость. Если бы командовал отрядом не Сипарангиз, а бывалый предусмотрительный взрослый человек, мы не лишились бы наших молодых воинов. Сипарангиз хоть и был смелым, мужественным, но у него не было опыта. В будущем он мог бы стать великим полководцем, но, к сожалению, его жизнь оборвалась.

– Вы правы, отец, – Томарис прервала речь старика. – Я не посоветовалась со старейшинами и сама назначила его главным над войском, за что жестоко наказана, за свою самонадеянность и высокомерие.

– Если бы среди воинов были девушки и женщины, не произошло бы такого несчастья, – в сердцах сказала одна пожилая женщина. – Ибо женщина была создана Митрой, когда он был в полной силе, сообразительной, догадливой, находчивой. Были бы в отряде Сипарангиза девушки, они бы не позволили прикасаться к чашам с вином...

– Что было, то прошло, невозможно повернуть вспять стрелу, которая летит, – прервал пожилую женщину круглолицый, с острыми глазами мужчина. –

¹ Митра – бог Солнца.

Я думаю, что всех стариков, детей и скот следует отправить в орду, в безопасное место, прочих: женщин, мужчин, парней и девушек – вооружить, заманить противника в центр пустыни и разбить наголову...

Этот выдавший виды мужчина подробно рассказал, как отступать, где и в каких местах сражаться. Совет поддержал его план, добавив некоторые уточнения.

В тот же день Томарис приказала непригодных для войны людей отправить в укромные, безопасные места, осмотрела военное снаряжение, одежду мужчин и женщин, стоящих рядами, держа за узду своих лошадей. Удостоверившись, что все в порядке, приказав одного жеребца принести в жертву богу Солнца, поднялась на горку, сняла ремень с саблей и щит, положила на землю и стала молиться богу Богов массагетов – Митре:

– О, боже, о мой бог Солнца, создавший небо и землю, воду и огонь! Откроешь глаза – мир наполняется светом, закроешь – земля покрывается мраком. Ты подарил людям огонь, наполнил реки и моря водой, ты оросил поля и луга! Ты размножил овец и джейранов! Подарил изобилие зёрен и злаков! О великий бог Солнца, не дай иранцам победить нас! Воодушеви нас великой целью, на борьбу, на подвиг воодушеви! Даруй силу рукам, наполни сердца огнём возмездия! Заточи сабли наши, не допусти, чтобы землю нашу топтал коварный враг, глумился над нами, помоги повергнуть хитрого, лукавого врага! О мой Бог! Не допусти попасть нам в рабство!

Из глаз ее градом лились слёзы. Застыв на мгновение, глядя в землю и постепенно овладев с собой, она подняла саблю и щит, села на резвого коня и обратилась к вооружённому воинству. Вспомнив о бедах и несчастиях, выпавших на голову массагетов, она завершила свою речь такими словами:

– Братья и сёстры, вы хорошо знаете, куда и на что идете. Начав поход, или мы все как один умрем и своей кровью смоем пятно на нашем добром имени, или уничтожим врага и вернемся с победой. Я верю: среди нас нет подлых людей, готовых подчиниться иранскому шаху. Мы победим! Победа будет за нами! Пусть шах Ирана увидит, что такое жестокость!

– Веди нас в бой, мать! Отомстим врагу за пролитую кровь! Растопчем же гордость и высокомерие врага!

Лучи солнца касались головы Томарис, словно Митра поглаживал ее сияющей рукой.

– Земля наша, народ наш получили благословение Женщины-матери, победа будет за нами! – сказал круглолицый, с острыми глазами старик.

В безоблачном небе над массагетами кружил беркут, распластав широкие сильные крылья. Вооружённые парни и девушки, подняв головы, следили за его полётом. У всех радостно засияли глаза, ибо, по их убеждению, беркут символизирует Добро!..

Томарис прекрасно понимала, что начинать сражение с вооружённым до зубов и пока не уставшим иранским войском сейчас – преждевременно. Поэтому нужно заставить врага поскитаться по жаркой безводной пустыне, пока он лишится сил, только потом, выбрав подходящее место для боя, следует начать сражение.

Возгордившееся легкой победой иранское войско заметило отступление массагетов и стало преследовать их. Кайхисрав был бессилен остановить своих призывших к грабежу и мародёрству воинов, вдохновленных сладкой надеждой завоевать победу и захватить богатую добычу. Массагеты, построившись в ряд, укрылись под одной удобной сопкой. В первом ряду стояли вооруженные легким оружием искусные стрелки-лучники, за ними – тяжело вооруженные. Иранское

войско осторожно приближалось. Лучники массагетов внезапно начали стрельбу. Пустили в ход медные топоры с длинными рукоятками, короткие штыки, копья. Смешались ряды, послышался звон сабель, стук копий, боевой клич, шум, гвалт, ржание лошадей, стоны раненых. Все это было похоже на светопреставление. Воины рубят саблями, режут ножами, колют пиками, бьют топорами по головам. Сражение продолжалось до вечера. Массагеты, горящие стремлением освободить свою землю от коварного врага и доброй мыслью о возмездии, проявили образец самоотверженности и героизма в борьбе с врагом.

Победа была не за горами, враг стал отступать. Конный отряд под командованием Зарины смешал левое крыло вражеского войска и ударил сзади. Кайхисрав, стоящий на холме и следивший за ходом боя, обнажив меч, со своими нукерами-телохранителями бросился в гущу сражения, но в первом же столкновении заглянул смерти в глаза. Узнав о гибели своего шаха, воины пали духом, огонь в их сердцах погас. Часть иранцев, отступая, попыталась спрятаться в зарослях камыша, но конники, мужчины и женщины во главе с Томарис, преградив им путь, стали рубить их саблями.

Массагеты одержали полную победу, взяли в плен множество иранцев.

– Отрежьте голову Кайхисраву и бросьте к моим ногам, – сказала Томарис, не успевшая передохнуть.

Ее невестка, сражавшаяся бок о бок с Томарис, скакала по полю битвы, заваленному трупами и издыхающими иранцами. Найдя тело Кайхисрава, Зарина отрезала ему голову и бросила к ногам Томарис.

– Теперь заполните бурдюк кровью!

Воины немедленно исполнили желание царицы.

Томарис схватила окровавленную, с закрытыми глазами страшную голову за волосы и бороду и, с презрением глядя на нее, воскликнула:

– Эй, подлый Кайхисрав, всю жизнь воевал и не насытился кровью! На, пейся теперь, окаянный! – бросила голову в бурдюк и крепко завязала его тонкой веревкой.

Перевод Комила ДЖУРАЕВА.

Комил Джураев (1939–2018). Родился в Андижанской области. Доктор филологических наук, профессор Андижанского государственного университета.

Юрий МОРИЦ

ПОДЛЕЖИТ СОЖЖЕНИЮ...

Рассказ

«Если вас что-то сильно тревожит, изложите свою боль на бумаге, а написанное сожгите».

Совет психотерапевта

Печальным осенним утром в скверике возле массива Алмазар участковым был обнаружен труп немолодого мужчины. Причиной смерти явился сильный удар тупым тяжелым предметом в затылочную часть головы. Смерть, по всей видимости, наступила мгновенно.

Погибший, Судаков Константин Алексеевич, подполковник в отставке, не был местным жителем. Карманы его пиджака хранили нетронутые преступником документы, деньги и авиационный билет на утренний московский авиарейс. Увы, лайнер отправился в свой дальний путь без него.

Около недели Судаков жил в гостинице. А вот с какой целью он прибыл в наш южный город, с кем встречался, как оказался в скверике, кто и за что его убил, установить не удалось. В Москве, как выяснилось, он жил в двухкомнатной квартире, родственников не имел. Осмотр личных вещей, находящихся в гостиничном номере, тоже ничего не дал. Ничем не обнадежила и записная книжка Судакова. Ни местных телефонных номеров, ни адресов в ней не содержалось. В результате дело об убийстве К. А. Судакова занудно повисло в воздухе и было единодушно отнесено синклитом наших розыскников к безнадегам.

Прошло полгода. Ясным майским утром на мой еще не захламленный канцеляршиной стол лег увесистый пакет из плотной светло-коричневой бумаги. В нем я обнаружил небольшое письмо и неопрятные остатки общей тетрадки в клетку. Листы ее частично обгорели, как видно, сравнительно недавно, – явственно ощущался противный запах гари. Отложив тетрадь, я принялся за письмо, в котором содержалось буквально следующее:

«Уважаемый товарищ следователь!

Я, Б. А. Танчаров, пенсионер с тридцатилетним стажем, считаю своим гражданским долгом сообщить вам, что во второй половине января сего года, точную дату я, к сожалению, запомнил, я увидел в окно из кухни соседа по подъезду – Немирова Ивана – с непривычным для него грузом. В одной руке он держал порядочный тюк бумаг, в другой – большую бутылку, явно не пустую. Неуверенной походкой – Немиров слывет в нашем подъезде спокойным алконавтом, – опасно кашляя и обижая и без того грязный тротуар заразными плевками, он направился в сторону мусорных контейнеров. Через

Юрий МОРИЦ. Член СП Узбекистана. Автор прозаических сборников «Дожди 43-его года», «Кто в тебе живет», «Принцесса Ирен», «Тигрыны заключают пари», сборника литературоведческих и литературно-критических статей «Русская литература» и др.

какое-то время он, все еще болезненно грохая больными легкими, вернулся, но уже без тех предметов, которые я видел в его руках. Движимый извинительным в моем пенсионерском положении любопытством, я схватил мусорное ведро и побежал по тому же маршруту, что и Немиров. Смотрю с немалым удивлением. Возле переполненного мусорного контейнера, чадно дымя, разгорается костер из полезной макулатуры, которую доставил сюда мой сосед. Это были папки с бумагами и газетными вырезками, а также толстые тетради в разноцветных обложках. Ради любопытства я выгреб палкой из костра одну тетрадку и, очистив ногами от гари, бросил ее в свое ведро. Дома, немного пообчистив обгоревшую тетрадку, стал читать, но показалось совсем неинтересно, и я хотел тетрадку совсем выбросить, но почему-то раздумал и забросил ее в кладовку.

Я совсем было забыл об этой нелюбопытной тетрадке, однако изменчивая и коварная судьба наша заставила вспомнить о ней. Иван Немиров, бедага, совсем занемог, перестал выходить, и его увезли на «скорой», а в апреле он отдал Богу душу в больнице. Печально это. Грустно. Вот ведь какое дело, посторонний, можно сказать, совсем человек, а все равно в душе началось непонятное смятение. На этой горькой переживательной волне у меня опять пробудился интерес к его несколько скучным записям. Разгреб давнишний мусор в кладовке, отыскал не без труда обгоревшую тетрадь и, набравшись терпения, принялся за чтение. На этот раз я читал с особенным настроением – ведь Ивана уже не было на свете и мне не терпелось поглубже проникнуть в его незаметно промелькнувшую жизнь, чтобы почувствовать ее душой. Читать было скучно, многое было непонятно. Но когда я дошел до определенного места, то сразу понял, что у этой тетрадки, кроме меня, должны быть и другие читатели, предпочтительно в милицейской форме. А почему, это поймете сами...»

Заинтересовавшись письмом, я принялся за тетрадку, вернее за то, что от нее осталось. Пенсионер, приславший ее нам, был прав: рукопись заслуживала внимания, поскольку представляла собой исповедь убийцы. Самое главное – загадочная гибель Судаква К. А., последовавшая полгода назад, получила теперь исчерпывающее объяснение.

Ниже я привожу только ту часть текста, которая прямо относится к данному делу.

«Нет. Это невыносимо! Я должен обязательно с кем-то поделиться, иначе задохнусь от ужаса и тоски. Я убил. Я преступник. И, по всему видно, останусь безнаказанным. Прошло уже столько дней, недель, месяцев – и никто, ничего... Значит, проскочило. Но все равно я должен кому-то рассказать. Вот только кому? Ей? Она выцарапает мне глаза, обварит кипятком да еще выдаст ментам, приволокет к новоявленному Порфирию Петровичу. Ну нет, этого удовольствия я им не доставлю! Надо быть последним идиотом, чтобы... Получается, что единственная, кому я могу безбоязненно довериться, вот эта коричневая тетрадь, такая приятная на ощупь. Что ж, доверюсь безмолвному собеседнику, а потом уничтожу рукопись. Я ее сожгу. Но все равно она останется. Слова «рукописи не горят» – метафора, но я вычитал где-то, что все написанное, хотя бы и уничтоженное, не пропадает бесследно, а каким-то образом запечатлевается в информационных хранилищах планеты и становится достоянием Всеобщего опыта. Не знаю, кого как, а меня это почему-то утешает.

Вначале опишу, как я его убил, а потом уже – за что. «Как» – это важно, чрезвычайно важно, хотя мне и непонятно – почему. Убил я его так. У меня был припасен толстый ребристый железный стержень, килограммов этак на шесть-семь и с полметра длиной. Я обернул стержень большим лоскутом, а сверху соорудил нечто вроде футляра из плотной бумаги. Получился внешне совершенно безобидный, как бы даже культурный предмет, необходимый в каком-либо полезном для общества деле. Ножи, пистолеты, кастеты и прочую дребедень обычно прячут от глаз, а мой пакет можно нести совершенно открыто, никто даже внимания не обратит.

Мой «объект» шел в сумерках по безлюдному месту. Он ежедневно там ходил в это время, я знал. Там весной делали посадку деревьев, дорожку асфальтовую проложили и пройти было удобно к микрорайону, куда он направлялся. Я крался

за ним в пяти шагах, бесшумно, как тень. Туфли мои, будто тряпичные, мягкие, шагов почти не слышно, и к тому же я старался двигаться легкой, парящей походкой. Конечно он мог почувствовать мое присутствие, обернуться, и тогда я уже не сумел бы совершить задуманное. Но я знал, что он не обернется. Я уже изучил его. Он шел задумавшись и, казалось, ему, кроме собственных, неведомых мне дум, ни до чего не было дела. А это вполне отвечало моим намерениям.

Так я за ним крался со своим на вид невесомым, а на самом деле тяжелым длинноватым свертком, выжидая момент, и, когда мы оказались примерно посредине скверика, рывком приблизился к нему и, широко размахнувшись, ударил его изо всей силы по затылку. Звук при этом получился такой странный, невероятно противный, я ни с чем его сравнить не могу. Как будто... Нет, словами этого описать никак нельзя. Он упал, как подкошенный. Я даже удивился, с какой быстротой его тело оказалось распластанным на земле. Вокруг было тихо, сыро, тепло. Не уходил, прислушивался. Потом наклонился над ним, убедился, не дышит – значит, мертв. Как просто! Шел человек, думал о чем-то, глупец, и вдруг – бац! Сознание погашено, как свеча, придавленная каблуком, жизни нить прервалась, и планета со всеми своими радостями и печалью мчится в просторах космоса уже без него.

Итак... я это сделал. Ужасное, невероятное совершил! Быстрым шагом покинул я страшное место, не выпуская из рук длинный холодноватый сверток, который мне уже отмотал кисти рук и просился на волю. Однако я заранее решил не выбрасывать его сразу. И еще решил, несмотря на позднее время, добираться до дома пешком. Отойдя от того места на порядочное расстояние, я увидел открытый люк канализации и бросил туда эту вещь, предварительно содрав с нее матерчатую и бумажную оболочку, пропитанную липкой влагой. Руки мои тоже оказались перепачканными, пальцы слиплись. Мне надо было поскорее освободиться от этой противной до тошноты липкости, но воды, как назло, не было, даже самой малой лужицы не было, и пришлось до самого дома терпеть этот клейкий ужас.

Не скажу, чтобы состояние моей души в это подлое время было безмятежным. Да, я вроде бы испытал облегчение. Ведь я осуществил задуманное – уколошил Его. Быть уличенным в содеянном я совершенно не боялся – все было сделано аккуратно. Но я удивился, ощутив странное чувство пустоты в своем сознании. Раньше у меня были обиды, ненависть, злоба, конкретная цель – смести с лица земли терзающее мою душу зло. А теперь ничего этого не было – ни обиды, ни ненависти, ни желания что-то делать. Странная, леденящая сердце пустота пропитала все поры моего существа, и я, зло усмехнувшись, подумал: «А не себя ли самого я прикончил в молодом скверике возле 4-го квартала Алмазар?»

Теперь перехожу ко второму пункту: кого и, главное, за что я уколотил. Кто он такой, как его зовут – не знаю, да и знать не хочу. Мне вполне достаточно понимания того, что он, подлец, встал на главном пути моей жизни и пересек его смертельно.

Моя жизнь – это Вер-Веруша, замечательнейшая женщина на свете. Она мое счастье, она смысл всего – забава, горе, смех, плач. С ней у меня все началось в жизни, с ней и закончится. То, что мы с Верушей в разлуке уже два года, два бесконечно долгих года, совершенно ничего не значит. Это результат временного моего упадка, болезненного кризиса души, но я верю, что все поправится. Река вернется в свои берега, птицы отыщут милые гнездовья, любовь вновь поселится в наших сердцах – иначе быть не может. Страшное время разлуки звенит натянутой струной, она звенит во мне, и я чувствую, грядет решительная перемена. Вот-вот, совсем капелька времени еще, и я стану другим, прежним, нет, лучше, только ей надо еще потерпеть.

И вот явился он, Легионер, так я его называл. С нахрапом, беспримерной наглостью. Прилетел в южные края ворон-похитчик, чтобы унести мою голубку в свое гнездо, хотя прав на нее у него нет совершенно. И я не знал бы о нем ничего, если бы не птаха Натаха, дочь, золотое сердечко. Любит меня Натаха крепко, жалеет

и все мечтает, чтобы пропасть между мною и Верушей сомкнулась в одночасье, чтобы мы все опять были вместе. От Натахи я все главное и узнаю.

А получилось как? Веруша была в отпуске, ездила в Москву, где и познакомилась с НИМ. Что было между ними – мне неизвестно, но, думаю, они не в оловянных солдатиков играли при ежедневных встречах. После этого знакомства он забросал Верушу письмами, которые она читает, а потом прячет. После писем пошли бандероли. Присылает он ей главным образом книги, не считаясь с ценой. Человек, по всему видно, с серьезными намерениями и такой солидный, подлец. И она, зараза, что-то ему отвечает. Это мне доподлинно известно.

Я его сразу невзлюбил, как змея, который собирается меня сожрать, хотя внешне это был никакой не змей, скорее наоборот. Для таких людей, как он, специально придумано ласкающее слово – респектабельный. Все в нем дышит именно респектабельностью: рост, осанка, походка, седеющая, но еще густая шевелюра, сверкающий белизной воротник рубашки, добротный плащ... А туфли! О, что за туфли были на нем! При самом беглом взгляде видно, что такие туфли по карману только вполне состоятельному человеку. А его дипломат! Где только люди достают такие вещи?! Его темно-коричневый дипломат с широкими хромированными полосами меня прямо-таки заворожил.

Да, господа, я в своих прохудившихся неглаженных брюках, ветхих ботинках со шнурками, в вылинявшем блевотно-болотного цвета плаще до колен, в клоунской шляпенке рядом с этим денди смотрюсь, как смачный плевок на блестящей эмалевой стене.

Уверенной поступью Легионер вторгся в мои кровные пределы и осваивал их с ошеломляющей быстротой. Вначале письма, бандероли, посылки, потом пошли букеты, конфеты, фрукты, прогулки... Как все это перенести? В гостинице я передал для наглеца одно за другим три послания с коротким, но жестким предупреждением: «Не пачкай, кот, своими грязными лапами чужой асфальт, оставь В. Н. в покое и сматывайся от греха подальше!»

Не послушался. Облюбовал себе Ромео маршрут и ходит, ходит. То на окна ее уставится и стоит час, как бедуин на молитве, то у подъезда околачивается, караулит не выйдет ли лада, мечтает, гад, увидеть, улестить, уломать. Я понял, Легионер ведет правильную осаду: крепость вот-вот выбросит белый флаг, и перед моим сизым носом с мерзким язгом опустится железная заслонка.

Как же мне с ним поступить? Стереть, смыть его с сияющего полотна жизни – вот как надо с ним поступить. Был и сплыл, и след заглох. А моя правда останется.

Природа равнодушно смывает жизни, миллиарды жизней, вот и я стер одну. Теперь о плате: говорят, что у таких, как я, шельм ночью подушка тарантеллу выплясывает. И еще говорят, что совесть, хотя и беззуба, но чрезмерно замаравшегося проказника с костями сглохнет. Знаю я это все, знаю. В ком совесть нечиста, для того и тень кочерги – виселица, это так. Таким, как я, грязным мерзавцам грозят совестью, пугают скверных дяденек когтистым зверем в точности, как малых детей Ягой и Кошеем. Только ведь и я кое-что знаю о совести. Да, это на самом деле зверь ледаший. Но тело его, черное и косматое, соткано из памяти, над которой, господа хорошие, я властен. Я помешаю в свой мозг ответственного стражника, накачанного гвардиона, и он дает крепкого пинка косматой гостье, едва лишь она своим тупым мокрым рылом ткнется в затвор моего разума. Главное – отогнать. И сколько бы раз ни совалась хныкалка – гнать, гнать, гнать!

Комплексы, конечно, имеются и у меня. Подобно полусумасшедшему Родиону, зачем-то притащился к тому месту. Постоял, цепеня. Волосы, я это отчетливо почувствовал, слегка шевелились, кожу от головы до пят пребольно покалывали иголки, тонкие-претонкие. Ясно, в местах, где совершается это, энергетика пространства-свидетеля на время расстраивается. Поэтому такие места лучше обходить.

Через неделю отважился встретиться с ней. Разговор, как ни странно, шел о том же, что всегда, то есть о моем внешнем виде, являющемся верным зеркалом вида внутреннего. Конечно, узрела сеточку дырок в моих брюченциях. Мы вместе

их покупали в первое десятилетие нашей совместной жизни. Потом она прямо сказала о скверном запахе, якобы исходящем от моей персоны. Какой еще запах? Что за запах? Почему я ничего не чувствую? Врет, наверное, чтобы мне сильнее досадить. Про ручки-трясучки мои милые, непослушливые ничего не сказала, должно быть, не хотела добивать калеку.

Но вот, что меня поразило, нет, не поразило – потрясло. Она оказывается...»

На этом рукопись обрывалась. Что поразило Немирова в разговоре с бывшей женой, было изложено на листке, поглощенном пламенем костра. Как теперь это узнаешь? Впрочем, у меня мелькнула догадка – ведь и меня нечто удивило в поведении Веры Михайловны Немировой. Ну на самом деле, погиб влюбленный в нее человек, а она хоть бы что. Разве так бывает у нормальных людей? Был человек – и пропал. А раз пропал, следовало забить тревогу, заявить куда следует. Ведь если бы она это сделала, то выяснился бы мотив преступления и убийца был бы обнаружен. Я решил встретиться с Немировой, чтобы от нее самой получить ответ на интересующие меня вопросы.

Меня, признаться, интересовало, что это за женщина, способная внушить столь серьезное чувство двум мужчинам, ставшим соперниками. Я уже знал: Немировой за сорок. Работает инженером конструкторского бюро, имеет дочь Наташу 18 лет. Узнав телефон Веры Михайловны, договорился о встрече. Таким образом, я получил возможность пополнить скудные сведения дела личными впечатлениями.

Никто, увидевший Немирову, не назвал бы ее обыкновенной женщиной – вот первое впечатление. В ней, темноволосяй и темнобровой, сохранившей к сорока двум годам девичью стройность и легкость, таилось нечто загадочное, волнующее и очень грустное, а ведь именно эти качества являются лучшей приманкой для мужских сердец, не утративших глупой потребности в истинных чувствах.

Мы беседовали в моем кабинете. Я видел: Вера Михайловна испытывает чувство недоумения по поводу приглашения в столь строгое учреждение. Не вдаваясь в подробности, я сообщил ей, что нам известно о ее знакомстве с Константином Алексеевичем Судаковым, и прямо спросил, знает ли она о его смерти. Моя собеседница побледнела и, волнуясь, ответила: ничего не знает.

– Как же так? – спросил я ее. – Судаков засыпает вас письмами, исключительно ради вас приезжает в наш город, встречается с вами, дарит цветы, книги, потом вдруг умирает, а вы ничего об этом не знаете?

– Когда же он умер? – спросила она, еще сильнее бледнея.

– Полгода назад.

– Боже... – тихо проговорила она. – Как?

– Его убили.

– Убили?! Да не может этого быть! Ограбили и убили?!

– Нет, просто убили. Он шел к вашему дому...

– Нет-нет, это невероятно! Кто же его убил?

– Его убил ваш бывший муж. Из ревности.

– Ваня?! – она покачнулась. Я вскочил, чтобы ее поддержать, но не успел. Вера Михайловна, бледная как полотно, без сознания лежала на полу.

Ах, какой же я идиот! Простофиля! Чурбан! Как же я ее не уберег?! Прошло немало времени, прежде чем Вера Михайловна пришла в себя. Она сказала:

– Ваня умер. Как вам стало известно, что именно он преступник?

Я рассказал о дневнике. А ее своими вопросами не стал мучить. Мы договорились еще раз встретиться и на этом расстались.

– Сейчас я расскажу свою историю – и вы сразу все поймете. Согласны? – спросила Вера Михайловна, когда мы с ней вновь встретились. И зачем-то добавила: – турысы на колесах разводить не буду. Только самую суть.

– Я весь во внимании, Вера Михайловна...

– Мы поженились с Ваней, когда оба были совсем молоды, ему двадцать два, мне около двадцати – что ж, любовь! – так начала она свой рассказ. По ее внешнему виду можно было заключить, что острота переживаний миновала – моя собеседница вполне владела собой. – Жизнь наша, прямо скажу, – продолжала она, – протекала не гладко, она напоминала горестные муки Тантала: хочет бедняга напиться, а не может, а тут еще скала над головой нависла, вот-вот сорвется. Правда, нечестивцем Танталом муки заслужены, а скажите, за что мы с Ваней страдали? Беда не за горами – за плечами. Начать с того, что в день нашей свадьбы умер мой отец. Ну а потом пошли-покатились такие беды, что только успевай выпутываться из них. Не буду ворошить прошлое, одно скажу: несчастья не разъединили, а, напротив, сплотили нас. Я работала и училась заочно. Ваня тоже работал слесарем на авиационном заводе и учился на вечернем отделении гуманитарного факультета. Он помогал мне во всем. Наташку пеленал лучше меня. Стирка, готовка, уборка – ничто его не пугало. И вот что еще: чем нам труднее, тем он бодрее и веселее. Поддерживал он меня в самые горькие минуты жизни, когда начались скитания по больницам. Я ведь восемь лет проболела, перенесла три операции. И если бы не Ваня... Эх!..

Но вот, как поется, «темные дни миновали», поправилась. Оба мы кончили учение, стали работать по специальности. Натка выросла, в доме достаток. Квартира у нас, знаете, замечательная, трехкомнатная, с лоджией, в кирпичном доме. Сделали мы капитальный ремонт, обставили квартиру как положено... Да и все остальное у нас было в полном порядке. Как лето – беремся за чемоданы и мчимся в места заповедные, сказочные. Два раза ездили в Боровое, потом зачастили в Крым, там Голубой залив облюбовали. Ливадия, Массандра, Мисхор помнят нас. Кто не позавидует такой жизни? Купили машину, правда, не новую, дешевенькую, чтобы ездить на дачу... И вот я вам скажу: пока мы жили трудно и боролись с невзгодами, у нас был лад и, не побоюсь затасканного слова, счастье. А как только утвердилось благосостояние – пошли раздоры. От Вани они пошли, клянусь, с жиру стал беситься мужик, а главная виновница беды – это, я думаю, догадываетесь, – бутылка. К несчастью, эта чертовка получила у нас постоянную прописку. Вначале она представлялась веселой симпатичной девчонкой, и такая она меня не пугала, потом стеклянная госпожа превратилась в разбитную бабу, требующую к себе все большего внимания. Вот тут я начала с ней войну, да, как видно, опоздала. Скоро она приняла вид мерзкой шлюхи, от которой хотелось бежать как от чумы. Это мне хотелось бежать, но не Ивану. За короткий срок мой Иван стал совсем другим человеком – грубым, живым, бесстыдным. С удивлением узнала, что у меня появилась золотокудрая соперница, юное создание, которое ему удалось каким-то образом охмурить.

Два страшных года боролась я за любовь, за семью. Признаюсь, битву проиграла. И вот странность: как только мы разошлись, Ваня стал меня преследовать: «Прости, давай сойдемся, начнем все сначала...» Стал приходиться, установил мерзкую слежку за мной. А Наташка, дочь, на его стороне. Она ведь вылитый отец: и внешне, и характером, и ногой при ходьбе точно так же загребает... Но о каком возвращении к прошлому могла идти речь, если он не менялся. Работу в редакции бросил, промышлял какими-то заработками и пил, пил...

Теперь о Константине Алексеевиче. Летом, во время отпуска, я была в Москве и мне удалось достать путевку на трехдневную экскурсию в Пушкинский заповедник. Там мы и познакомились. О, что это за человек! Он рос сиротой, сам пробивал себе в жизни дорогу. Воевал, попадал в сложнейшие переделки – одним словом, прошел огонь и воду, а вот личная жизнь у него не сложилась.

Мне неудобно говорить, но из песни слова не выкинешь, он влюбился в меня и вел себя так смешно... По-мальчишески... Я ничего не имела против простых приятельских отношений, но его бурные ухаживания пришлись мне не по вкусу. А он, узнав, что

я свободна, утроил усилия, стал действовать смело, раскованно. Сказал как-то: «Чувствую, с тобой меня ждет удача, может быть, самая значительная в жизни».

Как же он, бедный, удивился и огорчился, когда убедился: все его упорные атаки отбиты. Да, я оставалась равнодушной, а его порывы, вначале бурные, а потом все более робкие, встречали с моей стороны в лучшем случае ледяную сдержанность, а то и негодование. Понимаю, такое поведение разведенной женщины, если со стороны посмотреть, сверхглупо. Я ему, наверное, казалась или ханжой, или идиоткой – не знаю. Да я и сама понимала, что поступаю глупо, но ничего не могла с собой поделать и вела себя как добродетельная супруга во время длительной командировки мужа.

– Продолжали любить своего Ваню?

– Да, – ответила она, помолчав. – Ни на одного мужчину, кроме него, я, дура, просто не могла смотреть. В этом все дело. Но и сойтись с Ваней, таким, каким он стал, с синюшным лицом и блудливо-виноватыми глазами, я не могла. Я ненавидела его такого, и он, я и сейчас так думаю, вполне заслужил эту ненависть.

– Может быть, его надо было лечить, как-то бороться с недугом?

– Мы прошли все этапы, все-все перепробовали. Он говорил мне несколько раз, что ждет какого-то озарения, перелома... Говорил о вступлении в новую фазу своего бытия, умолял меня еще немного подождать...

– А вы?

– Что я?... Как и прежде, повторяла, что жду не дожусь того дня и часа, когда он станет прежним, но только знала, что это будет не выздоровление, а... смерть. Болезнь уже подточила его – у него был рак, да, рак легкого, а алкоголь лишь ускорил неизбежный конец. Хуже было то, – продолжала Немирова, – что пьянство смыло, изуродовало его психику, сделало его, прежде сильного, жизнерадостного человека мерзким и, не побоюсь сказать, морально нечистоплотным. Не все знают, что вместе с атрофией воли алкоголь дарит и атрофию совести.

– В чем конкретно это выражалось?

– Страшно и стыдно говорить об этом. Но вам можно, да, наверное, и необходимо... Так вот, в самый ответственный момент, когда Ваня буквально умолял меня простить его и вернуться к совместной жизни, он взял – не хочу произносить этого страшного слова «украл» – деньги и все мои немногие драгоценности. Он ведь знал, где я все это храню. И вот, пока я ходила к телефону... Вы понимаете? А деньги там были не все мои. Собиралась вернуть долг. Таким вот подлецом он стал...

А когда появился Константин Алексеевич... О, что тут началось! Это еще удивительно, что он на соперника руку поднял. Ведь все время грозился убить меня. Я верила: такой, он на все способен. А что он, подлец, сотворил с Натой... Нет, об этом умолчу! – оборвала она себя.

– Как же все-таки складывались ваши отношения с Константином Алексеевичем? – спросил я ее.

– В ту последнюю нашу встречу я попросила его больше не досаждать мне ухаживаниями, поскольку они ни к чему не приведут, – ответила она устало. – Единственное, на что я согласилась – переписка. Мы с ним хорошо поговорили, в ту последнюю нашу встречу я открыла ему всю душу. Он попрошалься со мной, сказал, что утром улетает. Больше я его не видела. Писем тоже не было.

Она молчала, и я молчал, обдумывая услышанное.

– Только вот что мне непонятно, – сказала она вдруг. – мы простились с Константином Алексеевичем около четырех... Гостиница его в центре... Почему же он оказался в алмазарском скверике?

Ах милая женщина, знала бы ты, как много таит в себе эта немудреная загадка!

– Константин Алексеевич, – ответил я, глядя в сторону, – имел обыкновение бродить вашими маршрутами, а в этот вечер он, видимо, хотел в последний раз взглянуть на занавески, за которыми были вы...

АМИР ТЕМУР ВЕЛИКИЙ

*Роман-эпопея
Книга четвертая*

ШАХРУХ МИРЗА¹

Глава седьмая

I

В ожидании визита ханум Амир Темур волей-неволей размышлял об Ираке, Египте, Персии, Азербайджане.

Неделю назад Амир Тахуртан, подданный Туранского салтаната, правитель города Арзинджана, отправил ему вместе с подарками письмо, где, выражая свое глубочайшее почтение, передавал сведения о ситуации в Трабзоне, Сивасе, Арзируме, Малатии и сопредельных провинциях. Особую тревогу вызывала та часть послания, где он с болью писал о возрастающих претензиях румского султана Баязида Йылдырыма. Тот затребовал крепость Кемаха, что относится к Арзинджану, дело дошло до того, что, взыскивая дань, он окружил крепость войском янычар. В письме, полном угроз, Баязид заявил: «...если не согласишься на сказанное, подтяну войско еще ближе и разгромлю твой город. Жену твою в плен заберу. В результате ты лишишься всего, что у тебя есть!»

Дабы как-то утихомирить султана, Амир Тахуртан написал учтивый ответ. Сказал, что согласен платить требуемую дань, согласен даже повиноваться, но крепость Кемаха отдать не может.

В полное изумление приводят действия правителя Халаба Темурташа и дамасского Амира ул-умара Судуна. Первый безо всякой причины задержал у себя туранских послов, направлявшихся в Кохиру. Второй целый месяц, будто не замечая, не проявлял никакого внимания и не впустил их в Дамаск. Преградив им дорогу, не дал возможности войти в город. А в довершение на целый месяц бросил их в зиндан.

Султан Ахмад-жалайир никак не прекращает сеять зерна заговоров, это уж чересчур ... Вот и казий Бурханиддин – правитель Кайсариин, Туката и Сиваса – повёлся на его наговоры. Между тем про него говорили, что был он достаточно дальновидным и осторожным правителем, способным ориентироваться в веяниях времени. Потому-то и направил Амир Темур к нему послов. Требуя повинования, предложил, чтобы имена хана Турана Султана Махмудхана и Сахибкирана упоминались в проповедях и также были отчеканены на монетах. При этом объявил, что территории эти отныне будут находиться под надежной защитой Туранского салтаната. Будут установлены между ними мирные и доброжелательные отношения, и отныне торговый и ремесленный люд сможет спокойно и беспрепятственно перемещаться по общей территории. Он был уверен – предложение будет встречено с удовлетворением.

Легкомыслие казия Бурханидина тут же проявилось в его поступках. То, что он сотворил, превзошло все мыслимые пределы... Он не только не отреагировал на все предложения, но даже издал приказ казнить послов Амира Темура! Повесив их отрубленные головы на шеи других посланников, еще оставшихся в живых, половину из них направил к султану Баркуку, другую – османскому султану Баязиду. Но послов

¹ Журнальный вариант. Продолжение. Начало в № 5, 2018.

ведь нельзя казнить! Неужели же люди не понимают, что за каждое сказанное слово, за каждый проступок и даже за незначительную оплошность придется отвечать?..

Отправляя в Египет и Рум отрубленные головы послов Амира Темура, казий Бурханиддин послал письмо, в котором писал, что приказал казнить послов Турана, тем самым выражая свое неуважение к Амиру Темуру, которого якобы ни во что не ставил. И надо же такому случиться – то письмо попало в руки разведчиков Сахибкирана.

Находясь в тот момент вдали – в Хилле – рассвирепевший Амир Темур послал султану Баркуку грозное письмо, обвиняя его в том, что он пленил его послов, мучил пленников и не погнушался даже убить их. Укоряя султана в укрывательстве Султана Ахмада-жалайира, причинившего столько вреда Туранскому салтанату, он затребовал немедленно передать того в его руки. В письме, в частности, были такие слова:

«... Душа наша так же высока, как и горы, а численность наша подобна числу песчинок в пустыне, страна наша неприкосновенна, войска наши молниеносны, будто ураган, кони наши быстроноги, мечи – острые, стрелы – летучи... И если будете Вы повиноваться нам, тогда всё, что имеем мы сами, всё это сочтем достойным и Вас. Будете жить свободно, уверенные в покое и мире. Друг наш станет Вашим другом, а враг наш – Вашим врагом... Но если же отвергнете наше слово, то пеняйте на себя: навлечете на свои головы несчастья! Крепости и укрепления Ваши для нас не помеха, любое войско – не ровня нашему. Молитвы Ваши о спасении не будут услышаны на небесах. Вы нас называете безбожниками, а между тем нам хорошо известна Ваша безнравственность.

Знайте, что право вершить суд над Вами дал нам сам Тангри Таоло... Что для Вас является великим, для нас – мелочью. Что возносите Вы, то лежит у нас под ногами... Направив Вам это письмо, пошли мы по пути справедливости, предупредили Вас, и тому сам Аллах – свидетель...»

Письмо сильно задело самолюбие Баркука.

– Да кто он такой? Я – правитель таких великих стран, как Египет и Сирия, и почему я должен выслушивать брань какого-то амира, явившегося из безводных степей? – вопрошал разъяренный султан, глядя на трясущихся от страха придворных чиновников. – Немедленно написать ответное письмо, в котором описать Темурленга четко и внятно... как... безбожника!

Давно уже достигли ушей Амира Темура слова султана, сказанные как-то в кругу близких людей: «Не боюсь я этого хромого! Если что – все падишахи меня поддержат, они все против него. А вот если кого боюсь я, то только Ибн Усмана Баязида!» Говорят же: у злого слова крылышки есть.

Пренебрежительное письмо, строки которого буквально сочлились густым ядом так, что даже булыжник мог бы расколоться на части и змей мог сбросить кожу, обратило сердце Сахибкирана в камень. Негодование его росло с новой и новой силой... Однако он понимал: человек, безраздельно отдающийся гневу, неизбежно проиграет. Не ошибётся лишь тот, кто семь раз отмерит и только раз отрежет. Амир Темур знал это очень хорошо.

Вроде бы и не представляло всё это прямой угрозы для салтаната, однако, подобно нарывам, выскакивали такие события неожиданно-негаданно в уязвимых местах, требуя особой бдительности буквально от каждого. А впереди китайский поход... Никак нельзя его отложить.

Но, похоже, после китайского похода, запланированного самое большее на один год, вновь придется отправиться ему на Сивас и Египет...

Недавно дошли известия о том, что правитель Кайсари, Туката и Сиваса казий Бурханиддин вместе с султаном Баркуком просили милости Тангри.

Амир Темур никогда не прочь был поспорить, если уместно, так и повоевать с сильными правителями или просто с достойными соперниками. Особенно хотелось

ему помериться силой с этими двумя заносчивыми гордецами, которые, хоть и не довелось им свидеться, причинили ему столько боли и страданий, где-то в сердце надеялся он найти их, поговорить с каждым с глазу на глаз... К сожалению, намерение это пришлось отложить теперь до дня страшного суда.

II

Он почувствовал приближение своих любимых женщин. Если бы не это, неотвязные мысли, цеплявшиеся одна за другую, еще долго терзали бы Амира Темура.

Сахибкиран уловил приятный мускусный аромат. Вместе с Ее величеством Сараймулькханум, сложив руки на груди для поклона, в зал вошла хорезмийская принцесса. Несмотря на то что она немного поправилась, фигура ее в струящемся парчовом халате без подкладки была по-прежнему статной. Не дав Сахибкирану возможности даже привстать, она стремительно бросилась ему в ноги...

– О Биби! Да ведь это же матушка-дочка моя? Ну-да, ну-да... Хвала и благодарение милостивому Аллаху, что дал Он мне увидеть дитячко мое, что сейчас она предстала перед моими глазами. Признаюсь, я уже соскучился...

– Неожиданно пожаловала сюда собственной персоной и всех нас обрадовала... – добавила царица. Она старалась улыбаться, хотя улыбка получалась у нее несколько натянутой.

Ханзада-ханум трижды поцеловала подол халата Сахибкирана и, приложив краешек к глазам, застыла. Внезапно к горлу ее подступили рыдания. Когда бы можно было криком кричать, так слышен бы был он на весь Боги Чинар, а то и на весь город... Если на то пошло, то стон и плач ее не только Сахибкиран со старшей царицей, но и весь Самарканд, Хорезм, да что там, весь мир должен был бы услышать!

Заметив, как вздрагивают плечи его невестки, Амир Темур догадался, что она беззвучно рыдает.

– Ну-ну, матушка-дочка моя! Не плачьте! Да хранит вас Всевышний... – Сахибкиран был раздосадован. Он постарался взять себя в руки. Погладив голову старшей невестки, сказал: – Биби, поднимите-ка мою дочь с колен! А ну-ка, садитесь-ка около меня, матушка-дочь моя, милая дочь моя...

– Милая моя принцесса, просила же я вас... не надо плакать, – с этими словами Сараймулькханум тихонько взяла её за плечи, стараясь приподнять. Но чувствовалось, что и сама она вот-вот заплачет...

– Достопочтенный отец и благодетель наш! – только и смогла выговорить Ханзада-ханум, и голос ее вновь задрожал...

Сахибкиран посадил царицу справа от себя, а Ханзаду-ханум – по левую руку. Прочитали молитву. Принцесса немного успокоилась. Не зная с чего начать, посмотрела под ноги, украдкой озираясь вокруг. Она пыталась понять, не рассердился ли на нее свекор. Увидев, что он не зол, немножечко успокоилась.

«Наверняка был сильно разгневан, прочитав недоброе письмо Мираншаха Мирзы... Если сейчас Амир Сахибкиран заговорит об этом, то придется услышать горькие-прегорькие порицания. Скажет, наверное, разве такие надежды возлагал я на вас?..» Эх, жаль, что принцесса узнала о письме уже после того, как оно было отправлено... Однако похоже, что Амир Темур и не собирается упоминать про то письмо, ни слова не было сказано об этом. «Благодетель Сахибкиран и здесь оберегает, старается пожалеть меня, несчастную... Думает ведь, наверное, если заговорит о том письме, невестушку свою дорогую обидит. До чего благородные люди! Ее израненное сердце затрепетало. «Да, сколько же они всего из-за меня терпят...» – подумала она и огорченно посмотрела на свекра и на старшую царицу. Ее уважение к ним возрастало с каждой минутой. И тут в ее душе возникли желание и решимость (как тогда, когда она из Султании пустилась в трудный путь). Она

решила начать разговор с письма Мираншаха Мирзы, а затем рассказать подробно все о его ужасных проделках, не оставляя и не пропуская ни-че-го! Сколько же может она молчать? Нет, теперь-то и расскажет о бесчестных его поступках, об ужасном письме, о его позорящих род человеческий унижениях и оскорблениях...

Никогда еще, вплоть до сегодняшнего дня, не жаловалась невестка свекру на своего супруга. Как тут знать... а вдруг Сахибкиран, услышав обо всем этом, скажет: «Да неужели же мой кровный сын пошёл на такое безрассудство? Ведь хлопают-то двумя ладонями... Может быть, и вы тоже не без греха, а, матушка-дочка моя? Наверное, и ваша есть вина?» Что если так он скажет ей? Не покажется ли она им тогда клеветницей, жалобщицей?..

Амир Темур вдруг спросил:

– Ну а как там амирзаде Мираншах? В добром ли здравии?..

Ханзада-ханум вздрогнула, будто в тело ее вонзился клинок. Вдруг показалось, что вопрос этот не имеет к ней никакого отношения. Почему же у неё об этом спрашивают? Да кто он такой, Мираншах Мирза? Абсолютно посторонний, непричастный к ней человек... незнакомец... чужой... некто. Давным-давно она забыла его. А если по правде – с самого начала были они друг другу чужими. Да...

Пожалуй, только сейчас открылась ей причина её безысходных страданий.

– Не велите казнить, велите слово молвить, благодетель наш Сахибкиран! Старшая госпожа! Боюсь я, что то, что скажу сейчас, ранит ваши сердца...

– Говорите, матушка-дочка моя! Скажите в чём дело? Ну-ка, давайте-ка послушаем...

– Дочь ваша... покинула Султанию... навсегда...

– Что-о-о? Матушка-дочка... что это значит?

– Может быть... между амирзаде и вами... отношения стали прохладными?

– Да. Так и получилось. Холодные отношения... Вы простите меня, госпожа...

В действительности столько охлаждений между ними было, что и не пересчитать... Она сейчас и не знала, на котором же из них остановиться. Но теперь, когда Ханзада-ханум поняла, что скрывать ей нечего, она приняла решение высказать всё до конца.

– В том краю сейчас – будь он неладен! – нет внимания к религии, нет бережного отношения к достоянию, нет уважения и снисходительности к подданным, к простому люду... – с трудом, пропуская через сердце каждое слово, начала Ханзада-ханум. – Нет в той стране и правителя как такового, нет в войсках дисциплины... Зато прибыль гребут немыслимую, хотя затраты и потери – невероятные... С позволения вашего расскажу все как есть, под клятвой!

Она продолжала свою исповедь. Большие, покрасневшие от слез ее широко раскрытые глаза словно свидетельствовали, что то, что она говорила, ее саму приводило в изумление. Она жестикулировала, мимикой пытаясь помочь представить все, о чем рассказывала, поднималась с места, склонялась в поклоне, затем вновь распрямлялась во весь рост, прикасаясь указательным пальцем левой руки к виску, делала какие-то пояснения. От нервного напряжения лоб принцессы покрылся капельками мелкого пота. Амир Темур никогда еще не видел невестку в таком состоянии.

– Да помилует нас Аллах! – воскликнул он нетерпеливо. – Что же это такое? Неужели все дела в этом мире сводятся к удовольствиям и развлечениям? Грузины, значит, возомнив себя победителями, вводят войска в Тебриз, а у него, кроме увеселений, других забот нет, а?..

Слегка наклонив голову, Ханзада-ханум подтвердила его догадку.

Бедная принцесса то смотрела на Амира Темура, ища поддержки, и, заметив ее, приободрялась; то искала добрый взгляд Сараймулькханум, заменившей ей в трудную минуту мать. С ней делилась она самыми сокровенными тайнами; радовалась и старалась улыбнуться в ответ, чтобы как-то выразить свою признательность за понимание и поддержку ее измученного сердца.

Когда же ее слова достигли кульминации, перейдя все мыслимые пределы, разгневанный Амир Темур встал с места и воскликнул:

– Только посмотрите-ка на этого злосчастного безумца! Как может правитель проводить дни напролёт, играя только в нарды! Вовлекся в кутежи, пошел по пути распутства! Будто бы не знает, что чрезмерность только губит жизни человеческие. Через винопитие, через кутежи, через разврат Чингизид Темур Малик-оглан в свое время потерял Золотую Орду! А потом утратил всё, что имел! Мы тут усердствуем, рук не покладая, возвести, построить хотя бы одно здание, а этот, вместо того чтобы созидать, дабы род прославить свой, занимается только разрушением! В Султании, в Тебризе поднимаются склоки, смута, а он смотрит на все молча, будто бы и не видит ничего!.. Что же это за сын такой получился у нас Мираншах Мирза, а, Биби?!

– Да пусть вразумит его Аллах! Вот ведь какая жалость... Про такого говорят: плохой в своих выходах меры и не знает. Разве же можно так глумиться над человеком? Пусть он поймёт, если забыл, что я ни в коем случае не допущу, чтобы так унизили мою дочь! – разгневалась Сараймулькханум. – Только получил он престол Хулагухана из рук Хазрата, тут же и возомнил себя кем-то великим: теперь он может вознестись в небо, проявив надменность и высокомерие!

Амир Темур почувствовал, что одним концом слова эти направлены в его сторону. Вспомнилось: когда вручали престол Мираншаху Мирзе, тогда именно Сараймулькханум возражала, противилась этому. Возглавлявший в то время Хорасанский вилайет Мираншах Мирза направился правителем в Азербайджан, а Хорасан передали Шахруху Мирзе.

Поняв, если что-то добавит к сказанному, будет уже сверх меры, Амир Темур сделал вид, будто не слышал последние слова царицы и, неторопливо развернувшись, вновь сел на трон.

Отдававшее желтизной лицо Ханзады-ханум внезапно побледнело. Не жалея ноющее сердце, она расплакалась. Просто сил не осталось у нее, чтобы удержать в себе и горе, и обиду, и боль.

Сахибкиран и царица бросились утешать Ханзаду-ханум: «Не стоит, не плачьте! Не омрачайте печалью душу!»

Ханзада-ханум хотела было сказать о злополучном письме Мираншаха Мирзы, но остановилась, подумав: к чему ворошить старое? Сами они, Хазрат, о том речь не заводили. Видимо, рассматривая письмо как пьяную шалость амирзаде, отнеслись к этой выходке без особого внимания.

Амир Темур был настолько поражен услышанным... у него буквально язык отнялся. О Боже! Сколько же глупости, недалёковидности! Ведь если его враги – Султан Ахмад-жалайир и Амир Кара Юсуф – узнают, что салтанат зашатался, тут же взбодрятся! Вот уж вдохнет это известие в них силу... придут, нападут, трон отберут, дело до того может дойти, что даже и жизни лишат его сына...

– Да, верно поучал мыслитель Унсурмаали Кайкавус в своих проповедях: «Разуму учишься у невежды», – подумал Амир Темур. – Посмотри-ка, находясь среди стольких невежественных людей, так и не набрался сын ума! В политике ничего не смыслит, с четырьмя собеседниками поговорить достойно не сумеет этот бестолковый!

Сахибкиран подошел ко всё ещё всхлипывавшей Ханзаде-ханум, погладил ее голову, поцеловал в лоб и сказал:

– Матушка-дочка моя, не печальтесь! Услышав известия о недобрых выходах безрассудного амирзаде (было видно, что Сахибкиран не хочет сейчас даже имя его произносить), мы очень огорчились... Но это ничто в сравнении даже с одною слезинкой, упавшей из ваших глаз! Очень рад я, что вы пожаловали сюда... Я рядом с вами, матушка-дочка моя, рядом с вами. Правильно сделали, что приехали... Разве сын, который не печется о своем достопочтенном отце, достоин уважения, а, Биби? Амирзаде видимо понятия не имеет о своем долге, по-видимому, и не будет иметь. Однако посмотрите-ка,

Биби, родная дочь моя как горюет, как переживает она обо всем, всей душой страдает... – Амир Темур вздохнул, стараясь, чтобы это осталось незамеченным. – Будете с нами здесь... Пусть учится ценить вас, дорожить! Скоро отправимся погостить в Боги Дилафруз, Биби! Наведем новый сад матушки-дочки нашей. Согласны?

Чуть отступив, Ханзада-ханум ответила, вытирая слезы:

– Великодушные благодетели мои, родители дорогие... Примите бесчисленные мои извинения за все...

Сам Амир Темур, пребывая в скверном состоянии духа, направился в отдаленную комнату Боги Чинара. Целую неделю он провел там в уединении, никому не показываясь. По словам Сараймульханум, Сахибкиран никого не допускал к себе, пребывая в раздумьях и молитвах. Порой, не выдержав груза душевных страданий, он плакал, горевал... Хотя обо всем было известно всем, но про то говорить открыто никто не отваживался.

Глава восьмая

I

Герат был близок сердцу Шахруха Мирзы издавна. Он выделял этот город, оценивая его сосредоточенным и внимательным взглядом и будто бы чувствуя, что его будущее будет связано с Гератом. Еще задолго до прибытия в город он без устали расспрашивал о его истории сказителя преданий белобородого Мавляну Убайда. Тому приходилось беспрестанно рыться в книгах, ведь амирзаде интересовали самые разные вопросы.

Герат оказался одним из старейших городов мира. Согласно преданиям, город заложил один из представителей династии Пешдаидов, а продолжили его дело цари Гишгасп и Бахман.

Из старинной книги «Чудеса городов» он узнал, что Александр Двурогий разрушил город до основания, затем Герат был им же восстановлен. Длина новой крепостной стены составляла девять тысяч шагов. Оказалось, покоритель мира взял за правило возводить города там, где постоянно свободно гуляет ветер. Тому пример – воздвигнутая в Египте на побережье Средиземного моря Александрия с маяком Фарос, Дальняя Александрия, построенная на берегах реки Сайхун. И действительно, в Герате с северной стороны непрерывно дует прохладный ветерок, который в летние месяцы становится истинной отрадой измученной душе. Шахрух Мирза помнит, как в одну из жарких бесед Мавляна Убайд, пришурился, улыбаясь, добрые глаза, буквально отчеканил:

– Из летописей известно, амирзаде мой, что, хотя Герат был основан и благоустроен весьма могущественными правителями – даже и завоеватели мира были среди них... – однако до сей поры еще никому не удалось поднять статус города до уровня столицы.

Шахрух Мирза всегда помнил слова Сахибкирана: «Когда о чем-то просишь Бога – желание должно быть великое». Поэтому он лелеял в сердце сокровенную мечту: «С дозволения Аллаха поскорее наступили бы такие времена, когда я получу благословение достопочтенного отца. Хотя в Хорасане много древних городов, таких как Балх, Шибирган, Андхой, Мешхед, Рей, Нишапур, я выберу только любимый город Герат для столицы и превращу его в главную крепость страны!»

Вот теперь, похоже, момент для воплощения его мечты наконец настал.

Вошел слуга с известием, что прибыл гонец из Самарканда. Гонцом был как раз Ахий Джаббар-бахадур. Он вошел в залу, подошел прямо к Шахруху Мирзе и, встав перед ним на колени, приветствовал его. Затем двумя руками вручил ему скрученный свиток, который достал из-за пазухи.

Правитель, знавший о напряженной ситуации, тут же погрузился в чтение:

«Мое слово

Абулмузаффара Абулмансура Амира Темура Курагана Бахадурхана.

Данным фирманом мирового властителя с благословения Аллаха, волею судьбы перед лицом возникшей неотложной необходимости предстоит нам отправиться в поход в сторону Магриба.

Амирзаде, амиры ул-умара, беки, визири, полководцы, тысячники... подготовить военное снаряжение и доспехи, привести все в полную боевую готовность.

Правителю провинции Хорасан Шахруху Мирзе собрать войско и немедленно отправляться в Азербайджан.

Амиру Сулайманшаху отправляться в Тебриз и доставить его к нашему высочайшему порогу для челобитья...»

Прочитав фирман, Шахрух Мирза с сожалением заметил:

– Наш покойный великий брат Джахангир Мирза, пусть земля будет ему пухом, всегда говорили, что благодетельный отец наш буквально истязает себя, решая бесконечные проблемы салтаната. Сетовали, что безжалостен он к самому себе... Что правда, то правда. На самом деле, только что ведь вернулись из похода... На гривах скакунов еще густой слой пыли дальних индийских дорог. Мозоли и ссадины на боках у коней от переходов длинных еще не зажили... Да, моя принцесса... Амир Сахибкиран уже в новый поход собираются... Слышал я, когда пересекали горы Гиндукуш, обвязались они веревкой по поясу и вот так бесстрашно, на весу, отталкиваясь от скал, спустились с большой высоты в ущелье! О боже! Благо, что повезло! А если бы веревка порвалась? Не дай бог! Зачем лезть все время и в огонь, и в воду? Немножко отдохнули бы... Но господин Мухаммад Чурага-дадхах мне говорил, что Амир Сахибкиран не любит проводить время в развлечениях. Да... Однако, не в Китай, как было задумано... а опять в Магриб отправляются... Это как так получилось, господин бахадур?

Ахий Джаббар-бахадур, сложив руки на груди, ответил:

– Ее высочество госпожа Ханзада-ханум, принцесса Хорезма, неожиданно вернулась из Султаннии в Самарканд... Побывала она с визитом у Амира Сахибкирана и, по моему слабому разумению, жаловалась на амирзаде Мираншаха Мирзу... Возможно, в этом кроется причина беспокойства... – невнятно закончил бахадур свою речь.

Он чуть было не рассказал про Мираншаха Мирзу и уже собрался было открыть рот, но... вспомнив, что по обычаю ахийцев, о ком-то сказать неприятное считается злословием, удержался.

Бахадур продолжал:

– Наш покровитель Сахибкиран, осознав ситуацию, после визита невестки были очень опечалены. Никого к себе не допуская, уединились в одной из комнат Боги Чинара. До того огорчены были грустными новостями о Мираншахе Мирзе, до того сожалели... плакали. Благородный взгляд его порою слезой туманился.

Душу Шахруха Мирзы охватила тревога и скорбь. Мысль о безнравственных выходах нечестивого брата буквально разрывали ему сердце. Если бы было возможно, упал бы он сейчас в ноги покровителю Сахибкирану, просил бы прощение за брата своего, молил бы: «Вы не принимайте все это близко к сердцу! Не обижайтесь на него! Вот я рядом с вами, буду служить вам, исполнять долг сыновний свой! На меня и опирайтесь...»

Шахрух Мирза тут же повелел Амиру Сулайманшаху направиться в Тебриз, держать под контролем ситуацию вплоть до приезда Сахибкирана. Потом вызвал к себе Амира Мизраба Джаку и приказал немедленно собирать войско.

II

Когда наступает время великих событий, другие – маленькие и сравнительно незначительные, казалось бы, близкие уже к завершению – вдруг отступают в сторону. Намерения так и остаются намерениями, здания остаются недостроенными, о новых дорогах

никто и не помышляет... поля и те остаются незасеянными, песни неспетыми... «Великое событие» поглощает буквально все, подобно дракону. Становится очевидным то, чего человек не сразу может понять: все явления мира взаимосвязаны, и невозможно отделить одно событие от другого или вырвать одно звено из цепи взаимообусловленных исторических событий, и от этого в конце концов никуда не денешься.

Например, если в лесах близ Мазандарана высохнет дерево, то в это время в Боги Чинаре будет посажен новый росточек. И это только кажется, что между ними нет никакой связи. Ведь если кто-то творит бесчинства в Багдаде, злой ветер их быстро донесет до Самарканда... Когда в горах Гиндукуша камнепад, эхо от него доносится аж до предгорий Ургута, но дитя человеческое того не слышит, будто бы и нет между ними связи. Когда со стороны заката солнца сорвется звезда, устремляясь за южный окаем, на востоке ярко засияет новая, до сих пор неведомая людям... Другими словами, мир – полная чаша и, если привести воду в этой чаше в движение, вовлечеными окажутся все частички: и те, что были на дне, и те, что на поверхности. Движение с одного края волной отразится на другом, и ни одной частичке не уберечься от их взаимодействия.

В огромной чаше, расположенной между небом и землей: горы, леса, степи, моря, реки, поселения, города, крепости, сады, повседневные события, войны, подлость, предательство, отдохновение, страдание, любовь, ненависть, мечты, сожаления... – все это и есть наш мир...

Подобно тому как переполняется порою чаша терпения у человека, так и мир порой переливается «через край». Мудрецы говорят, что без причины даже верхушка дерева не покачается, ветер не будет гонять без резона облака по небу, ни одна капля дождя сама по себе не упадет на землю, и даже сухая соломинка не поднимется просто так в воздух... Мир создан как единое существо, гармоничное и взаимодействующее, удостоенное милости небес совершенство. И это действительно так.

Пока божественные причины не соприкоснутся друг с другом, пока они не свяжутся, ничего не произойдет. Но человечество, имея такую глубокую историю, все еще не осознает до конца свою великую миссию самосовершенствования. Вместо того чтобы сообща хранить изначально доведенный до совершенства мир, люди не в силах отказаться от пагубной своей привычки переделывать мир на свой манер, по своему разумению.

Печальные события в Султаннии нанесли вред не только Самарканду, но и всему салтанату. Услышав обо всем, что там творилось, Амир Темур ошущал себя человеком, которому нанесли сильный удар исподтишка. И, что особенно сильно его задело, то были не кулаки заклятого врага, а... дорогого собственного дитяти! Надо же! Сахибкиран обвинял и обижался на чужака – названного сына Тохтамышхана, в чьих жилах текла совершенно чужая кровь, а тут предал его собственный сын! Эх, хотел бы он оправдать своего сына перед Богом, перед принцессами, но порочные наклонности отпрыска не позволяли этого сделать. Особенно неудобно чувствовал он себя перед Сараймульханум, перед невесткой Ханзадой-ханум, перед дочерью Султан Бахт-бегим.

А ведь пару лет назад, когда Султан Бахт-бегим рассказала ему о странных наклонностях Мираншаха Мирзы, он как-то не обратил на это внимания. «Так ведь от невольницы сын этот!» – сказал он сам себе в гневе. Впервые выскочило из его рта такое... Никогда ранее не говорил он так о своих детях. Но слова эти были бессильны рассеять его горе.

– Нет! Невозможно взяться за другие дела, не исцелив болезнь в собственном теле... – произнес неожиданно Сахибкиран, обращаясь к духовному наставнику и Мухаммаду Чураге-дадхаху, хотя никто и не спрашивал его об этом. – И отрезать больно, и оставлять нельзя.... И как же тут быть?

– Сие есть истина... Выпустить гной из гноиника – главная задача... – поддержал его Мир Саййид Барака. Затем добавил: – Тут политика нужна...

– Значит, китайский поход будет отложен, Амир Сахибкиран? – не удержался от вопроса Мухаммад Чурага-дадхах.

Амир Темур взглянул на него. Трудно выразить, сколько же страдания увидел дадхах в глазах Сахибкирана.

– Да, Мамат, будет отложен... – сказал Амир Темур в раздумье. – Как ни жаль, а придется повременить. Если мы сейчас отправимся в Китай, получим одно преимущество, но потеряем дважды. Наши враги будут ликовать. Они затаились, как змеи... боятся голову высунуть и... выжидают. И султан египетский, и иракский падишах Султан Ахмад-жалайир, и Кара Юсуф, и Йылдырым Баязид – все как один враги ждут случая воспользоваться нашим отсутствием, чтоб захватывать и грабить наши земли. Праведных мусульман хотят обратить в рабов своих. Если так, то наша победа в Чине-Мочине нам никакой радости не доставит. У похода на Иран же есть две выгоды при одном ущербе. Ну что ж... Китай – вот он, рядом. Мы двинемся в поход тогда, когда будет на то повеление Аллаха...

Мухаммад Чурага-дадхах всем сердцем сопереживал и чувствовал, в каком отчаянном положении оказался Сахибкиран, если пришлось ему отложить давно задуманный китайский поход, поменяв направление на Хорасан.

Сахибкиран провел смотр армии в Коникиле, осмотрел военные соединения – одно за другим – дотошно разузнал про готовность оружия, боевых доспехов и метательных снарядов... Остался доволен наукерами, у которых было приподнятое настроение перед походом. Набросил дорогие халаты, расшитые золотом, на плечи нескольких тавочи¹, отлично обеспечивших полную явку наукеров и ответственных за воинский провиант. На сердце у него полегчало. Тут же на месте созвал машварат.

– Свет наших очей, отрада души наследный принц Мухаммад Султан остаётся в Самарканде. Будет сохранять порядок в Туронзамине, управлять страной и неустанно следить за границами нашими, – сказал Сахибкиран. – А если почувствует готовность некоторых амиров или правителей к произволу, то их следует жестоко наказывать. Расследовать внимательно и, если заслуживают они того, наказывать безжалостно! Амир Сайфиддин-некуз, Худайдад Хусейни и другие беки, что были с принцем на монгольской границе, также будут пребывать в столице.

– Благодарим вас, достопочтенный наш Сахибкиран! – сложил руки на сердце Мухаммад Султан. Военачальники, названные по именам, тоже встали в поклоне.

Как бы поясняя ситуацию амирам и полководцам, немного растерявшимся от новостей о неожиданном для них западном направлении похода вместо намеченного восточного, опечаленным тем, что ближайшие их планы нарушаются, Амир Темур добавил:

– Похоже, поход наш не будет коротким. Подчинить строптивых, умиротворить все страны, навести в них порядок – это нелегкое дело. На нашем пути пятнадцать, возможно, и более стран. Мамат! Проследи сам: всем воинам, амирам, бахадурам, военачальникам выплатить жалование и все им причитающееся из казны. За семь лет вперед! Да будет полной их чаша, и чтоб всегда был хлеб на дастархане!

– Амирзаде Искандара ибн Умаршайха, нашего любимого внука, назначить правителем Андижана! Выделить туда жалование для пяти тысяч наукеров. Пусть сопровождают родовитые беки! Другой внук – Рустам бин Умаршайх – направляется в Шираз. Оттуда вместе с братом Пиром Мухаммадом они отправятся в Багдад. Послать гонца к Шахруху Мирзе, дабы он вместе с воинами в полной боевой готовности поджидал нас в Рее. Иншаала, там с ним и свидимся.

– Готовы к исполнению ваших приказаний!

– Более чем всегда!

– Да будет жизнь ваша длинной, Ваше величество Сахибкиран! – слышно было отовсюду.

¹ Тавочи – военный чиновник.

Султан Хусейн Мирза с амирзаде Халилом Султаном расположились поодаль, присев на колени. Султан Хусейн Мирза очень надеялся, что на этот раз ему будет пожалован какой-нибудь вилайет. Но имя его так нигде и не прозвучало. А ведь даже Искандару Мирзе, что был младше его на целый год, и тому пожаловали управление Андижаном. Он был сильно уязвлен. «Все – только любимым внукам своим... А мы – мы нелюбимые...» – подумал он. Лоб его казался еще более выпуклым, чем раньше. Встав, он наклонился и прошептал Халилу Султану:

– Глядите, как стареет наш великий дедушка... То все «Китай, Китай...», аж надел со своим походом. Я был еще ребенком, когда впервые услышал о китайском походе. А теперь вот... ну подумать только... когда уже все собрались направиться в Чин-Мочин, оказывается, мы отправляемся в Иран! Вот и два года назад также: «Китай, Китай...», а направились в Индию. С возрастом у человека, видимо, мозги плохо соображают. Но держать слово-то свое надо...

– Не говорите так, брат! Вдруг кто-то услышит! – напуганный его словами Халил Султан быстро осмотрелся по сторонам. – Вы не боитесь ли?..

– Да я не из пугливых!.. – ответил Султан Хусейн Мирза, пристально глядя на амирзаде. В это время они уже стояли поодаль, отделившись от людской толпы. – А я читал в уложениях салтаната: каждому из внуков полагается от трех до шести тысяч наукеров, столько же улуфа¹ и вилайет для управления. Так где ж эти вилайеты? Где улуфа? Где мои наукары, а? У всех есть. Только у вас и у меня нет! А еще говорят, сила, мол, в справедливости...

– Придет время, и до нас очередь дойдет. Подождите. Жернова мельницы поочередно поворачиваются, – сказал Халил Султан.

– Да нужно сломать жернова такой мельницы, амирзаде! – воскликнул Султан Хусейн Мирза. Голос его звенел от злости, выпуклые глаза сверкали от ярости.

Глава девятая

I

Когда знамена туранского войска, трепеща на ветру, двинулись в сторону Ирана, был уже конец лета. Весь салтанат пришёл в движение. Войска, базирующиеся в Конигиле, стояли в трепетном ожидании. В любой момент они готовы были ринуться, как смерч, сметающий все на своем пути.

Вчера в Куксарае бросили жребий жены Сахибкирана, определивший, кто будет сопровождать его в походе.

К огромному огорчению остальных ханум, сгоравших от желания победить, в жеребьевке выбор пал на двадцатидвухлетнюю красавицу Тукал-ханум: именно она выбрала желанную шкатулку. Сказать по правде, Амир Темур и сам в глубине души просил Бога именно об этом, потому что очень высоко ценил ее. Приветливая, отличающаяся прекрасными манерами, прелестная, как знаменитая испанская царевна Валлода, она была неотразима.

Сахибкиран ещё в Самарканде задумал направиться из Султании через Тебриз в азербайджанский Карабах. Он будет зимовать там и немного охотиться в горных отрогах. Со времени его встречи с Ханзадой-ханум он ни слова не промолвил о Мираншахе Мирзе. Будто бы ничего и не случилось. Не только духовный наставник и Амир Сайфиддин-некуз, но даже Её величество Сараймулькханум не осмеливалась заводить о том речь. Но, диктуя письмо Шахруху Мирзе, он распорядился направить в Тебриз племянника – Амира Сулайманшаха, человека спокойного, уравновешенного, бывшего в близких отношениях с Мираншахом Мирзой. Ему было

¹ Улуфа – денежные средства (жалованье) и провиант для наукеров и чиновников.

поручено разведать ситуацию и, не причиняя ни малейшего вреда «безбашенному» амирзаде, привести его в распоряжение Сахибкирана.

Когда Амир Темур миновал Рей и достиг красивой долины, ему навстречу подоспели Амир Сулайманшах с Мираншахом Мирзой, прибывшие туда из Тебриза. В это время Амир Темур и Мир Саййид Барака совершали полуденную молитву в походной мечети, установленной на открытой площадке.

После молитвы, вернувшись в царский шатер, Сахибкиран вызвал к себе наюкера-гонца от Пира Мухаммада ибн Умаршейха, прибывшего с приветствиями и подарками. Дотошно расспросил его о ситуации в Ширазе. Потом стал проверять списки даров. Всякий раз, когда встречалось ему несоответствие, поглядывал на Пира муршида с немим вопросом в глазах: «Видите, да? Не сходится...» Именно в это мгновение доставили известие о прибытии Амира Сулайманшаха. Хазрату хотелось поскорее увидеть сына, но слуга в изумлении услышал:

– Сегодня не желаю я встречаться с Мираншахом Мирзой.

Горькие раздумья одолевали Амира Темура в ту ночь, он практически не спал... Что же делать, как быть? Какие шаги предпринять? И какой толк в том, что голова у него раскалывается от переживаний? Какой может быть спрос с недалековидного и неводержанного сына? Что проку в том, чтобы читать ему теперь проповеди, наидания? Ведь уже более тридцати лет ему... а он до сих пор еще ум не собрал, не осознал суть происходящего в мире, отвык от благодарности. Так стоит ли теперь лезть из кожи, пытаясь учить уму-разуму в надежде, что этот невежда когда-нибудь станет разумным? Мудрые люди, достигнув такого возраста, уже задумываются о старости на горизонте... пора бы и ему задуматься о жизни вечной...

Крупный, не в меру расплывшийся Мираншах Мирза, приближаясь к месту их встречи, был абсолютно уверен, что ждет его с нетерпением, Сахибкиран тут же поззовет его к себе и примет. Но когда все пошло по-другому, он стал похож на жеребца, растерянно перебирающего ногами, после того как внезапно наткнется на препятствие. Скорее даже на тигра, загнавшего себя в клетку. Никак день не кончается, а он не знает чем заняться, чувствуя себя неприкаянным. Да и люди разговаривали с ним не так-то дружелюбно. Дальше коротких приветствий дело не шло. Тут еще, как назло – будто бы других неприятностей ему не хватало! – одолела его старая болезнь. Боль в суставах делала его состояние невыносимым.

Чуткий ко всему происходящему, Амир Сулайманшах предложил ему конную прогулку. Это было очень кстати. Направив своих коней в сторону гор, что возвышались, упираясь макушками в голубые небеса, амиры отправились вглубь долины.

Амир Сулайманшах ещё в Тебризе посоветовал Мираншаху Мирзе привезти Сахибкирану достойные подарки, пояснив, что такие знаки внимания помогут ему смягчить вину. Но... не обронил при этом ни полсловечка в порицание. Не вырвалось у него: «Что ж ты наделал, а? Дела твои недостойны и не к лицу они тебе...» До сего момента он не произнес ни слова из тех, что затаил у себя в сердце. Поскольку у амирзаде были проблемы с дыханием, в минуты волнения нехватка воздуха сказывалась особенно остро. Могла начаться внезапная истерика. Его поведение было похоже на поведение человека, который еще не опомнился, внезапно отведав тумачков, речь его то и дело путалась.

– Ну... у всякого раба Божьего бывают ошибки! – сказал Мираншах Мирза, стараясь быть спокойным, будто утешая себя. – Да и у кого их нету? Только у Аллаха не бывает ошибок... Всё ведь можно исправить... Неужели мы не сможем это сделать? Все ошибаются, все...

Амир Сулайманшах взглянул на амирзаде:

– Ну да, все...

Мираншах Мирза, погрузившись в свои думы, умолк.

– Когда будете на приёме у Амира Сахибкирана, лучше вам избегать лишних слов: вот и пришли к желаемому, – напомнил собеседник амирзаде его любимое высказывание. – Если есть возможность, рот нужно зашить. Возможно ли это?.. Стойте тихо, склонив голову! Кто осознал свою вину – тот святой! Всем своим видом показывайте, что осознали свою вину. Но если пойдет что-то не так – не дай бог – вас ожидать может очень суровое наказание!

– Да я вообще не хотел сюда ехать! Это вы меня заманили, – занял погрустневший Мираншах Мирза.

– Ой-ей! Разве у вас был другой выход, можно ли было не поехать? Или вы могли бы из-под края неба выскочить и скрыться в неизвестном направлении? Могли бы вы спрятаться?.. У Сахибкирана руки-то длинные... Уж какие были падишахи могущественные – никто из них не увернулся от его железной хватки, – Амир Сулайманшах посмотрел на трясущегося от страха амирзаде.

– А вы попросите его, чтобы простил он мои грехи, – стал умолять Мираншах Мирза, с которого слетело бывшее высокомерие.

– Я же ещё в Тебризе сказал, что буду заступаться! Выполню свое обещание, буду стоять на своем слове! Но... только если вы не будете переступать границ... Договорились?

– Согласен!

– Да есть у меня одна задумка... – тут Амир Сулайманшах многозначительно посмотрел на амирзаде, – ладно, потом объясню.

В глазах у Мираншаха Мирзы засверкал луч надежды.

Ранним утром Амир Сулайманшах направился в Хумаюн Урду. Слева от него по дороге семенил человек, на голове которого был мешок, скрывавший его лицо. Руки были связаны сзади крепким узлом, на шее висел меч. Ни один из встречных представить себе не мог, что перед ними сам обладатель престола Хулагухана Мираншах Мирза собственной персоной.

Не было уже на нём ни резной точеной короны, венчавшей его голову ещё вчера, ни царских одежд, ни свешивающегося слева исфаханского меча искусной работы... Каждый видевший его сокрушался: «Да кто же он, этот бедолага? И до чего же тяжелы его грехи, если он попал в такое ужасное положение?»

– Проходите, проходите, господин амир, – постарался улыбнуться ему Мухаммад Чурага-дадхак, встречавший Амира Сулайманшаха у порога шахского шатра. Но... при этом дадхак издавна недолюбливал этого непостоянного и нетерпеливого амира.

– Входите, входите же.

Они вошли в шатер, который оказался просторным, почти таким же, как и зал аудиенций Куксарая. В самом верху на троне, излучая величие, восседал Амир Темур. Амир Сулайманшах, низко склонившись, поцеловал край белого халата без подкладки, вышитого парчой, и поклонился. Мираншах Мирза хотел было последовать его примеру, но Амир Темур, будто отстраняясь от чего-то совсем нежеланного, громко приказал:

– Не приближаться!

Амирзаде так и замер на том самом месте, где застал его этот возглас.

Амир Сулайманшах взял провинившегося амирзаде за руку. Почувствовав, что Сахибкиран ещё не отошёл от гнева, он старался повлиять на ситуацию.

– Согласно вашему фирману, Амир Сахибкиран, мы направились в Тебриз. Разузнали там ситуацию. Расспросили людей... Основные занятия нашего амирзаде... – пьянство, игра в нарды, застольные песнопения. Он у нас большой любитель мелодий ная, нравятся ему и ритмы дойры, – рассказывал негромким спокойным голосом Амир Сулайманшах.

«Неужели же это моя собственная кровь? Плоть от плоти, кровиночка моя... мог оказаться таким? Так опозорить своего достопочтенного отца! Да, самые страшные враги, оказывается, твои собственные дети, – рассуждал про себя Амир Темур. – А от напасти и беды, что от тебя же самого и исходит, как избавиться? Еще и отвечать

придется за то, что такого негодного на этот свет породил, да и хулу от людей услышишь. Хорошо ещё догадался этот негодный себе на голову мешок набросить, скрыл лицо свое неблагодарное! Само по себе это ведь что-то означает... Может, признал тем самым, как много на нём грехов...»

– Головы наши сложены у вашего порога, Амир Сахибкиран! – скрестив руки на груди, закончил свою речь Амир Сулайманшах. – Думаю взять амирзаде под защиту и опеку свою... Прошу вас великодушно простить грехи его.

– Долг благодарности – на моих плечах... Сжальтесь, помилуйте меня, Амир Сахибкиран! – взмолился в этот момент амирзаде в мешке плачущим голосом, звучавшим будто бы из глиняного хума¹. «О боже! – горевал Мираншах Мирза. – Я теперь лишен счастья поцеловать край парчового белого халата моего достопочтенного отца! Это Божья кара для меня!» Мираншах Мирза внезапно ощутил, какое гигантское расстояние легло между ними – вчерашним обладателем трона Хулагу-хана и его родным отцом, восседавшим совсем рядом с ним на троне – султаном Турана! Он в глубокой яме, Сахибкиран же где-то в поднебесье...

Мираншаху Мирзе очень хотелось, чтобы отец, возвысив голос, пристыдил его за все, поругал, не скупясь на горькие слова и выражения. Но отец ничего не сказал, как бы говоря: «Ты не достоин жалости и милосердия!»

Пири муршид, сидевший в нетерпении, решился вмешаться в разговор:

– Удел бессильных – увы! – грешить. А долг достойных – прощать их. Люди возвышенной души имеют счастливый дар – принимать извинения.

– Сулайманшах! – хладнокровно сказал Амир Темур. – Согласно моему приказу следует направиться в Тебриз. Изучить там все записи расходов правителя и его двора. Все несоответствующие целям затраты должны быть возмещены в казне. Все до копейки! Красть деньги государства – это хуже, чем обирать сирот!

И вновь наступило молчание. Все понимали: Сахибкиран еще не закончил свою речь.

– Есть старая мудрость: дурной вол, сломавший ярмо, сам себе кланчит плеть. Выпороть амирзаде палками! Сбивших его с пути друзей-музыкантов – повесить!

Приговор был жестким и решительным. «Ох!» – вырвалось у Мираншаха Мирзо. Амир ул-умара Джаханшах ибн Жаку даже вымолвить ничего не смог. Амир Сулайманшах замер в изумлении. Миру Саййиду Бараке, как услышал он про наказание палками, полегчало: «Уже и то хорошо, что не велено было казнить амирзаде...»

II

На машварате в Конибиле, извещая о предстоящем походе, Сахибкиран также объявил, что в его отсутствие бразды правления страной будут переданы престолонаследнику Мухаммаду Султану. А тому строго-настрого поручил: глаз не спускать с северо-восточных границ! Неустанно держать в поле зрения Джету.

– В Джете беспокойно, борьба за престол обострилась, везде смута, – сказал ему Амир Темур. – Из этой страны могут исходить большие неприятности. Говорят же, тупым ножом, как на грех, и обрежешься. Повадки Камариддина и Анки Туры мы уже знаем. Не раз подтягивали мы туда войско. Но до спокойствия на той стороне еще далеко... Два года вам приходилось жить в тех краях, дышать тем воздухом... Вам лучше всех понятнее ситуация в тех местах, мой принц...

Слова Сахибкирана «До спокойствия в той стороне еще далеко...» заставили принца призадуматься. В какой-то степени это задевало его самолюбие... Ему показалось, будто за этими словами был скрытый упрек: имея таких сыновей и таких внуков, впали мы в столь затруднительное положение... Увы-увы! Могущественный великий салтанат, включивший чуть ли не полмира, не может навести порядок в краю разбойников... Как это так? Да, не зря значит тот край называется Джета².

¹ Хум – большой глиняный кувшин.

² Джета – разбойник.

Внезапно в голове его возникла идея. Мухаммад Султан тут же собрал войско и двинулся в путь, чтобы совершить большой набег на Джету.

Если будет на то благословение небес, из Джеты будут они держать путь на Кашгар, в Яркент, а оттуда уже недалеко и до города Учтурфана, а там до Хотана рукой подать. А вот из этого города откроется ему дорога к китайской столице Ханбалык... Ведь дед всегда мечтал совершить поход на Китай. Но из-за истории с Мираншахом Мирзой вынужден был отодвинуть свою задумку на второй план. Как же будут все удивлены, если он, исполнив желание великого деда своего Амира Темура, воротится с победой, завоевав Китай. Тогда предку его не будет уже нужды идти на Китай с походом. И ведь не только Сахибкиран – весь народ, да что там! – весь мир этим был бы изумлен.

Когда шахзаде поделился своими мыслями с Амиром Аллахдадом, тот сразу же выразил свое одобрение. Но ни сном ни духом не ведал тогда еще Мухаммад Султан, какие неожиданности поджидают его в Туркестане.

Расположился он в доме градоначальника, что стоял посреди тенистого двора, окруженного разросшимися деревьями.

Шахзаде уже издал фирман, согласно которому на следующей неделе войско двинется в Ашпару, оттуда – в Могулистан. Но не прошло и трёх дней, как пришло известие о том, что прибыл посол Искандара Мирзы, правителя Андижана.

Шахзаде вызвал к себе прибывшего незамедлительно.

– Кто ты таков, посланник? – строгим голосом вопрошал Мухаммад Султан узкоглазого полноватого человека с жидкой бородкой, одетого в коричневый халат.

– Ассаламу алейкум, достопочтенный шахзаде! Я Амир Тармачук, служу его превосходительству Искандару Мирзе. Я сам просил своего господина, чтобы он направил меня сюда. Все потому, что много слышал о вашей доблести и известности, издавна мечтал увидеть вас. Хвала Аллаху, из-за добрых дел своих я удостоился этой чести.

Амир Аллахдад, сдвинув густые брови, внимательно смотрел на посланника. «Вот это да! Да ведь это же слуга Тохтамышхана... Как же это он превратился теперь в человека Искандара Мирзы?»

Ему было известно, что Амир Тармачук в свое время служил сначала у Амира Мусы, затем у Амира Кайхусрава. Потом от Ахия Джаббара-бахадуря узнал, что этот «посланник» поступил на службу к Тохтамышхану. Но... если сейчас он станет разоблачать его и откроет перед шахзаде его тайны, так нарушится весь приём, он покажет свою бестактность. Нет, лучше уж усмирить длинный язык, притвориться несведущим.

В свою очередь Амир Тармачук никак не ожидал, что на приеме у шахзаде встретит Амира Аллахдада. На какую-то секунду он растерялся, но быстро взял себя в руки, сделав вид, будто все идет своим чередом.

– Зачем ты мне монгольских девушек привёз, а? Для чего пригнал сюда этих буланых коней? – спросил его встревоженный шахзаде. – Кто тебя просил?

– Так это же дары нашей победы, Ваше превосходительство шахзаде! Это все – от щедрот моего амирзаде. Амиру Сахибкирану также отправили дважды по девять красавиц в виде дара.

– Дары победы? Что-то не понимаю... Амиру Сахибкирану тоже дары? Да что тут вообще происходит, господа амиры? – вопрошал Мухаммад Султан, встревоженно поглядывая на Амира Аллахдада.

– Я и сам не могу понять, мой шахзаде. Не в силах даже что-то вам ответить.

Амир Тармачук только сейчас догадался, что шахзаде не был осведомлен о походе Искандара Мирзы! «Вот это да-а-а... Амирзаде-то, оказывается, о походе не посоветовался с правителем страны!» – подумал он про себя и... холодок пробежал по телу.

– Не велите казнить, велите слово молвить, – сложил руки на сердце Амир Тармачук. – Узнав в каком состоянии раскола и безвластия находится Джета, Его превосходительство амирзаде сказал: «Нельзя упустить момент! Не можем мы

спокойно смотреть на все это!» И направил андижанские войска в Могулистан... В степях Джеты к нему присоединились войска Худайдада Хусайни... А в Кашгаре их поджидали беки, и немалым числом. Ну и отправились все они в Яркент, потом захватили Учтурфан. А когда в городе Аксу атаковали три отдельностоящие крепости... так я тоже в том принимал участие. Вдову Хызыра Ходжахана вместе с его дочерью взял там амирзаде в плен. Оттуда повернул своего коня в сторону Хотана. Расстояние от Хотана до столицы китайского вилайета Ханбалык составляет сто шестьдесят один манзил.¹

Амир Аллахдад видел, что от душившего гнева огромные глаза шахзаде метали громы и молнии, обычно бледное лицо его раскраснелось... Спокойный и сдержанный от природы, он очень разволновался от неожиданных известий! Ему сковало язык, он буквально не мог произнести ни звука.

– Что-что-что?! Значит, говоришь, этот господин Искандар Мирза пошёл походом на Джету... так, да?! – спросил шахзаде, возмущенный поступками амирзаде.

«Так значит, правитель Андижанского вилайета Искандар Мирза, не спросивши разрешения, даже не поставив меня в известность, стал действовать по своему усмотрению. Это ведь всё равно, что наступить своею ногою мне на лицо! Не-е-е-т, это не только к престолонаследнику, это ко всему салтанату неуважение! – горячился он. – Всё это от его высокомерия, от глупых амбиций! Стремится к самоуправству, хочет показать себя героем в глазах Сахибкирана, выделиться, продемонстрировать свою храбрость, раздуть авторитет... Да, все завидуют мне. При первой возможности стараются ущемить мое самолюбие. Ведь если в стране случится что-то неприятное, тут же обвинят правителя! Скажут: не может управлять страной.

Разгневанный шахзаде, не зная, что тут сказать, заметался из стороны в сторону. Потом взглянул на Амира Аллахдада.

– Да, ребячество проявил наш амирзаде... – сказал тот.

– Это не ребячество, это – глупость! Просто безумие! – с горьким упреком сказал Мухаммад Султан. – Поведение глупого и капризного ребёнка! Не подумать о последствиях, делать все впопыхах, второпях... Он же разрушил все, все загубил. Как жаль, как жаль!

– Амирзаде, конечно, совершил ошибку. Но вы – великий человек, простите ему его грех...

Повисла зловещая тишина.

Самым печальным в этой истории было то, что теперь задуманные Мухаммадом Султаном походы и в Джету, и в Китай лишились всякого смысла. У шахзаде жалось сердце: какой-то мальчишка, возомнивший себя умнее всех, повел себя так, будто престолонаследника и вовсе не было. Это сильно задело его самолюбие!

– Ни девять монгольских красавиц, ни девять буланых коней в дар принимать не стану! – мрачно заявил Мухаммад Султан. – Забирай, вези их обратно! Пусть амирзаде делает с ними что пожелает!

Амир Тармачук так и замер на месте, услышав эти слова. Никак не ожидал он, что дело обернется таким вот образом.

Глава десятая

I

Юная Согинч-ханум, которая переселилась в Боги Накш жакане², мечтала о многом... Вернувшись из поездки в Кеш, она заметила, что совершенно потеряла аппетит... И обрадовалась! Взглянув на еду, тут же отворачивалась, ее тошнило. Это радовало ее, она мечтала теперь только об одном: если, бог даст, все будет хорошо, увидит она вскоре сына! И сын ее станет престолонаследником!

¹ Манзил – около 30 км.

² Сад «Украшение мира».

Три года они ждали этого события.

Шахзаде Мухаммад Султан возвращался из Туркестана в Самарканд в очень удрученном состоянии. Он чувствовал, что, хотя он и престолонаследник, мало, кто с ним считается, более того, многим он не нравится. Вот потому-то и придумывают всякие выходки они, вроде той, что выкинул сейчас Искандар Мирза, чтобы его авторитет уронить, подорвать, лишить уважения к нему. А потом притворно спокойные, покорные, праведные стоят в сторонке и тихонечко наблюдают: а ну-ка посмотрим, что будет дальше. Он понимал: поход Искандара Мирзы в Хотан не только им самим придуман.

Как предполагал шахзаде, Согинч-ханум вот уже четыре месяца беременна, дело уже пошло на пятый. Бог даст, родится у него сын. Благодарение небесам, один сын у него уже есть – Мухаммад Джахангир Мирза. Ему уже исполнилось три года. Но увидеть ребёнка от той, кого ты любишь больше жизни – великий подарок Аллаха! Шахзаде нетерпеливо ожидал наступления этого счастливого дня.

Но шахзаде, изрядно павшего духом, поджидала в Самарканде неприятность. Беременность Согинч-ханум прервалась на середине. Она потеряла ребенка! В довершение ко всем горестям и состояние здоровья принцессы было никудышным... Вот ведь беда! Неужто так и не будет у них никакого потомства? Неужели же это не написано на скрижалях его судьбы? Да нет же, что же его одолевают такие мысли? Ведь всё ещё впереди.

В плену своих невеселых раздумий, он приближался к Боги Накши жахану. Прогуливающиеся по саду Сараймулькханум и Ханзада-ханум в душе были рады быстрому возвращению наследника, но старались не показать этого. Событие, включившееся с их невесткой, было слишком печальным.

Приветствуя шахзаде, Ее величество обняла его и похлопала по плечу со словами: – Даже не вздумайте огорчаться! Ни чуточки не падайте духом! Всё, что ни случается с нами, – воля Аллаха.

– Создатель никогда не оставляет человека без надежды, мой ягненок! – сказала истосковавшая по нему Ханзада-ханум, поцеловав сына, так похожего на Джахангира Мирзу, в лоб. – Счастье ваше будет полным и совершенным, иншааллах!

– Благодарю вас, благодарю...

– И успокойте принцессу, утешьте, – потихонечку дала совет Сараймулькханум, – чтобы не печалилась сильно. Не только она переживает из-за детей...

– Да, верно... Слова ваши и доброта – самое хорошее лекарство для нее сейчас, мой шахзаде! – поддержала её Ханзада-ханум.

Мухаммад Султан слушал обеих женщин, склонив голову.

Тем временем Согинч-ханум, почувствовав появление мужа, попросила няню:

– Дайте мне хоть на себя взглянуть... Мужа пока отвлечь бы надо немножко... А то, увидев свою принцессу – исхудавшую, растрепанную, испугается.

Халдана-биби, призвав на помощь четырех невольниц, стала тщательно наряжать Согинч-ханум, будто бы невесту на смотрины.

Пока Мухаммад Султан поднимался по лестнице во внутренние покои, присутствующие женщины провожали его, рослого, зрелого юношу, взглядами, полными любви и восхищения.

– Нет-нет, не печальтесь! Бог ещё даст нам детей... – утешал шахзаде припавшую к его ногам рыдающую супругу. – Ведь надежды лишен только шайтан...

– Я виновата! Не смогла... Виновата перед вами, – плакала, так и не сумев взять себя в руки, Согинч-ханум. Ей было ещё больнее от мысли, что шахзаде прервал такой важный поход, переживая за нее. Воротился назад из-за ее болезни. Так и не смог завершить благого дела...

– Вставайте! Вставайте же... – шахзаде, подняв Согинч-ханум с колен, нежно обнял ее... Гладил по голове, утешал, стараясь облегчить ее страдания. Лицо ее было похоже на засохший бутон тюльпана.

Позвав нянюшку, он наказал:

– Принцесса моя пусть отдыхает, побольше лежит и набирается сил. Ничем заниматься ее не нужно, но следите, чтобы она не оставалась одна.

– Поняла, поняла, – отвечала Халдана-биби.

Сейчас ему ничего не хотелось... Есть он не может, спать не хочет, видеть никого не желает, говорить ни с кем не хочет, будто язык отнялся... не думается ни о чём, голова отказывает...

Он сделал то, что делал всякий раз, когда впадал в такое состояние: осторожно, не спеша достал с резного пюпитра Священный Коран, трижды поцеловал его и приложил к глазам. На сердце сразу стало легче. Он уже переписал Коран до середины тридцать первой суры – суры Лукмана. В своих назиданиях мудрец и врач Лукман советовал своему сыну избегать высокомерия и надменности, поскольку Аллах не любит тех, кто гордится и похвальноется. Где бы ты ни был, старайся не показывать свою гордость, говори с людьми тихим голосом. Помни: самый противный из голосов – это голос осла...

Шахзаде принялся писать следующие аяты: «Довольно, пусть никто не увлечет вас благами мирской жизни. Да не возгордитесь вы, поскольку гордость – это грех (от шайтана). Не заблуждайтесь, думая, что Аллах простит любой грех. Только один Аллах знает время судного дня. Это по Его желанию прольется благодатный дождь над землей в определенный час, это Он знает, кто зреет во чреве матери: сын или дочь, знает всё о достоинствах и недостатках, о счастье и несчастьях грядущего человека. А ведь ни один человек не знает, что может с ним приключиться завтра. Как никто не может знать, где поджидает его смерть. Только один Аллах – знающий, всеведущий...»

Шахзаде постиг глубокий смысл этих слов и неопровержимую правдивость их. Он принял их всем сердцем и осознал, какая сложная жизнь у рабов Божьих, какое это труднейшее испытание. Будто бы дождик пролился на тот огонь, в котором сгорала его душа. И нашёл он отдохновение.

Чтобы поставить точку в истории с Искандаром Мирзой, которая всё ещё жгла его сердце, он решил отправиться в Андижан. Там на месте он разберётся что и как. Всё нужно увидеть собственными глазами! Именно в эту минуту вошел к нему Ахий Джаббар-бахадур, служивший в свое время его отцу Джахангиру Мирзе и теперь перешедший на службу к его сыну, шахзаде. Бахадур известил о том, что прибыло письмо от родовитых андижанских беков. Принц немедленно открыл доставленную краткую записку:

«Его Высочеству Мухаммаду Султану, престолонаследнику, признанному в этом мире, сообщаем, что у амирзаде Искандара Мирзы ум замутнен мыслями о перевороте. Он вошел в крепость и закрыл ворота изнутри... Мечи наши в ножнах, мы стоим наготове, окружив крепость кольцом. Часть наукеров, что подчиняется ему, уже схвачена. Если будет на то Ваше соизволение, мы готовы схватить зачинщика...»

«Хвала Аллаху! Вот и разрешилось само собой это запутанное дело, – подумал шахзаде. – Вот и нет нужды самому ехать в Андижан».

– Подготовить фирман, предписывающий амирзаде Искандару вместе со свитой прибыть в Самарканд! Гонца, прибывшего из Андижана, незамедлительно воротить назад с данным фирманом.

Увядшая, потерянная, Согинч-ханум выглядела болезненно слабой, погружившись в свои тяжёлые мысли, была совершенно безразлична ко всему. Сидела, безмолвно глядя на мутную воду реки. Прошло уже полгода со времени несчастных событий, а она по-прежнему немногословна, бледна... ко всему безразлична. Но увидев реку Кухак, она почувствовала что-то знакомое. Сама того не желая, вспомнила воды Тигра... Какими прекрасными, радостными, полными счастья были

те мгновения! Воды реки Кухак очень напомнили ей ту реку. Воды Тигра тогда вихрились, то исчезая, то появляясь. Быстрое течение реки Кухак было похожим, волны создавали водовороты, исчезали и вновь появлялись...

– Завтра поедем в Конибил, моя принцесса, – сказал шахзаде, когда они возвращались в шатер. – Мой покойный отец с уважаемой матушкой, оказывается, нередко туда ездили развеяться.

– Благодарю вас, мой шахзаде...

Выйдя из царского шатра, шахзаде посмотрел вниз: повсюду, куда ни помотри, виднелись палатки. Шеститысячная армия... Сверху это было похоже на многоцветный базар шатров и палаток. Часть армии в настоящий момент на окраине Конибила проводила военные учения, другая – пребывала здесь на отдыхе.

Шахзаде издали наблюдал за тремя всадниками, скакавшими во главе отряда, состоявшего примерно из двадцати всадников. Он заметил, как они остановились около Ахия Джаббара-бахадур, который тепло поздоровался с этими людьми. Оказалось, это и был амирзаде Искандар. Спрыгнув с коня, он поручил его стоящему рядом с ним Амиру Тармачуку и вместе с отабеги Баяном Темуром Беккичиком в сопровождении Ахия Джаббара-бахадур направился в сторону шатра шахзаде. Чуть поодаль, будто тени, за ними следовали наукеры бахадур – Учкора и Йаналтекин. Когда Ахий Джаббар-бахадур увидел Амира Тармачука, глаза его буквально вылезли из орбит. «Вот подлец! Скользкая водяная змея! – подумал он. – Держит себя так, будто бы ничего и не произошло... Смутьян, интриган, подстрекатель... Теперь-то ты от меня не уйдешь!»

Амир Тармачук держался спокойно, даже безразлично, как бы давая понять: я служу Искандару Мирзе, я под его защитой... Но в глубине души он чувствовал себя волком, который, внезапно столкнувшись со львом, не знает, как быть. Ни убежать не может, ни остаться...

Мухаммад Султан повернулся и заметил краем глаза стоящего неподалеку Амира Сайфиддина-некуза. Наблюдая издали за шахзаде, тот старался не мешать Мухаммаду Султану, понимая, что он занят своими мыслями. Они не успели и словом обменяться, как к ним подоспели гости.

– Ва алейкум ассалам¹, – не меняя позы, довольно сдержанно ответил на приветствие Мухаммад Султан. Амир Сайфиддин-некуз не был удивлен, что шахзаде не пригласил гостей в шатер, и даже... не предложил им сесть.

– Не велите казнить, велите слово молвить, Ваше высочество господин шахзаде... – начал свою речь среднего роста, ладно скроенный Искандар Мирза, стараясь, чтобы она звучала как можно более дружелюбно. На его круглом лице трудно было найти хоть какие-то следы смущения или вины. – Мы перешагнули границы дозволенного... Хм-м... не спросив разрешения вашего... Вы не вините нас строго... Вы подарки даже наши отправили обратно. А ведь мы от чистого сердца их вам присылали. Немного, честно говоря, это даже задело нас...

Шахзаде почувствовал всю неискренность его слов, слов человека, попавшего в безвыходное положение. Все это ему подучил отабеги. А где же была у него своя голова, прежде чем бежать в Джету? Почему отабеги тогда другое не посоветовал ему?..

– Амирзаде все это делал из доброго намерения помочь вам. Душа у него – чистая... Сейчас он явился к вам со своими двадцатью шестью наукерами, – старался тихо, спокойно объяснить Баян Темур Беккичик. – А если речь о походе в Джету, то он старался ради вас, ради вашего авторитета, чтобы возвысить ваши заслуги перед салтанатом, осмелюсь доложить, Ваше высочество!

– Оставьте салтанат в покое! Что касается меня, так мне своего авторитета достаточно, – отрезал негодующий Мухаммад Султан. – Вам ли салтанату прибавлять славы и чести... Вы, значит, себя надеждами пустыми тешите, что прибавили мне уважения?

¹ Ва алейкум ассалам. – И вам – мир.

Это вы-то? Да в действительности славу салтаната, как и мою репутацию, вы только подорвали! Всё сделали, чтобы растоптать и то, и другое! Опозорили в глазах всего улуса!

– Ох, не дай бог! Нет-нет! Да пусть сохранит сам Аллах, мой шахзаде! – поспешил вмешаться побледневший отабеги, никак не ожидавший, что дело примет такой нежелательный оборот. – Нет! Не-ет, Аллах еще не свел нас с ума...

В тот момент он подумал: «Эх, ведь говорил же мне Искандар Мирза в Андижане: “Не поеду туда, не хочу...” А я заставил его сюда приехать. Предчувствие не обманывало его, а я ошибся... Надо было поступить, как прошлый раз: свернуть с пути и воротиться обратно, не показываться никому, ждать спокойненько Амира Сахибкирана. Эх, жаль!»

– Повинную голову меч не сечет, как говорится... – сложив руки на груди, жалобно простонал отабеги. – Не судите нас жестоко за грехи наши... Стоим перед вами, склонив повинные головы, Ваше высочество.

Искандару Мирзе этот большой и сильный человек внезапно показался таким маленьким... Сам же он вперил взгляд в землю. Баян Темур Беккичик, понимая, что ситуация достигла критической точки, вновь постарался что-то сказать в оправдание, но его прервали.

– Довольно! – решительно произнес Мухаммад Султан, не ошущая, насколько возвысился его голос. – Жить со склоненной головой – большой грех! Самый большой грех именно этот! За самоуправство и самовольство амирзаде Искандера Мирзу взять под стражу!

– Это что за благородство... Это... – заволновался Искандар Мирза. Однако ничего он больше не смог добавить.

– Отабеги, который давал ему коварные советы, сбивал с истинного пути и двадцать шесть конных наукеров... казнить!

Слова принца прозвучали как гром среди ясного неба! Амир Сайфиддин-некуз подумал: «Мог ведь, следуя примеру нашего Хазрата, провести сначала расследование... После следствия уже и решение можно было принимать. Что ж теперь... стрела уже вылетела, обратно не вернёшь. А жаль! У Мираншаха Мирзы и без того проблем предостаточно. А теперь вот это противостояние между своими же... Эх, опять все это камнем ляжет Сахибкирану на сердце».

– Ого, вот оно как! – Баян Темур Беккичик схватился за меч! Не составляло труда догадаться, что он хотел наброситься на Мухаммада Султана.

– Эй, эй! Негодяй! – вскричал Амир Сайфиддин-некуз, выхватывая из ножен меч, чтобы защитить шахзаде.

Подоспевший Ахий Джаббар-бахадур с размаху ударил Баяна Темура Беккичика по руке! Меч Баяна, вылетев, упал на землю.

По знаку Ахия Джаббара-бахадур Яналтекин завернул руки Баяна Темура Беккичика за спину и крепко связал. Глаза у того стали красными, как у пустынного барса, который сам угодил в ловушку. Он даже не успел оказать сопротивления. В это время Ахий Джаббар-бахадур, посмотрев вниз, увидел, как наукеры схватили Амира Тармачука.

Шахзаде Мухаммад Султан наблюдал за всем происходящим, нахмутив густые брови. Совсем рядом, в нескольких шагах от него, в шатре его в страхе ожидала Согинч-ханум.

Уже в заточении правитель Андижана Искандар Мирза понял, что совершил непоправимую ошибку, за что поплатился сам и его двадцать шесть воинов – самых отважных, храбрых, умелых.

II

На улицах Тебриза с раннего утра многолюдно. Перед дворцом Давлатхана издаലെка бросаются в глаза виселицы. Со всех сторон только и слышно: «А что случилось?», «Да, говорят, вешать будут!», «А кого же?», «Да, негодников, кого ж еще?», «Бедняги!».

– Как в поговорке: «Халву ест правитель, а палка достается сироте». Мираншаха Мирзу, видите ли, палками поколотили, а музыкантов-то повесят! Вот вам и весь сказ.

– Насчёт других музыкантов не знаю, но Ходжа Мараги был редкостным, весьма мудрым человеком, скажу я вам. Такого человека потерять – большой грех взять на себя, – сокрушался имам.

– Так ведь и умный может ошибиться...

В этот момент прямо перед говорившими возник странствующий дервиш. В рваных лохмотьях, с выпученными глазами, он шел, глядя в небо, беспорядочно размахивая руками. У него на шее висел кашкул¹, остроконечная шапка на голове съехала набекрень. Он то и дело выкрикивал какие-то бессвязные фразы. За ним бежала целая стая мальчишек с воплями: «Дурень, сумасшедший!» Дервиш, ни на кого не глядя, продолжал шептать таинственные, понятные одному только ему вирши:

*Эй, пери, дремлешь ты в саду чудес,
Убежавшая пери из Кухи Кафа!²
Хромая пери, Камчин пери,
Седая пери, Лачин пери, г-ей!
Вон отсюда! Убегай играючи, нечистая!
Если ты злюка – скорее прыгай в воду!
Коли призрак – сгинь, уйди в могилу!
Убирайся в запыленную пустыню,
Уходи дорогой, у которой нет конца!*

– Ох! Посмотрите-ка туда! – заволновался имам. – Так ведь это же тот Ходжа Мараги, я вам о нем говорил! Ну да, это он: светлые волосы, редкие брови... Точно, он самый и есть! Бедняга, он лишился разума! В словах его нет никакого смысла. Он стал безумным!

– Да-да, это он, я его узнаю! – подтвердил мударрис. – Однако, он-таки избежал виселицы.

– Сумасшедших не вешают. Бог и так их уже наказал! Потому его отпустили. Э-эх, Ходжа Мараги – такой умницей был... всё-таки должен был немного вдаваться в марога³, прежде чем влезать в заваруху.

– Да, правду говорите, отпустили его, – согласился с ним мударрис. – Дурость тоже, оказывается, кому-то на пользу. Говорят, сумасшедших наказывать нельзя. На них нет греха, а следовательно, нет и наказания. Сумасшедшему все прощательно...

Удаляясь, Ходжа Мараги без устали кричал всякий вздор.

Мударрис вдруг уставился на имама:

– Так вы говорите, Ходжа Мараги умница, да? Вы очень правильно заметили. Он действительно умница! По-моему, он прикинулся сумасшедшим. Да... вроде бы и дурак, а ведь, оказывается, намного умнее вон тех, что стоят под уготованной для них виселицей и считают себя вполне здоровыми! Он жизнь спас себе. Вот вам и весь сказ...

– Да, пусть Аллах сам рассудит... – сказал имам, не отрывая взгляда от дервиша.

Амир Сулайманшах в окружении свиты родовитых чиновников занимал место в центре площади. Мираншах Мирза, наблюдая за происходящим, стоял чуть в стороне. Поведение прислужников, которые еще совсем недавно окружали его, беспрекословно подчиняясь его приказам, задевало за живое. Все они проходили мимо него с каменными лицами, будто не замечая. Но самым болезненным было понимание того, что это он повинен в беде, в которую попали его приятели! Да, руки у него коротки, чтобы вызволить их из беды.

Ни один из них даже не посмотрел в сторону Мираншаха Мирзы, когда шли на смерть. Долго ещё издали виднелась одна виселица, будто бы раскрывшая пасть

¹ Кашкул – продолговатый сосуд, похожий на ведро, служивший дервишам для сбора подаяний.

² Кухи Каф – сказочные горы, где обитают феи, пери, окаймляющие якобы со всех сторон Землю.

³ Тут игра слов: марога по-арабски – думать, размышлять.

в ожидании своей жертвы. Но так и осталась она неудовлетворенной, поскольку Ходжа Мараги избежал смерти. На остальных пяти виселицах еще несколько дней, покачиваясь, болтались пять безжизненных тел.

Амиру Сулайманшаху доложили о приезде посланника от Амира Тахуртана. Ничего не ведая о событиях в Тебризе, тот послал письмо Мираншаху Мирзе с вестями и подарками из Эрзинджана. Сулайманшах намеревался немедленно направиться в Карабах к Сахибкирану, дабы доложить о том, как исполнены его фирманы. Понимая, что медлить нельзя, он тут же принял посла.

– Послание твое ни Мираншаху Мирзе, ни мне не адресовано. Его нужно отослать самому Амиру Сахибкирану. Но ведь он сейчас в Карабахе, намерен провести зиму там. Необходимо доставить известие туда! Поехали.

Новоявленный посол привёз послание от короля Франции Карла VI. По подсчетам дадхаха за один только год в Хумаюн Урду прибыли послы от короля Англии Генриха IV Ланкастера, от короля Кастилии Энрико III де Трастамары, от Папы Римского Бонифация IX и от других правителей Европы. Все они предлагали свою помощь и призывали действовать сообща против румского кесаря Йылдырыма Баязида.

Время шло, а обеденная пора никак не наступала. Амир Сулайманшах, чье терпение было на пределе, попал в шатер Сахибкирана, когда солнце уже склонялось к закату.

– Все порученные вами задания в Тебризе исполнены, Амир Сахибкиран! – Сулайманшах старался говорить покороче и поскорее передать черёд посланнику, понимая, что послание из Эрзинджана имеет чрезвычайную важность. – Все, что амирзаде растратил из государственной казны, вплоть до монетки, возвращено. Издоимцы, занимавшиеся растратой казны, наказаны палками. Вскружившие амирзаде голову музыканты повешены. Только вот...

– Что?

– Только Ходжа Мараги сошел с ума и стал дервишем... избежав таким образом виселицы ...

– Избежал, значит?.. – переспросил Амир Темур, в глубине души оставшись довольным новостью, прекрасно зная многогранный талант Ходжи Мараги. Особенно нравилась его мелодия «Победный удар».

– Ну что ж... раз избежал, значит на то была воля небес. Похоже, доля, уготованная Мараги на этом свете, ещё впереди. Да... весьма многогранно одарен наш уstad. И здесь, значит, показал высокое искусство свое...

Амиру Сулайманшаху, ожидавшему выговора, полегчало. Судя по реакции, Сахибкиран не был ни разгневан, ни раздосадован и тут же перевел разговор на другое.

– Теперь вот Мираншах Мирза... Что с ним делать? Как тут... – хотел было расспросить он, но Сахибкиран, будто прочитав его мысли, тут же оборвал разговор:

– Да вот же, поле брани-то широкое... Пусть в сражениях участвует. Пусть покажет себя на поле боя...

На том их разговор был исчерпан.

Подошел черед посла из Эрзинджана.

– Ваше величество, Амир Сахибкиран! – преклонив колена и сложив руки на груди, обратился посланник. – Примите меня, раба вашего, принесшего это письмо, где изложена просьба Амира Тахуртанбека... Румский султан Йылдырым Баязид необузданно ведет себя по отношению к нам... Ваше величество, вилайеты-Минтеша, Ойдын, Кирмиён, Караман, что не мог захватить когда-то его отец, он присоединил-таки к своей империи. Оккупировал Сивас, Малатию... Могушество и доблесть его в том, что одних только конюхов у него двенадцать тысяч, а численность войска он и сам не знает. Возгордился безмерно. Требуется крепость Кемаха. Амиру Тахуртану отправил посла с притязаниями: «Отныне – и в срочном порядке – подати будешь платить исправно и за Эрзинджан, и за Эрзерум!»

Ничего не сказав, Амир Темур, погрузившись в свои мысли, стал теревить бороду, в которой уже проглядывала седина. «Дэвы¹ гордыни присели ему на плечи. Глаза его так заплыли жиром, что утратили способность видеть далеко... Подзабыв, что он простой смертный, чересчур уж сильно на себя надеется... Договорился с правителями Сирии, Египта, Багдада и собрался идти против туранского султана. Может быть, этот союз придал ему уверенности?..»

– Мамат! Пригласи писаря! Будем писать письмо румскому султану. Впрочем, нет, не письмо. Скорее назидание, достойное самого Йылдырыма Баязида.

Амир Темур, расхаживая из стороны в сторону, чеканил фразы, которые писарь поспешно заносил на бумагу.

«Возлюбленными для Аллаха – Таоло – всегда были те, кто, понимая свое достоинство и предназначение, не переходит границ дозволенного.»

Сейчас весь мир лицезрит, как властители обитаемой части земного шара посылают людей своих на порог наш, склонив головы, они выражают покорность свою и послушание. Они не уклоняются от исполнения наших требований. Небо, которое над нами, служит нам защитой, каждое мгновение охраняя наши головы от беды. Правители всех частей света, полководцы, могущественные люди со всего мира придерживаются наших наказов, не пренебрегая запретами. Они не могут препятствовать делам нашим. Даже одетая в броню армия не сможет остановить нашу ровную поступь.

Падишахи мира прислушиваются к нашим советам,

Повелением руки Вашего покорного слуги определяется эпоха.

Не следовало бы Вам забывать, что нам хорошо известно о связи Вашего рода с корабельщиками туркменами. Постарайтесь освободиться от гордыни и высокомерия, вскруживших Вашу голову. До сей поры мы не причиняли зла Вашим вилайетам, слышали, что Вы заняты войной с кяфирами Фаранга². Но, даже зная это, не послали мы победоносные наши войска, ибо сдерживает нас желание не разрушать спокойствие мусульман правоверных. Не осчастливить бы нам тем самым неверных...

За сим уведомляю Вас письменно, что следует Вам отказаться от Сиваса, убрать войска из Арзинджана и Арзирума, вычеркнуть крепость Кемаха из своих списков. Да не будет впоследствии испытывать стыд тот, кто не знает границ дозволенного. Вассалам!..»

Йылдырым Баязид прислал чрезвычайно краткий ответ, приведший Амира Темура в полное изумление:

«Чувствует моя душа, что предстоит сражаться нам с самим султаном Турана. Либо он придет сюда, а если же не придёт, тогда я сам вместе с войском пойду на него вплоть до Тебриза и Султании!..»

Османский правитель не мог себе представить, к каким ужасающим последствиям приведет его один-единственный необдуманый шаг.

Глава одиннадцатая

I

Гонец из Самарканда привёз в Хумаюн урду письмо от Сараймулькханум. До чего же возрадовалось сердце Сахибкирана, как только взял он его в руки. Было, правда, в нем и неприятное. Он узнал об этом после того, как прочитал.

Вот уже два месяца прошло с тех пор, как его домочадцы покинули Карабах. Те двадцать дней, что они были вместе, пролетели незаметно.

В среду, выбрав среди многих райских местечек Карабаха среди холмов, покрытых кустарниками, зеленую поляну, такую красочную, будто специально созданную

¹ Дэв – мифическое могучее существо.

² Фаранг – здесь: Европа.

для таких вот запоминающихся сердцу праздников души, – расстелили ковры, а поверх ковров – яркие пушистые тюфяки. Душа наполнялась радостью от одного вида богатого, по-царски украшенного дастархана, полного редких яств. Внимательный человек заметил бы тут и цельно приготовленного сваренного барашка, и мясо, тушенное на огне в земляном очаге, и сдобренного острыми специями фазана, зайца, кур... Нежные мелодии, приятное пение ласкали сердце. Принцесса Тукалханум и невольницы суетились вокруг гостей.

Пейзажи вокруг были невероятной красоты. За чашей расстилались вокруг такие просторы! Взором трудно объять чудные, будто бы игрушечные кишлачки, лепившиеся друг к другу, густые леса, где душистый, прогретый мягкими солнечными лучами ветерок убаюкивал сердце.

Добрая весть подоспела из Самарканда, когда на дастархан подали плов, приготовленный из знаменитого узгенского риса и сдобренный зарчувой¹, с вьющимся над большими ляганами ароматным дымком: супруга амирзаде Халила Султана – Джахан Султан-бегим – родила сына!

«Поздравляем с правнуком!» – послышались голоса присутствующих.

– Дети рождаются, чтобы продолжить жизнь своих предков. В результате возникает непрерывная цепь поколений. От нее и получает силу нация. Пусть внуку нашему улыбнется счастье! Пусть достигнет он таких высот, чтобы его отвага способствовала тому, что слава наша зазвенела бы далеко-далеко! Нарекли мы правнука нашего именем его почтенного деда Амира Буркуля. Да не затеряется имя предков в веках! Пусть красоту привнесут они в жизнь потомков своих. Буркуль Мирза ибн Халил Султан!

Несколько последующих дней прошли в роскошных застольях по случаю рождения Буркуля Мирзы.

Сахибкиран стал жадно читать письмо Сараймулькханум. Сказать по правде, в Карабахе, когда туда приехало столько народу, среди родных и близких, как ни странно, у них не было возможности даже поговорить спокойно, по душам.

«Сахибкирану наших сердец, подобно горной вершине, опоре нашей, искусному садовнику наших садов, не знающих увядания... Его величеству Хазрату, зашитившему своей тенью луноподобных красавиц, возлюбленных небом.

Погрузившись в мысли о светлых днях в Карабахе, полных радости и блаженства, с благодарностью за великие благости счастливой моей судьбы – лицедреть Вас. И не заметили мы даже, как, согласно Вашему фирману, довольно быстро добрались мы до Самарканда...

...Наследник Мухаммад Султан, наш любимый внук, уже джигит в полном расцвете сил своих. Дважды в неделю проводит он учения в Конигиле. Супруга его, невестка наша Согинч-ханум, немного занемогла. Мы не решились Вам о том сказать. Но теперь уже поправилась, все в порядке. Вместе с шахзаде ездит на военные учения в Конигил. Когда наденет на себя кольчугу, водрузит на голову шлем, повесит сбоку меч – ну вылитый джигит! Видели бы Вы, до чего же идет ей эта экипировка!

А касательно истории Амирзаде Искандара, так принц уже и сам Вам о том сообщил. Что же тут поделать, когда так все случилось? Не говорили мы Вам о том в Карабахе, зная, как тяжело и больно будет для Вас это известие. ...Хвала Аллаху, все достопочтенные амирзаде – честные и достойные. Мой дорогой Хазрат, подобно Вам, они уважают строгий порядок, жесткую дисциплину, берут в пример Вашу славную и благородную жизнь. Нет, они не из тех, кто прячет свои знания в сундук. Как и Вы, они используют знания, свой опыт, помнят опыт своих предков. Каждый из них способен достойно править страной, принимать верные решения на крутых поворотах жизни. Их намерения чисты. По неровной дороге они стараются ступать осторожно. Вы сами, мой дорогой Хазрат, шесть раз совершили поход в Джету. Вот и внук Ваш

¹ Зарчува – куркума, имбирь желтый.

Искандар Мирза вознамерился до конца довести сие великое дело, но... заторопился... Ошибка его в том, что не испросил ни совета, ни разрешения у Мухаммада Султана. Было бы неверно, когда бы тот сделал вид, что ничего и не замечает. Люди тогда что скажут? Поступил он по справедливости, согласно законам салтаната...

В конце концов, наследный принц и сам направлялся в Джету. Только когда уже достиг города Туркестана, узнал он о поступке амирзаде. Так оказался он в безвыходном положении, и пришлось ему воротиться в Самарканд.

Самое худшее, чего я боюсь, – не случилось бы несогласия, не произошло бы раздора между детьми нашими и внуками. Все нужно сделать, чтобы этого не допустить. Да хранит нас Аллах от такой напасти...

Через короткий срок возвратимся в Султаню».

Прочитав письмо, Сахибкиран предался раздумьям: «Отчего? Отчего дети, рожденные одной матерью, бегавшие по одной улице, росшие в одном и том же саду, дышавшие одним воздухом, одевавшие одинаковую одежду, евшие одну и ту же пищу, учившиеся у одних учителей, – отчего они становятся такими разными людьми? Вот, к примеру, цветы в садах Карабаха... у них один корень и один стебель. И листья там ярко-зеленые, резные; лепестки у цветов красные, махровые... Как же это так получается, что на одном и том же стебле растут два совсем разных цветка?..»

Попытался он разгадать эту тайну, но... не смог. Да, на все воля Создателя. И, чтобы постичь все это, не хватит человеческого разума...

Мухаммада Чурага-дадхаха стали тревожить вести о новом предстоящем походе на Египет через Сирию. Тут к нему подошли некоторые амиры с просьбой:

– Вы в нашем присутствии начните речь на курултае об этом, а мы вас поддержим, присоединимся.

Курултай проходил на красивой зеленой поляне в Карабахе.

– Не велите казнить, велите слово молвить, Амир Сахибкиран! – обратился с поклоном дадхах. Обычно он держал речь, когда они оставались наедине. Амир Темур посмотрел на него как бы с немим вопросом: «Что ты хочешь сказать?»

– Мое сердце с вами Амир Сахибкиран! – продолжал с поклоном Мухаммад Чурага-дадхах. – Победоносное наше войско покоя не знало ни в Индии, ни в Иране, ни в Грузии, ни в Руме. Теперь мы стоим на пути в Сирию и Египет. А ведь эти страны славятся на весь мир силой своего оружия, доблестью. Надо бы позаботиться сейчас о нашей армии, дать ей отдохнуть, побыть воинам дома в удовольствии, в радостях семейных. А потом, собрав силы, броситься на врага, показать всю свою отвагу и бесстрашие на поле брани, разгромить врагов подчистую...

– Верно говорит господин дадхах... – поддержал его амир ул-умара Джаханшах ибн Жаку, выразительно посмотрев на дадхаха. – Войско наше могущественнее львов, наука быстрее орлов, да только ведь и орел тоже, прежде чем начать свой полет, припав грудью к скале, набирает силу, говорили наши предки...

После него ещё несколько человек говорили на эту тему. Сахибкиран всех внимательно выслушал и почувствовал, что они выражают мнение всех участников курултая.

– О высокочтимые благородные амиры, амирзаде, бахадуры! Вижу я, какие сомнения терзают вас. Думаете, почему мы оставляем в покое румского правителя, не проявившего к нам должного уважения? И вместо того чтобы преподать ему урок, движемся в совершенно противоположную сторону – на Египет и Шам? Удивлены вы этим? Да... удивлены. Пока мы захватили Сивас, окружили Малатию... Тем самым показали силу Туранского салтаната. Хвала и честь вечному Творцу! А если вам немножечко приоткрыть тайну, то с румским правителем мы не вступаем в войну, потому что намерения такого у нас не было и нет. Ведь он готовится к священной войне, к сражению с фарангами. А если надо будет, мы свои войска добавим.

И если он выдаст нам Кара Юсуфа, выгонит со своих земель Султана Ахмада-жалайра, если не будет причинять вреда провинциям Арзинджан, Арзирум, Малатия и Сивас – этого достаточно. Недостойно будет, если мусульмане будут сражаться с мусульманами. Но и среди мусульман таковых можно найти, которые будут хуже неправедных. Язык не поворачивается назвать их мусульманами. Интриганы они, бунтовщики, заговорщики! Надеюсь на Аллаха, что Йылдырым Баязид выполнит наши требования. Придётся немного подождать, запастись терпением. Ведь неспроста же мы девять частей государственных дел из десяти решаем через совет и только одну – посредством меча...

Здесь Амир Темур сделал паузу, наблюдая, как воспринимаются его слова окружающими. Потом продолжил:

– Пророк наш, да благословит его Аллах и приветствует, в священных хадисах сказал так: «Если Аллах решит излить свой гнев на грешных людей, то отбирает ум у мудрецов. А когда произойдут нежданные события, вновь возвращает разум. Дабы простые смертные призадумались, сделали правильные выводы... До какой же степени это верная мудрость! Мы должны учитывать ее. Семь лет тому назад послали мы со знатным посланником султану Египта царские подарки из Багдада, дабы наладить добрососедские отношения, открыть дороги дружбы, чтобы люди стали ездить друг к другу, товарами обмениваться... Просили мы также, чтобы захваченный Кара Юсуфом в одну из битв наш гулям¹ Амир Аталмыш был освобождён из плена... Однако, похоже, действительно Аллах отнял разум у мудрецов Египта! Посланника нашего без всякой на то причины вместе со всеми его слугами казнили! Что, они не знают горькую историю Чингисхана и султана Мухаммада Хорезмшаха, а? Однако в стремлении своем наладить наши отношения мы вновь и вновь отправляли посланников. Но, несмотря ни на что, отвернувшиеся от своего счастья не вняли добрым словам. Более семи лет мучается в застенках Амир Аталмыш, нам его не вернули. А когда подумаю о нём, душа у меня горит! Ведь он – один из нас! Неужели не понимают они, что пылинки, парящая в воздухе, лишена весомости? Что может сделать комар против бушующего ветра? Не понимают разве, что, находясь в воде, опасно и невозможно опираться на ветер?

Повисла тишина. Каждый из присутствующих почувствовал себя виноватым, никто не решался заговорить первым.

– Амир Сахибкиран! Мы были недалёковидными в своих рассуждениях... Думали только о себе, о своем благе... – сказал амир ул-умара Джаханшах ибн Жаку, стараясь как-то оправдаться, подумав, что Сахибкиран закончил свою речь. – Должны идти в поход на Египет! Эти невежественные люди, которые бросили в застенки амира Аталмыша, не принимая во внимание Ваши требования, слишком высоко взлетели...

– А если, – продолжал спокойно Сахибкиран, будто бы и не слышал этих замечаний, – теперь мы не пойдём на Египет и Шам, то мы грешниками станем, потерявшими совесть. А самое неприятное, что о нас могут сказать: да это же просто лживые болтуны. На деле они не решатся даже приблизиться... И детям своим будут так говорить о нас, похвалиться и смеяться над нами, возносясь до небес... Мы не можем принять на свою голову такой позор!

– Совесть наша не допустит! – воскликнул Шахрух Мирза, не в силах скрыть свое волнение. И вслед за ним послышалось:

– Амир Сахибкиран правду сказали!

– Мы выступим на Шам!

– На Египет, на Египет! – гремело вокруг.

Амир Темур вздохнул и посмотрел на горы, что возвышались в стороне восхода солнца.

¹ Гулям – придворный, служитель при дворе.

– Ведь победа в войне – это дар Всевышнего. А это ценить надобно, – продолжил Амир Темур, невольно отводя взгляд от облака на горизонте. – Всевышний всегда делает задачи наши разрешимыми. Посему пренебрегать такой возможностью, пока она есть, – непростительный грех. Сомнений нет в величии и достоинствах нашей армии, хвала Аллаху! Намерения и воля наша должны быть высокими, душу следует посвятить Аллаху... И победа, ниспосланная небесами, будет нашей! Туран можно сравнить только с ураганом! Хвала и честь вечному Творцу! Да, они нас не знают, вот когда узнают, для них будет уже поздно!

– Амир Сахибкиран! – наконец сказал слово молчавший до сего момента Пир муршид, решивший облегчить положение амиров, которые попали в непростую ситуацию своими неуместными предложениями, смягчить напряжение момента. – Как Бог велик и всемогущ! Увидев, как искусно кроит он этот мир, в изумлении схватимся мы за ворот! Есть книга судеб, где написано всё про рабов божьих. Называется она «Лавхуль Махфуз» – «Памятные скрижали». Длина тех скрижалей – от Земли до Неба, а ширина их как раз равна расстоянию между Западом и Востоком. Аллах прежде всего создал Калам¹ и эту Скрижаль, где он описал все, что случится в будущем, все явления, все божественные книги, все судьбы вплоть до судного дня... В хадисах говорится, что Божественные страницы созданы из рубина, сам Лавхуль Махфуз создан из белого жемчуга. Светящийся Калам – красного цвета. И сама книга тоже светится. Каждый день Он триста шестьдесят раз заглядывает в неё. Созидает. Кому-то дает хлеб насушный. Убивает. Воскрешает. Возвеличивает. Унижает. Совершает то, что возжелает...

В той светящейся книге сохранился священный Коран. Именно в Лавхуль Махфузе написано, что земли Шама будут захвачены воинами возмездия и превратятся в место войны. В суре Аль-Исра говорится так: «Когда Мы хотели погубить какой-либо город, Мы обращали нашу речь к наслаждавшимся благами в нем; но, так как они были нечестивы в нем, то осуществлялось пожелание наше, и Мы истребляли их полным истреблением»². Да, сие есть истина, и Бог и рабы божьи недовольны ими. Всецело правы Вы, Амир Сахибкиран! Идти должно непременно на Шам!

Круглое лицо его покраснелось, капельки пота, покрывшие лоб, выдавали напряжение момента, а край белоснежной чалмы, спадавший на левое плечо, колыхался в такт его торопливой и взволнованной речи.

– Да неужели же еще в Лавхуль Махфузе сказано, что земли Шама станут местом мшеница, будут захвачены воинами возмездия и превратятся в место военных действий?.. Хвала и честь вечному Творцу! – сказал Амир Темур. – Мы слышали, что во время правления Муавия и Язида³ много вреда было причинено в Шаме потомкам самого Пророка – детям четвертого халифа Али и связанной с ним по гроб жизни супруге Фатиме Захре. А народ Шама наблюдал спокойно за всеми бесчинствами. Я тогда был поражен этим. Как же так? Его семья – лучшего из пророков, к тому же и последнего из пророков. Разве не свет добродетели этого рода вывел всех нас из дикости, из темницы, ада невежества в цветущие сады веры – в ислам? Как же после всего этого способствовать несчастьям потомков благородного дома? Очень этим поражен был я. А теперь вот понял смысл происходящего. Как Аллаху не посылать им наказания? Не причинять страдания людям, повинным в таких грехах?..

– О Боже! Так значит, писано было о том ещё в Памятных скрижалях?

– Надо же ... Значит, наш поход в Шам был предопределен.

– Да, все от Аллаха!

– Выходит, пала на них кара божья...

И тогда над головами участников Курултая загремели слова высочайшего повеления:

¹ Калам – божественное перо.

² 16-стих.

³ Муавий и Язид – сыновья Абу Суфьяна, знатного представителя племени Курейш.

– Амирзаде Шахрух Мирза со знатными беками пусть выступит передовым отрядом! Амир ул-умара! Привести в боевую готовность туранскую армию! Вперед, на Шам!..

II

Только когда туранская армия, захватив крепость Бишишт, стала приближаться к границе с Сирией, хаким¹ города Алеппо Темурташ, почуяв зловещий ветер войны, дующий с севера, от которого стыла кожа и холодело сердце, понял, насколько становится рискованной и даже угрожающей ситуация. Потеряв покой и сон, он направил посла в Кохиру к египетскому султану Насыру Фараджу.

Шахрух Мирза – светлый луч салтаната, сильный и умелый, проявивший истинную отвагу на поле боя, показал блеск своего мужества именно во время осады крепости Бишишт, стоявшей на вершине высокой горы. С отрядом молодых амиров он окружил крепость, замкнутую крепкими воротами и укрепленную расположенными по углам каменными башнями.

Основание крепости было во многих местах подкопано. Стены ее, еще недавно такие крепкие, буквально обратились в свай... Да и сама крепость стала похожа на ветхое сооружение, стоявшее на величественном скалистом основании.

– Запалить в подкопах огонь! – закричал Шахрух Мирза. И башни, укреплявшие стены крепости, превратившейся в обветшалое строение, под воздействием огня стали рушиться. Крепость пала.

В момент подношения своих даров судьи и имамы в присутствии Амира Темура просили Шахруха Мирзу быть им заступником. Вняв просьбе и ходатайствам амирзаде, Сахибкиран простил жителей.

Узнав о событиях в крепости Бишишт из письма хакима города Алеппо, султан Египта рассвирепел и тут же вручил посланнику такой фирман:

«Правителям всех сирийских провинций, градоначальникам приказываю собрать войска и явиться в полном сборе в Алеппо, дабы противостоять врагам нашим, встретив их лицом к лицу! Не допустить проникновение войска Турана в нашу страну!»

Самым первым прибыл правитель Дамаска, двадцатипятилетний амир Сайди Судун. Этот невысокий, властный человек был исполнен юношеской отваги. Вслед за ним появились хакимы Антиохии, Баальбака, Тарабулиса, Ханаана, Иерусалима и Калатур-Рума.

Лица сайидов, судей, старейшин, имамов, учителей медресе и других благородных людей выражали тревогу, чувствовалось, что их переполняет страх. Но огромное войско, расположившееся на большой поляне на юге от Алеппо, кипело, как гигантский казан. Сирийские наукары, гордые, как львы, или тигры, или леопарды, полагали, что в мире нет армии, которая могла бы с ними сравниться. Они двигались из стороны в сторону, создавая шумиху, внушая почтение уже одним своим видом. Издалека бросались в глаза возвышающиеся минареты Алеппо, простирающиеся до самого неба, как бы желая разглядеть происходящие здесь диковинные события.

Пятидесятилетнего хакима Алеппо Темурташа, среднего роста, крепкого, статного, как и подобает пахлаванам, выделяла рассудительность. Он был рассудительным и осторожным человеком.

Поднявшись на возвышение, он обратился к собравшимся со словами:

– На наши плечи пала тяжелая ноша. Настали трудные дни... Сам Бог оберегает того человека, что стоит во главе наступающего войска. В каком направлении ни повел бы он свою армию – будь то Забулистан или Хиндустан, Ирак или Табаристан, Гуржистан или Хузистан, Азербайджан или Золотая Орда... – непременно эти края ему покоряются. Все, кто пытался восстать против его воли, были раздавлены и уничтожены. Знать этих мест послушно надела ярмо повиновения и покорности. Не найдется такого храбреца, который осмелился бы открыто взглянуть на него,

¹ Хаким – правитель.

встретиться с ним взглядом ни в Иране, ни в Туране. Так посмотрим же правде в глаза, братья... Давайте же вместе придем к единственно правильному решению...

– Да кто он такой – этот хромой Темур? Кто он для нас вообще? – сердито бросил ему в ответ хаким города Хамо Дукмак с середины поляны. – Почему мы должны о нем думать? Ему это нужно – вот пусть он и думает!

– Мы будем сражаться! Война! Чтоб враги наши места себе не находили, не знали, куда деться! – выкрикнул хаким Ханаана, не желая оставаться незамеченным.

– Не находили места! Не найдут!..

– Замолчите! Думайте, прежде чем говорить! Наши покровители-ангелы могут благословить каждое сказанное слово – и доброе, и злое!

– Он еще получит свое! Это я вам говорю! А вы попомните мои слова! Если будет на то согласие благородного собрания, предлагаю написать два послания. Одно – султану Насиру Фараджу. Другое – Темуру Гурагану. Надеемся, что они найдут способ для переговоров, лишь бы не было причинено вреда земле нашей... – сказал Темурташ. – Ведь идти по пути благоразумия – залог удачи, залог благополучного исхода... как говорят мудрецы. Это долг разумных людей – предвидеть угрозу, предотвратить ее. Предотвратить катастрофу – вот самое мудрое решение на пути к спасению. Давайте соберем жертвования и направим послов из шейхов и улемов¹... Передадим с ними подарки, подношения. Встать на путь подчинения и перемирия – сейчас самое справедливое решение!

«Похоже, эти люди ещё не знают всей силы и моши Амира Темура... А когда б они знали, так не говорили бы, что в голову придет. Время еще не проучило их... А жаль...» – подумал историк Мавляна Низамиддин Шами.

Правителю Дамаска Сайди Судуну речь Темурташа не пришлась по душе. Слушая, он буквально скрежетал зубами. По обычаю на таких собраниях самым первым речь держал хаким города Дамаска, который уже по статусу своему имел высокий авторитет в Сирии. Именно он первый и высказывал собранию свое мнение. А тут вдруг ему будто бы указали место кончиком пальцев ноги. На его речь так и не обратили внимания, эстафету перехватил Темурташ – хаким маленького города Алеппо величиной с соловьиное крылышко... Устроившись на возвышении, он пытается навязать всем «перемирие». Настал момент, когда чаша терпения Сайди Судуна переполнилась:

– Постойте, постойте... Вы что тут вообще чепуху всякую несете? Потому что боитесь, да?... – поднимался он на возвышение, крича Темурташу в лицо: – Давно известно, насколько вы от природы трусливы...

– Вы сейчас, когда ещё битва не началась, дрожите от ужаса, отговариваете людей от сражения? «Подчинение», «примирение»... почему же только такие слова у вас на языке? Откуда только это на вас нашло? Для сынов Сирии такие речи – позор!

– Если пред тобой пожар, нужно думать о том, чтобы его потушить, или надо всем в пламя бросаться? – разозлившись, вспылал в ответ Темурташ. – А если встретишь ты на дороге глубокую яму, ее нужно обойти или же с криками «да нет, мы же не трусы!» броситься в неё с головой? Подставлять грудь под свирепый сель² или грозить кулаками рассвирепевшему слону – это немудрое решение!

– Держите при себе свои советы, потом пригодятся! – саркастически усмехнулся высокомерный Сайди Судун.

Всем было известно, что два знатных хакима Сирии издавна борются за влияние, весь сыр-бор разгорелся именно поэтому.

– О люди! Наукерам нашим нет счёта, крепости наши высоки! – продолжал хаким Дамаска. – Наши крепости из чёрного камня крепки, как сталь! Вы не бойтесь воинов наших врагов. Вы даже не берите в голову, что у них много оружия.

¹ Шейхи, улемы – высокое духовенство.

² Сель – грязевой поток.

Бесчисленные восхваления небесам – наше самое сильное оружие! Посмотрите-ка, стрелы наши – дамасские, мечи наши – египетские, кони – арабские, щиты – из Алеппо! И ещё. В нашей стране шестьдесят тысяч кишлаков и городов. Так вот, если из каждого выйдет хотя бы по десять воинов, какое соберётся войско, вы только представьте себе! К тому же мы в предгорьях, а они – в пустыне... Их крепости воздвигнуты из глины, дома сделаны из кирпича-сырца, а наши-то дома – каменные! Ничего не бойтесь! А тот, кто пуглив душой, тот пусть не надеется, что убедит нас!

Со всех сторон слышались одобрительные возгласы. Однако нашлись среди участников «разумные» люди:

– О, мусульмане! – сказал, обращаясь к собранию Шейх аль-Хоссаки, высоко-рослый хаким города Тарабулис. – Вы не забывайте о том, насколько переменчивы бывают небеса! В речах Темурташа есть правда. Заключить мир – это сейчас самое правильное. Перемирие! Избрать путь войны и раздора – дорога юродивых безумцев. И сейчас мы можем подставить под удар жизнь свою, состояние свое, детей своих... все это может обернуться трагедией поражения... Разве это от ума? Какой же разумный человек подставит навстречу летящей стреле вместо щита свою грудь?..

– Это что за разговор? – перебил говорившего хаким Калата-румской провинции, еще один явный представитель «невежественных». – В такие времена нужно проявлять стойкость, единство, отвагу! Тот, кто в такие смутные времена проявит слабость, малодушие, – сам навлечет несчастья на свою голову. И рабами Аллаха его оправдания, извинения не будут потом приняты! Зачем разжигать страх в сердцах людей? Эй, мусульмане! Не впадайте в панику. Не дайте себя оболванить страхами. Собирайтесь на войну, готовьтесь к сражению!

Низамиддин Шами обеспокоенно оглянулся и не смог промолчать. Как и всякий добропорядочный человек, он решил предотвратить беду, постараться погасить гнев и ярость...

– О праведные мусульмане! Ваш покорный слуга семь лет тому назад собственными глазами видел султана Турана Амира Темура, когда тот захватил город Багдад. Я – живой тому свидетель! Что может сравниться с его бесчисленным войском, подобным пескам пустыни? Поостерегитесь шайтана, о мусульмане! Послушайте совет совершенно бескорыстного и прескромного раба божьего: не предавайтесь злобе, не навлекайте несчастья на свою голову. Противостоять такой моши и силе невозможно! Изберите лучше путь примирения. Пусть будет мир. Именно этого желает сейчас Аллах!

Со всех сторон слышались возмущенные голоса.

– Остановитесь, я вас прошу, мавляна! – зашептал ему на ухо, представив себе последствия, задрожавший Шарафутдин аль-Ансари. Он, схватив за руку Низамиддина Шами, который собирался сказать еще что-то, потянул его в сторону выхода. – Не говорите ни слова! Они могут растерзать вас! Разъяренной толпе невозможно ничего объяснить! Сохраните себя от несчастий! Давайте уйдем отсюда поскорее, пока целы!

Не сказав ни слова в ответ, ученый склонил голову в знак согласия.

Продолжение следует...

Перевод Диноры АЗИМОВОЙ.

возвращение к читателю

Я Вам совсем не помешаю...

Галине Востоковой в 2018 году исполнилось бы 70 лет.

ГАЛИНА ВОСТОКОВА

Из лирического цикла «На взгляд откликнуться»

* * *

*Цепи гремучие давних событий,
Не разорвать их и не позабыть их –
Не говори о любви никогда.
Д. Сухарев*

Прочь опрометчивость.
Ждешь? Не дождешься.
Не будет открытия.
Сломаны крылья.
Предосторожности
Опыт итожат:
Рыбка – корыто.
Было: любил уже...
Или казалось?
Помнишь, что мнилось
И чем оказалось?
Пыль стерта ветошью.
Капельки ретуши.
Вроде – как прежде...
И рикошетом
Камни прошедшего
Бьют по надежде,
нежности,
щедрости.
Счастье ушербно.
Ошейник и цепь.
Умница-скептик
Шепчет рецепт:
– ...Прочь, опрометчивость.
Не говори о любви...

Галина ВОСТОКОВА (1948–2018). Инженер-геодезист и журналист, член Союза писателей Узбекистана, автор нескольких книг, включая исторические романы «Нефритовый слоненок» и «Симонетта».

* * *

Прости, что говорю порою чушь!
 Смолчать? Пять слов – и разговор исчерпан.
 А по окну, грустящему вечерне,
 Размазывает ночь густую тушь.
 Лист на столе измучен и исчерчен
 Одной лишь фразой (да и той вчерне)
 Упрямой, как кусочек гуттаперчи.
 И говоря, чтоб только говорить,
 Слова я продлеваю торопливо.
 Необязательности привкус – рецидивом...
 Гудки отбоя – обездоленность отлива
 И новый повод, чтоб себя корить
 За слов пустопорожних побрякушки.
 И снова кончик языка прикушен.
 Молчанье – золото. Бесстрастно. Тяжело.
 Шнур телефонный завился ракушкой...
 Алло!
 Ах, дождь...
 (Провалы алчных луж).
 Ты не болеешь?
 Как дела?
 Алло!
 Прости, что говорю порою чушь...

Из лирического цикла «Монологи»

* * *

Деревья машут крыльями под ветром
 в стремленье оторваться от земли
 и улететь к немислимым рассветам.
 Отпето лето.
 Клумбы отцвели.
 Лишь одуванчик колкого фонтана
 забыли сдуть.
 А воздух золотист,
 и гладкий шоколадный плод каштана
 в ладони падает.
 Последний лист, не догорев на дереве немного,
 летит в огонь осеннего костра.
 Еще день-два...
 и осень глянет строго,
 развеет миражи далеких стран,
 реальных, словно тропик Козерога.
 Отпето лето.
 Подошла пора
 считать цыплят,
 выстраивать их в строки
 и обращать к себе же монологи,
 смилив нелепую до боли страсть.

* * *

Я все о том же, все про то же,
Но, может быть, но, может быть,
случайно сбудется возможность,
где Вы – там мне еще побыть...
Вы будете сидеть с друзьями,
Грустить и пить, и говорить.
О чем? Да хоть о том же ямбе,
и просто в сумерках курить.
Я Вам совсем не помешаю –
едва дышащий силуэт,
уктаюсь тишайшей шалью
молчания.
И есть – и нет...
Я платье серое надену,
серей, чем самый серый цвет,
и стану чуть заметной тенью
за сизым дымом сигарет.
По мыслям вовсе беспричинно
нелепейшая вьется нить:
что вот была бы я мужчиной,
могла бы, может, другом быть,
а так...
беспомощна утеха:
о суету земных орбит
лишь бьется безнадежным эхом:
«не может быть –
но, может быть...»

* * *

Какая боль,
ох, боль какая!..
Кому нужна твоя душа?
На сквозняке стоит дрожа,
скулящая,
почти нагая.
Вымаливать десяток слов,
спокойных, теплых, человечьих,
и прозреть свое увечье
в холодном зеркале умов.
Приносит ночь освобождение –
тревожных снов слепой дурман.
Неверный, рвущийся обман
белесой укрывает тенью.
Будильника колючим звоном
боль возвращается опять,
чтобы пятном багровым стать
на безнадежно-черном фоне.

СТЕПАН ДЖУГЛА

Главы из романа

ВЕРА ВАВИЛОВА

Исторический роман «Степан Джугла» отражает реальные события в период с Первой мировой войны до наших дней. На его страницах переплетаются нелёгкие судьбы людей трёх поколений в тревожные, смутные времена. В романе отражена не только эпоха, но и многогранные характеры героев, их судьбы, их лучшие моральные качества: честь, достоинство, патриотизм, преданность Родине, крепкая мужская дружба, яркая, пылкая любовь, доброта и самоотверженность. Это не надуманные образы, а реальные люди с их достоинствами и недостатками, слабостями, переживаниями, преодолением себя.

Предлагаемые главы из романа наверняка натолкнут читателя на мысль о необходимости помнить и чтить тех, кто прошел трудными и тернистыми тропами войны, пережил предательство, гибель близких, но сохранил живую человеческую душу.

Автор

НЕВЕСТКА

От Фёдора приходили редкие коротенькие весточки о том, что всё в порядке, работает, дом родной не забывает. Шло время. Затяжная зима с мокрыми оттепелями, выюгами и снежными метелями сменилась долгожданной весной, радующей душу. Закончилось теплое лето. И вновь осень заплакала бесконечными ливнями и грязными ручьями. Дороги развезло. Люди кутались в дождевики и месили грязь высокими сапогами. Дамочки в резиновых ботах, надетых на туфельки, прыгали с островка на островок, выбирая, где посуше, или, балансируя на досточке, оставленной чьей-то заботливой рукой, перебирались через бурлящий ручей. Надя вновь облачилась в строгую школьную форму, которая повисла на её угловатой фигуре. За лето девочка вытянулась, худая, как жердь, с коротко стриженными пышными каштановыми волосами, она больше походила на мальчишку. В классе была заводилой, ребята считали её «своим парнем». Видимо, сказывалось воспитание отца. Один раз Надежду даже председателем совета отряда выбрали, но долго на этой должности Надюха не продержалась: дисциплина и задиристый правдолюбивый характер подвели. Уж очень своевольная,

Вера ВАВИЛОВА. Поэт, прозаик, публицист. Родилась на Урале в 1952 г. Окончила Куйбышевский медицинский институт и биологический факультет ТГПУ им. Низами. Член Союза писателей России. Номинант Российской национальной литературной премии «Писатель года» – 2015.

непокорная была. Всё, что думала, в лицо говорила. Причесать такую под одну гребёнку невозможно. А вот организатором Надежда была замечательным. Однажды весь класс на строительство нового детского сада привела, уроки сорвала. Директор школы Людмила Петровна к себе вызвала, решила за своеволие наказать, а потом сама растерялась – дело-то хорошее затеяли ребята. Пожуррила для порядку и отпустила. В футболе Надёк (так её пацаны звали) лучшим защитником была. По весне, когда лёд на реке трещал, одна из всех девчонок на льдине с мальчишками сплавлялась до поворота метров 300, а то и больше. Летом с высокого крутого берега ныряла, наперегонки плавала. В школе Надя училась средне – не хватало усидчивости, но память была хорошая. Бывало, стихотворение два раза прочтёт, глаза закроет, губами шевелит – про себя рассказывает, а потом без запинки наизусть весь стих вслух выдаст.

Возвращаясь из школы домой, Надя задержалась на улице – смотрела, как мальчишки кораблики из коры по грязному ручью сплавляют. По улице бежал, смешно размахивая руками, соседский Петька.

– Надёк, там к вам гости приехали. Беги скорее.

Надя, не дослушав, помчалась домой. В сенцах стояли чемоданы, какие-то узлы. Из горницы доносились возбуждённые голоса. Надюха рванула дверь на себя и застыла в радостном оцепенении.

– Федька! Ты?! – и с разбегу кинулась на шею брату. – Какой ты стал!

– Какой? – улыбнулся во весь рот Фёдор.

– Совсем взрослый, большой, как папка, – протянула Надя, отпрянув и рассматривая его.

– Вот, Надюха, знакомься, это Аля, – он кивнул на девушку, скромно стоящую у стены. Её сразу-то и не разглядеть. – Моя жена.

– Жена-а-а, – протянула Надя и с откровенным любопытством стала рассматривать гостью.

Курносый нос в конопушках, две косички белёдые, сама маленькая такая в голубом с ромашками ситцевом платье. «И чего Федька в ней нашёл?» – подумала она.

– Ну привет. Будем дружить?

– Будем, – улыбнулась Аля, протягивая для пожатия узкую маленькую ладошку.

– Давай, мать, собирай на стол, чай, оголодали с дороги-то. А я пойду баньку подтоплю, пусть попарятся. Давно в бане-то русской не парился, а, Федя?

– Давно, батяня. Эх, по дому-то как соскучился! Вот, Алька, увидишь, как у нас здесь хорошо.

За столом долго сидели. Гости, распаренные, раскрасневшиеся после бани, пили чай из самовара с кусковым сахаром, который дробили маленькими специальными шипчиками. Уснула крепким сном Надюха. Аля, свернувшись на кровати калачиком, видела счастливый сон, а отец с сыном всё беседовали про жизнь. Разговор долгий был, много чего обсудить надобно.

Аля восьмым ребёнком в семье была. После неё ещё четверо народилось. С семи лет гусей пасла. Бывало, шипал гусь больно, но не плакала. Прутиком отгонять их научилась. Иногда и ей этим прутиком доставалось, если заиграется и не уследит за гусями. Старшая сестра Дуся уехала в город Ногинск на заработки, сестру с собой забрала. В 12 лет Альку в люди отдали нянькой работать. Материнской любви познать не пришлось, жизнь с ней сурово обошлась. Тихая, неказистая девочка в обиду себя не давала. Смышлёная была, могла обо всём договориться, выход из трудного положения найти. Сама жизнь учила: и матерью, и наставником была. За худенькими Алькиными

плечами четыре года ликбеза деревенского. При комиссиях маленькую девочку ставили на табуретку читать стихи «с выражением».

Нянчила Аля трёхгодовалого мальчонку Витьку, пухлого такого, сопливого и вечно орущего. Работала за харчи – кормили и ладно. Спала в пыльном, тёмном чулане на топчане. Хозяин – боров бородатый – проходу не давал, донимал всячески да лапал, если удавалось девочку в углу зажать. Хозяйка замечала нездоровое внимание мужа к няньке, ревновала, зло шипала Альку. Три года промаялась Аля в няньках, а когда невмоготу стало – ушла. Тогда экспроприированный текстиль Саввы Морозова в Ногинске процветал, рабочие нужны были. Устроилась Аля на фабрику, дали угол за занавеской в общей комнате. Ловкая, смыслёная девушка быстро освоила профессию крутильщицы, в комсомол вступила, со временем передовиком производства стала. Как-то вышли всей фабрикой на субботник на новостройку помогать строителям. Там и познакомилась Аля с Фёдором. Понравилось, как лихо работал – с шутками, прибаутками, понравилась открытая добродушная улыбка во весь рот да весёлый взгляд озорных глаз. Федя её тоже сразу заприметил. Маленькая такая, а командует всеми, работа в её руках спорится, то тут, то там её красная косынка мелькает. «Ишь ты, пигалица какая», – то ли с умилением, то ли с удивлением подумал Фёдор.

– Что замер, рот раскрыл? Гляди, а то кирпич на голову свалится, – звонко засмеялась пигалица.

– Не свалится. Ты смотри, чтоб сама в корыте с цементом не утонула, – беззлобно ответил Фёдор.

Задиристая девчонка весь вечер из головы не выходила. Так жалел, что не спросил, где её найти можно. Но случай вскоре вновь свёл. На комсомольском районном собрании эта самая пигалица с трибуны выступала – передовик производства Алевтина Луговая. «Вот те на-а-а. Вот тебе и пигалица! Она в мою сторону и не глянет», – почесав затылок, грустно подумал Фёдор. В фойе Дома культуры они нос к носу случайно столкнулись.

– О, так ты здесь? Ну что, кирпич на тебя не свалился? – хохотнула девушка.

– Постой, не уходи, – пропустил её колкость Федя. – Где тебя увидеть можно?

– А ты сегодня на вечер поэзии в дом Текстильщика приходи. Там и увидимся, – тряхнув косичками, ответила Алька и скрылась в толпе. Так после и стали встречаться. Любовь, как пламя из искры, разгорелась. Расписались, свадьбу комсомольскую сыграли. Шумно было, весело, хоть и скромно. Шиковать особо не с чего было. А тут по указу Сталина направили их в Ташкент текстиль налаживать. Вот и решил Фёдор по пути домой завернуть, с молодой женой родных познакомиться, погостить с недельку, а там дальше – в Среднюю Азию, в жаркие края.

ХЛЕБНЫЙ ГОРОД

Аля сидела у настольной лампы. Мягкий свет выхватывал часть стола, покрытого льняной скатертью, на котором лежал листок из тетради, исписанный мелким убористым почерком. В тени оставался широкий диван, на котором посапывали курносыми носиками пятилетний Ванюшка и двухлетняя Маришка. Аля ещё раз перечитала письмо мужа. Рука дрожала от волнения, и строчки набегали одна на другую, расплывались. Долгожданное письмо с фронта, волшебный треугольничек пожелтевшей бумаги, возвращающий к жизни, вселяющий надежду и веру, что судьба оградит от беды, сбережёт от пули, что разлука не вечна. Надо только научиться ждать, ждать и надеяться.

Фёдор воевал на финской границе, служил в разведротте. Аля понимала, насколько это опасно. А как отговаривала его, просила остаться с ней и детьми, ведь у него была броня! Не послушался, ушёл добровольцем. Алевтина подавила тяжёлый вздох, прижимая к груди маленький листочек бумаги. Пишет о снежной зиме, какие ели и сосны красивые в белом наряде, как ловко на лыжах ходит. Будто она не понимает, что не на прогулку он в лес ходит, а на опасное задание, что сам не знает, вернётся ли живым. Заворочалась во сне Маринка. Аля подошла к дочери, поправила одеяло, поцеловала в лобик.

– Так мирно спят, будто и нет войны вовсе. И не знают, что их папка далеко-далеко под пулями ходит, – Аля вытерла ладошкой слёзы. Надо постараться уснуть. Завтра рано вставать на фабрику.

В соседней комнате насадно закашлялся Герман Петрович. Аля одну комнату беженцам с Украины отдала – старику и его дочери Оксане с шестилетней девочкой Оленькой. У старика что-то с лёгкими, видимо, застудил в дороге. Кашлял очень. Аля помогла Оксане на текстильную фабрику устроиться. Вместе на работу ходили. Детей на старика оставляли, да соседка Файка беременная присматривала, помогала накормить. Хотя кормить особо нечем было: 400 граммов хлеба по карточке давали, а на иждивенца вполосину меньше. Работали по 12 часов, ткали парашютный шёлк и бязь серую. Чтобы как-то выжить, детишек накормить, куски бязи выносили под нижним бельём или за подкладкой телогрейки прятали. Вечерами сшивали простыни из лоскутов и обменивали на продукты у базарных торговков. Шить приходилось при керосинке до рези в глазах, свет горел только до 8 часов вечера. Однажды по доносу на фабрику нагрянули особисты. У Али при себе кусочек ткани был. Бледнее смерти она залетела в комнату комсомольского актива. Металась, не зная, куда улику деть, из-за которой расстрелять могли или в тюрьму упечь. На стене висел портрет Ленина. Аля завернула кусок ткани в газету и сунула за портрет. Когда комиссия ушла, долго не могла унять дрожь в руках. Тихонько достала свёрток из-за портрета и, перекрестившись на Ильича, тихо сказала:

– Спасибо тебе, товарищ Ленин, что от беды спас.

Вечерами Аля молилась за мужа своего. Хоть и была атеисткой, комсомолкой, но в беде и безысходности всё же обращалась к Богу, надеясь на его спасение. Приходила с работы уставшая, в голове постоянный гул от ткацких станков. Обслуживала несколько линий. Весь день на ногах, не приседая. От недоедания и усталости ткачихи в цеху часто сознание теряли. Отлежатся в углу и снова за работу. В быту особенно вши донимали. Мыла не было. Стирать приходилось золой или горчицей. Вшей горячим утюгом на белье давили. Головы керосином обрабатывали, спасаясь от паразитов. В единственный выходной Алевтина работала на подсобном фабричном хозяйстве. Там хоть какие-то овощи, фрукты давали.

Однажды Аля, вернувшись с работы, ещё со двора услышала горькие причитания и рыдания Оксаны. Сердце сжалось от предчувствия беды. Она кинулась в дом. На пороге сидела Оксана и, рыдая, билась головой о дверной косяк.

– Мамочка, не надо, не надо, – обнимая её за шею, плакала Оленька.

– Что случилось? – с тревогой спросила Аля.

– Карточки у неё украли, – тихо сказал Герман Петрович. Он лежал на топчане, приподнявшись на локте. В глазах его светились обречённость и грусть. Он понимал, что теперь им не выжить. Не о себе он сокрушался – чего уж там, пожил. Как дочь с внучкой выживать будут?

Аля метнулась в комнату. В комодке среди белья нашла свои карточки, поделила поровну и вернулась к Оксане.

– На, возьми мои, – решительно сунула ей в руки. Оксана перестала кричать. На лице отпечатались радость, затем удивление и отчаяние.

– Нет, не возьму, – она отрицательно качнула головой.

– Возьмёшь, – жёстко сказала Алевтина. – Тебе Оленьку, отца кормить.

– А вы как?

– Ничего, выживем, – и, не дожидаясь слов благодарности, Аля ушла в свою комнату. Беда многих сроднила в те тяжёлые военные годы, отсеивая чистые души от шелухи и грязи, которой тоже было достаточно. Не загрубело сердце Алевтины, смогла понять чужую беду. А горя на её долю выпало предостаточно. Когда Федя на фронт ушёл, она вскорости поняла, что беременна. Вынянчить Коленьку, старших детей поднять люди добрые помогли. А потом в годик Колюня менингитом заболел. Недолго мучился. Всю жизнь перед глазами стоять те дни будут, когда сама ребёночка своего мертвенького обмыла, слезой горькой материнской окропила, во всё чистое одела, в гробик, что на работе дали, аккуратно положила, одеяльцем прикрыла, чтоб не холодно ему там было, села на трамвай и на кладбище поехала. Сама могилку ему вырыла, сама и схоронила. Феденька об этом ничего не знает. Писать о таком на фронт запретили. Всё сама пережила. Вроде даже отупела от горя как-то. Но жить надо, старших поднимать. Были и такие, кто на людском горе да за счёт войны наживался. На соседней улице прокурор жил. У него говяжьи туши зимой на балконе висели, а Алевтине с детьми есть нечего было. Иногда прокурорша просила Алю помочь гостей встретить. После чего ей со стола перепадало немного, этим Ванюшку с Маринкой и подкармливала. Иногда Оленька ходила к прокурору нянчить двухгодовалого ребёнка, ей тоже еду давали. Девочка отщипывала маленький кусочек хлеба и съедала его по дороге, а остальное приносила маме. Оксана делила еду между всеми детьми, на троих. Что-то оставляла отцу. Герман Петрович втихую свой кусочек скармливал внучке. Алевтина научила детей молиться. Перед сном они просили у Бога оставить папку в живых и дать им немного хлебушка, чтобы не помереть. Але казалось, что если дети просят, то уж точно Бог услышит и смилуется. Однажды, когда Аля чуть не угорела от печки, Ваня с Мариночкой, стоя над ней, дружно причитали:

– Мамочка не умирай, – и сквозь слёзы шептали молитву.

АЛЕВТИНА

Аля с замиранием смотрела в окно. По улице шла почтальон Гуля. «Неужели опять пройдёт мимо? – с тоской подумала Алевтина. Вот уже почти два месяца нет писем от Феди. Тревожные мысли лезли в голову: – Война идёт страшная, никого не шадит. Может, покалечили его, ранили, а может... – об этом не хотелось даже думать, – и в живых уже нет».

Гуля осторожно обошла лужу, расплывшуюся грязным бесформенным пятном у колонки, и направилась к бараку. Аля кинулась ей навстречу.

– Гуленька, есть что для меня? – дрожащим от напряжения голосом спросила Аля.

– Есть, есть, – улыбнулась Гуля, молодая узбечка с толстой косой, закрученной узлом на затылке. – Вот вам письмо и несу, – она достала знакомый фронтовой треугольничек. Алевтина схватила его дрожащей рукой и, забыв поблагодарить, развернула письмо, исписанное знакомым почерком.

– Жив, – мелькнула радостная мысль. От волнения Аля вначале не могла разобрать ни строчки. Слезами наполнялись глаза, буквы расплывались, поползали одна на другую. Она вернулась домой, выпила воды, успокоилась и

принялась за чтение. Федя писал из госпиталя. Успокаивал, что ранение пустяковое. Осколком разорвавшейся мины повредило пальцы правой стопы. Пришлось ампутировать. Шутил в письме, мол, наперегонки будет бегать и польку-бабочку танцевать, спрашивал о детях, беспокоился о ней. Аля прижимала драгоценный листочек к груди. По щекам текли слёзы, а губы шептали:

– Жив, главное, живой. Феденька, родной, теперь к нам вернёшься, скоро свидимся.

Счастливая мысль о скорой встрече затмила все неприятное и горькое: «Ничего, что ранен. С палочкой ходить будет. Я ему помогать во всё буду. Главное, что для нас война закончилась. Не придётся с тревогой писем с фронта ждать, не спать ночами тёмными, думая, выживет ли на войне».

Но надежды Али не оправдались. После госпиталя Фёдора не комиссовали, а направили в ремонтно-механические инженерные войска. Конечно, здесь было спокойнее, всё же не передовая линия фронта. Шли за войсками, ремонтировали технику, а то и поварами работать приходилось. Наши войска решительно наступали. Линия фронта приближалась к Германии. Измотанный народ жаждал лишь одного – победы, окончания войны.

Дети войны. Какие они были? Война безжалостно наложила свой отпечаток на их души, на их жизнь. Ваня с Маришкой подросли. Десятилетний сын Али был единственным мужчиной в семье. На его детские неокрепшие плечи легли заботы о младшей сестрёнке, бытовые проблемы. Где гвоздь прибить, где чего починить – Ваня умел всё, жизнь научила. В душе он был всё тем же озорным мальчишкой-непоседой, проказником. Часто вместе с квартиранткой Олей и сестрёнкой Маришкой бегали на базар воровать с прилавков фрукты. Один из них отвлекал продавца, а остальные, схватив сладкий урюк или сливу и незаметно закатав добычу в майку, ретировались с места преступления. Старый узбек Махмуд-ака (к нему чаще всех подбиралась ватага) видел проделки детворы, но снисходительно молчал, будто не замечал, ещё и угощал чем-нибудь. Беда сроднила людей разных национальностей. Местные узбеки давали в долг молоко, уголь, помогали чем могли. Ваня с Маринкой часто играли в магазин. Из палочек мастерили весы и продавали маленькие кусочки хлеба. Это была их любимая игра. Старший Ваня всегда старался быть покупателем, чтобы съесть «купленный» кусочек хлеба.

Дети, рождённые перед войной, не помнили своих отцов. Они бегали на кладбище, выбирали могилку, представляя, что там живёт их папа, ухаживали за ней. Они верили, что папа живой, он просто здесь, но с ними. Они разговаривали с ним, рассказывая о своих бедах и радостях. Старательно украшали могилку, сплетая венки из колосков и полевых цветов, соперничали между собой и спорили, чья могилка лучше украшена.

Долгожданная победа свежим ветром ворвалась в каждый дом, в каждую семью. Расправились морщины на лицах, печаль и грусть сменились радостными счастливыми улыбками. Ликовало всё. Казалось, даже природа не осталась безучастной к общему празднику. Буйным цветом расцвела весна, напитываясь соком от земли родной.

Ваня нёсся домой из школы, летел как пуля.

– Мама! Мама! Победу объявили! – с порога закричал он. – Нас с уроков отпустили. Мама, а ишак-то тоже радовался. Он так «и – а, и – а» кричал, так кричал!

Аля обнимала и целовала детей, глотая солёные слёзы, но теперь это были слёзы радости, надежды, что всё скоро закончится, вернётся Федя, и они вновь заживут, как прежде, счастливой жизнью.

Вечером собрались за праздничным столом. Оксане за хорошую работу выдали немного риса. Она решила обменять его на маленький кусочек колбасы, порадовать больного отца. Он угасал как свеча. Оксана догадывалась, что отец отдаёт свой хлеб внукам, она уговаривала его кушать, ругала, убеждала, но напрасно. Упрямый старик не слушался и делал по-своему.

Стол накрыли у кровати Германа Петровича. Женщины надели свои нарядные платья, сделали причёски, губы подкрасили. Стол украшали редкие по тем временам деликатесы: на маленькой тарелочке лежала кругленькая аккуратная с фиолетовым бочком редиска, утопая в яркой зелени укропа; в центре стола в нарядной салатнице из китайского фарфора парила горячая варёная картошка. Дополняли праздничный ужин тонко нарезанные солёные огурцы и квашеная капуста. Украшали это великолепие ломтики чёрного хлеба и, главное, аппетитные кружочки колбаски, издававшей такой запах, что приходилось всё время сглатывать слюну.

Герман Петрович скромно взял несколько кружочков колбасы, а остальное пододвинул детям. Но его усохший от долгого недоедания желудок не смог справиться даже с таким небольшим количеством калорийной пищи. Утром Оксана обнаружила, что отец умер. Он ушёл тихо, никого не побеспокоив. Так же, как тихо жил, стараясь никому не мешать, никого не напрягать. Хоронили его всем двором. Будто родной для всех человек ушёл из жизни. Люди в бараке жили одной большой семьёй, помогая друг другу в беде, делились радостями и невзгодами. А иначе разве смогли бы они выжить в такое нелёгкое время?

Для Фёдора война закончилась в Австрии. Но к родному дому дорога не привела. Аля перестала получать от него письма, а последнее было каким-то сухим, официальным. Долго ждала она своего Федю, не спала ночами, терзаясь догадками. Дети тоже с нетерпением ждали возвращения отца. Особенно саднила растревоженной раной душа, когда в соседские семьи возвращались солдаты.

– А мой Феденька где же? – кричала молчаливо душа, и это болью отдавалось в сердце. Аля написала письмо в Ногинск, где жили они до войны. Там оставался их дом. Интуиция не подвела её. Скоро пришёл ответ. Писала их соседка по улице, что Федя её вернулся, живёт в их доме с фронтовой женой Анфисой. От такого удара Аля оправилась не сразу. Неделю лежала без движения, безразличная ко всему. Спасибо Оксане, выходила. Окрепнув, Алевтина решила бороться за своё счастье, за свою семью. Она поедет в Ногинск. Пусть Федя ей в глаза посмотрит, пусть на детей своих глянет. Что тогда скажет? А этой стерве, что мужа отбила, она зенки её бесстыжие выцарапает.

На фабрике дали отпуск 18 дней, уволиться нельзя было, сразу статья – дезертир трудового фронта. Собрала детей, сухарями да рисом запаслась в дорогу. В телогрейке и кирзовых сапогах, закутанная в большой клетчатый платок бабёнка даже отдалённо не напоминала ту озорную, весёлую певунью, какой была когда-то Аля. Всю дорогу на коленях молилась, чтобы добраться до места, Фёдора увидеть. В Москву въезд был ограничен, нужен был специальный пропуск. То ли Бог услышал её молитвы, то ли судьба так распорядилась, но до Ногинска Алевтина добралась. С замиранием сердца шла по знакомой улице. Вот и дом родной, калитка. Решительно постучала.

– Открывай дверь! Хозяйка приехала! – крикнула она. На пороге появилась высокая, смуглая, с коротко остриженными чёрными волосами женщина в пёстром домашнем халате. Взгляд её выражал удивление, недоумение. Она не могла понять, почему эта женщина так кричит на неё.

– Пошла вон отсюда! У нас с Федей дети! – гневно выплеснула в лицо соперницы Алевтина, прижимая к себе детей. – Федя детей любит и их не бросит.

Я тебе не позволю семью нашу рушить, – и наотмашь ударила Анфису по щеке. Та, схватив пальто, выбежала из дома. Аля по-хозяйски осмотрела комнаты, собрала все вещи Анфисы в узел и выставила за порог. Сварила рисовую кашу, самовар поставила, накормила детей и уложила на печи спать. Сама села у окна ждать Фёдора. «Что он скажет? Останется ли с нами? А что если прикипел к этой змее, если приворожила его? Уйдёт и на детей не глянет? Нет, не может Федя так поступить. А как он мог забыть их, забыть своих кровиночек Ванюшу с Маришкой? – горечь обиды переполняла сердце, туманила разум. – Нет, нет, не об этом надо думать. Всё перемелется, там разберёмся. Только бы он с нами остался».

Хлопнула входная дверь. На пороге появился Фёдор, шапку снял, застыл от неожиданности, опешил. На лице отпечатались удивление, растерянность, страх. С радостным гвалтом скатились с печи дети и бросились к отцу. Фёдор обнимал их, поднял Маришку на руки, старшего Ваню прижал к себе крепко, будто боялся потерять. В глазах заблестели слёзы. Он целовал их куда попаало, прижимая к себе, по очереди брал на руки. Ваня увёртывался.

– Папка, я же не маленький. Я большой, – а сам так и льнул к отцу.

– Будем жить вместе ради детей, – вынесла вердикт Алевтина. Фёдор молча согласился. Долго просидели за столом они в тот вечер. Ни слова упрёка не слетело с губ Али, хотя в душе бушевала обида. Похудел Фёдор, седина виски посеребрила, морщинами суровыми лоб изборозвился, а глаза всё те же – добрые. Здоровье у Фёдора пошатнулось – мучила язва желудка. Положили его в больницу. Аля туда же санитаркой устроилась, чтобы при муже быть. Анфиска раза два Федю навестила. Долго последний раз сидела, о чём-то разговаривали. Аля не мешала. После этого разговора Анфиса навсегда исчезла из их жизни. Отношения постепенно налаживались. Женское сердце всё простит, если любит. Да и Фёдор понимал, как Але тяжело его измена далась. Фёдор часто болел, работать не мог. Жили впроголодь. Аля бралась за любую работу, носки вязала и на рынке продавала, чтобы как-то на хлеб наскрести. В лесопосадку за грибами да ягодами ходила. Однажды собирала ягоду. День такой хороший стоял, солнечный. К ней подошли трое военных мужчин в плащах чёрных.

– Вы Алевтина Джугла?

– Да, – растерянно ответила Аля.

– Вы арестованы, как дезертир трудового фронта, – хлёстко ударило по сознанию, по всей её сути, будто свет померк.

Возвращались в Ташкент порознь. Фёдор с детьми в поезде в общем вагоне ехал, а Алю под конвоем доставили. Дом в Ногинске пришлось срочно продать, деньги на дорогу нужны были. На суд Аля с милиционером в трамвае ехала. Алевтине повезло: три дня назад Сталин указ издал, в котором отменялось положение о дезертирах трудового фронта и оговаривалось свободное перемещение рабочих, право увольнения по собственному желанию. Но суд всё же состоялся. Алевтине дали условный срок – три года. Но это ничего, пережить можно. Главное, с детьми и мужем на свободе осталась. Оксане с Оленькой комнату дали, и семья Фёдора Джуглы вселилась в свою прежнюю квартиру. Начался новый отсчёт времени – послевоенный. На улицах Ташкента появились пленные японцы и немцы. Они строили Большой театр на месте Воскресенского базара, новые четырёхэтажные дома. Мальчишки бегали на стройки, носили пленным папиросы. Жизнь шла своим чередом, требуя новых решений повседневных забот. Израненная страна медленно оправлялась от разрухи, возрождалась из пепла, как птица Феникс.

Осип МАНДЕЛЬШТАМ

(1891–1938)

27 декабря 2018 года исполняется 80 лет со дня безвременной кончины Осипа Мандельштама, одного из знаковых русских поэтов XX века, прозаика и переводчика, эссеиста, критика, литературоведа.

Он скончался от тифа, будучи второй раз арестованным (1938 г.) и по этапу отправленным на Дальний Восток. Вместе с другими несчастными похоронен в братской могиле. Место захоронения О. Э. Мандельштама неизвестно.

Век-волкодав...

* * *

Это какая улица?
Улица Мандельштама.
Что за фамилия чертова –
Как ее ни вывертывай,
Криво звучит, а не прямо.

Мало в нем было линейного,
Нрава он был не лилейного,
И потому эта улица,
Или, верней, эта яма
Так и зовется по имени
Этого Мандельштама...

* * *

Я около Кольцова,
Как сокол, закольцован –
И нет ко мне гонца,
И дом мой без крыльца.

К ноге моей привязан
Сосновый синий бор.
Как вестник без указа,
Распахнут кругозор.

В степи кочуют кочки –
И всё идут, идут
Ночлеги, ночи, ночки –
Как бы слепых везут...

Неправда

Я с дымящей лучиной вхожу
К шестипалой неправде в избу:
– Дай-ка я на тебя погляжу,
Ведь лежать мне в сосновом гробу.

А она мне соленых грибков
Вынимает в горшке из-под нар,
А она из ребячьих пупков
Подает мне горячий отвар.

– Захочу, – говорит, – дам еще... –
Ну, а я не дышу, сам не рад.
Шасть к порогу – куда там – в плечо
Уцепилась и тащит назад.

Вошь да глушь у нее, тишь да мша, –
Полуспаленка, полутюрьма...
– Ничего, хороша, хороша...
Я и сам ведь такой же, кума.

Ленинград

Я вернулся в мой город, знакомый до слез,
До прожилок, до детских припухлых желез.

Ты вернулся сюда, так глотай же скорей
Рыбий жир ленинградских речных фонарей,

Узнавай же скорее декабрьский денек,
Где к зловешему дегтю подмешан желток.

Петербург! я еще не хочу умирать:
У тебя телефонов моих номера.

Петербург! У меня еще есть адреса,
По которым найду мертвецов голоса.

Я на лестнице черной живу, и в висок
Ударяет мне вырванный с мясом звонок,

И всю ночь напролет жду гостей дорогих,
Шевеля кандалами цепочек дверных.

* * *

За гремучую доблесть грядущих веков,
 За высокое племя людей
 Я лишился и чаши на пире отцов,
 И веселья, и чести своей.
 Мне на плечи кидается век-волкодав,
 Но не волк я по крови своей,
 Запихай меня лучше, как шапку, в рукав
 Жаркой шубы сибирских степей.

Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязы,
 Ни кровавых кровей в колесе,
 Чтоб сияли всю ночь голубые песцы
 Мне в своей первобытной красе,

Уведи меня в ночь, где течет Енисей
 И сосна до звезды достает,
 Потому что не волк я по крови своей
 И меня только равный убьет.

«СУББОТНЯЯ СТРАНА» ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

...Сентябрь, ереванский вечер. Сидим с моими московскими подругами-филологами, приехавшими на грибоедовскую конференцию, на террасе летнего ресторана, – Ереван стал местом нашей общей встречи. Сейчас должен подойти старинный друг одной из них, – он живет здесь, в Ереване. И он приходит, и присоединяется к нам, и она представляет: «Геворг».

Немолодой, худошавый человек, седая бородка, невероятное обаяние. Говорит негромко, но – заслушаешься: в речи как-то естественно, между делом, проскальзывает множество скрытых литературных аллюзий. Чувствуется, что литературой он живет и дышит. И так же естественно то и дело цитирует Геворг поэтические строчки, вовсе их не подчеркивая – так, мимоходом.

– Вам, – обращается он ко мне, – с вашими, как я понял, армянскими корнями, конечно, давно следовало побывать здесь, открыть для себя книгу, по которой учились первые люди.

Я думаю: звучит как-то очень знакомо. Ну да, это же Мандельштам, – из цикла об Армении:

<i>Я тебя никогда не увижу,</i>	<i>И уже никогда не раскрою</i>
<i>Близорукое армянское небо,</i>	<i>В библиотеке авторов гончарных</i>
<i>И уже не взгляну, прищурясь,</i>	<i>Прекрасной земли пустотелую книгу,</i>
<i>На дорожный шатер Арарата,</i>	<i>По которой учились первые люди.</i>

Разговор продолжается, я заворожена речью нового знакомого, он говорит свободно, обращаясь к нам как к равным собеседникам, и это воспринимается как честь, потому что за его рассказами – множество глубинных культурных пластов, которые очень, очень нечасто встретишь в обыденной беседе.

– Ну как вам наши горы? Видели уже эти краски изумительные? Ломается мел, и крошится ребенка цветной карандаш! Утро армянское уже снится? – когда выпекают лаваш? Успели хоть что-то увидеть и проникнуться?..

И пока я соображаю, что это тоже так, вскользь, процитированный Мандельштам, подруга смущенно признается:

– Пока, честно говоря, обошли только ювелирные на проспекте Маштоца...

Он усмехается:

– «Лазурь да глина, глина да лазурь...»

И снова я мысленно подхватываю: «...Чего ж тебе еще? Скорей глаза сошурь, как близорукий шах над перстнем бирюзовым...»

Подруги мои переглядываются.

– Геворг, а в «Литературной Армении» сейчас появляются ваши переводы?..

И тут наконец я понимаю, что этот Геворг, так естественно и свободно цитирующий строчки Осипа Эмильевича, – не кто иной, как Георгий Кубатьян! Тот самый – переводчик, поэт, литературный критик, автор книги «Бегство в Армению» и многих других замечательных литературоведческих изысканий. Кубатьян, который еще в начале 1970-х годов, работая в редакции журнала «Литературная Армения», опубликовал цикл прекрасных, очень глубоких и прозорливых статей о Мандельштаме, и это было одно из первых открытий великого поэта для современного читателя. Именно исследования Кубатьяна позволили по-новому прочесть и понять многоуровневый, сложно зашифрованный мандельштамовский цикл, посвященный Армении.

«...Можно, например, читать, перечитывать, повторять волшебные строки об Армении:

*Закутав рот, как влажную розу,
Держа в руках осьмигранные соты,
Все утро дней на окраине мира
Ты простояла, глотая слезы, –*

но не понимать, что “осьмигранные соты” – это армянская церковь, а “утро дней” – заря христианства, когда Армения, на краю европейского мира, оставленная этим миром (и тогда, и потом) “на съедение” враждебному окружению, сделала церковь единственной опорой своего существования.

И это, и многие другие откровения, спрятанные в “армянских” стихах Мандельштама, великолепно, глубоко и тонко расшифрованы в статьях Кубатьяна», – пишет литературовед Карен Степанян в своем эссе «Собиратель пространства»¹.

...Вернувшись из той поездки, я прочитала все, что нашла из работ Кубатьяна: очерки и статьи, посвященные творчеству Пастернака и Ахматовой, Ахмадулиной и Слуцкого, Самойлова и Левитанского, Солженицына и Лиснянской, Арсения Тарковского и Сергея Параджанова. Но в первую очередь, конечно, – написанное о Мандельштаме. Поэте, ставшем для Георгия Иосифовича любовью на всю жизнь, как для самого Мандельштама неизбывной любовью и болью, которую однажды и навсегда принял он в сердце, была Армения.

*И почему-то мне начало утро армянское сниться,
Думал – возьму посмотрю, как живет в Эривани синица,
Как нагибается булочник, с хлебом играющий в жмурки,
Из очага вынимает лавашные влажные шкурки...*

¹ <http://magazines.russ.ru/znamia/2008/3/st23.html>

*Ах, Эривань, Эривань! Иль птица тебя рисовала,
Или раскрашивал лев, как дитя, из цветного пенала?
Ах, Эривань, Эривань! Не город – орешек каленый,
Улиц твоих большеротых кривые люблю Вавилоны...*

Что значила для Осипа Эмильевича эта горная, гордая, «дикая» страна – можно понять по определению, которое дал он Армении:

«Божья любовь, в горах сораспаятая с Богом».

«Стремился он в Армению настойчиво и долго, – пишет в своей книге воспоминаний Надежда Яковлевна Мандельштам. – Когда в тридцатом году на вопрос, куда мы хотим ехать, Осип Эмильевич ответил “В Армению”, <...> вздохнула и, серьезно посмотрев на Мандельштама, сказала: “Опять в Армению? Значит, это очень серьезно...”».¹

И это в самом деле было очень серьезно. К 1930 году Мандельштам уже не просто тянулся к стране Арарата, «оруших камней государству», – нет, он отчетливо представлял себе историю и культуру Армении. Он учился армянскому языку, «наслаждаясь сознанием, что ворочает губами настоящие индоевропейские корни – древние, первородные...» (Н. Я. Мандельштам).

*Колючая речь араратской долины,
Дикая кошка – армянская речь,
Хишный язык городов глинобитных,
Речь голодающих кирпичей.*

Речь! «Очаг потухающей речи», «колючая», «дикая кошка», «хишный язык городов»... Похоже, вся Армения воплощалась для Мандельштама в речи, в чуде ее гортанного, хриплого, гибкого, «первородного» языка.

*...К трубам серебряным Азии вечно летящая –
Армения, Армения!
Солнца персидские деньги щедро раздаривающая –
Армения, Армения!..*

...А ведь эти и многие другие его стихи об Армении, виртуозно воспроизводящие по звучанию это самое «чудо языка», я знала, казалось, и прежде. И все-таки – нет, не знала... Узнала теперь. Так же, как на земле Армении открыла для себя совсем новый образ Мандельштама – образ русского поэта в «стране субботней».

*...я все-таки увидел
Библейской скатертью богатый Арарат
И двести дней провел в стране субботней,
Которую Арменией зовут.*

Почему же именно так об этой стране – «субботняя»?

Ответ на это находим в исследовании Г. Кубатьяна «Бегство в Армению и другие этюды о Мандельштаме»:

«В переводе с языка “овцеводов, патриархов и царей” это понятие – суббота, “шабат” – содержит множество смыслов; один из них в нашем случае более чем уместен – праздничная. Праздником стало для русского поэта путешествие в Армению».¹

¹ <https://biography.wikireading.ru/84376>

Именно тогда, во время этого путешествия-праздника, в дни, когда Мандельштам писал свой цикл об Армении, родилась удивительная «двух голосов переключка», одна из многих, которыми так богата история литературы и поэзии: произошло знакомство Осипа Эмильевича с замечательным армянским поэтом Егише Чаренцем.

С разницей всего в один год было суждено Чаренцу «предвосхитить» трагическую судьбу своего друга. Действительно друга, – из воспоминаний Надежды Яковлевны мы знаем, что Мандельштам не только высоко ценил его как поэта, но и быстро сдружился с ним по-человечески. Видимо, таким же сильным было и впечатление, человеческое и творческое, произведенное Мандельштамом на Чаренца. Дело в том, что тот отменно владел русским языком и прекрасно, как, пожалуй, никто другой в Армении, знал русскую поэзию, в частности Бориса Пастернака и Анну Ахматову. Сохранился в его библиотеке и мандельштамовский сборник «Стихотворения».

Мандельштам же, пишет Кубатьян в том же очерке, сразу угадал в своем новом знакомом истинного поэта, хотя стихов его в ту пору еще не читал – их в то время не было в переводе. Зато Чаренц стихи Мандельштама знал. И именно ему Осип Эмильевич впервые, в старенькой гостинице в Тифлисе, читал стихи из своего армянского цикла – он тогда только начал его сочинять.

*...Ты красок себе пожелала –
И выхватил лапой своей
Рисующий лев из пена
С полдюжины карандашей.*

*Страна москательных пожаров
И мертвых гончарных равнин,
Ты рыжебородых сардаров
Терпела средь камней и глин.*

*Вдали якорей и трезубцев,
Где жухлый почил материк,
Ты видела всех жизнелюбцев,
Всех казнелюбивых владык...*

«...Армения, Чаренц, университетские старики, дети, книги, прекрасная земля и выросшая из нее архитектура, одноголосое пение и весь строй жизни в этой стране – это то, что дало Мандельштаму “второе дыхание”, с которым он дожил жизнь. В последний год жизни в Воронеже он снова вспомнил Армению, и у него были стихи про людей с глазами, вдолблёнными в череп, которые лишились “холода тутовых ягод”... Эти стихи пропали. Но и так армянская тема пронизывает зрелый период его труда...»²

*...Как люб мне язык твой зловещий,
Твои молодые гроба,
Где буквы – кузнечные клещи
И каждое слово – скоба.*

*Раздвинь осьмигранные плечи
Мужицких бычачьих церквей,
В очаг потухающей речи
Открой мне дорогу скорей.*

...Дорогу в неизвестную прежде «субботнюю страну», совсем новую дорогу к Мандельштаму открыла для меня та поездка в Армению и встреча с Георгием Иосифовичем Кубатьяном, преданным рыцарем литературы, научившим немного лучше понимать и «книгу, по которой учились первые люди», и влюбленного в Армению великого русского поэта.

Лейла ШАХНАЗАРОВА

¹ <http://magazines.russ.ru/voplit/2012/3/kk2.html>

² Мандельштам Н. Я. Воспоминания. Книга третья. <https://biography.wikireading.ru/84376>

Пускай всё будет так, как будет...

Юрий ГРИБИН

* * *

Подарю тебе я вечер,
Звезды в темных небесах,
Ласковый прохладный ветер,
Блики в лунных парусах,

Свет окошек за рекою,
Лай взволнованный собак,
Ветлы с чашей вековой,
В черном поле буерак,

Стук колес на переезде,
Крики дальних поездов,
Огоньки в дорожной бездне,
Пенье старых проводов,

Мглу на фоне мироздания,
Запах дальнего костра,
Влажной свежести мгновенье,
Сны благие до утра.

* * *

Вы знаете, как пахнут клены
В звенящей гулко тишине,
Волнуют пруд лягушек стоны,
Темнеют горы на луне?

Как ухает сова на елке,
Трещит кузнечик в море трав,
Что снится темноглазой галке,
О чем мечтает волкодав?

Кто умывается дождями,
Как шепчутся в лесу грибы,
Плывут туманы над полями,
И вдоль дорог грустят столбы?

Что видят звезды из галактик,
Куда приводит млечный путь,
Способен ли страдать стервятник
И пожалеть кого-нибудь?

Юрий ГРИБИН. Член городской организации СП Москвы, автор 22 сборников стихотворений и рассказов. Награжден дипломом и медалью Московской организации СП России. В «Звезде Востока» публикуется впервые.

* * *

Печальные вести, колючие строчки...
Летят в никуда доходяги деньки.
Росистые травы, прохладные ночки
И трепетны листья осин – мотыльки.

Тревожные мысли порхают как птицы,
Приходят, уходят, стучат у виска,
Сверкают вдали, за деревней, зарницы,
И бродит по лугу глухая тоска.

Начало июня, но сумрачно очень.
Рвет ветер свинцовые тучи в клочки.
Скрипит и качается сгорбленный ясень,
Грустят у реки доходяги сморчки.

Как выйти из этого чертова круга
И маятник жизни опять запустить,
Взбодрить и понять наконец-то друг друга,
А все неудачи забыть и простить?!

Черное море. Крым

Мы видим: море пенится и дышит,
Громадой водною колышется простор,
Все круче волны, берег слышит
Стихии дикой рокот-разговор.

Морская даль сливается с небесной,
Чернеют тучи грозные вдали,
Среди симфонии великой, неизвестной
На горизонте бродят корабли.

Летают низко чайки, альбатросы
Кричат о чем-то важном и галдят,
Трещат тревожно флюгеры и тросы,
Предупредить о шторме нас хотят.

Наверно, скоро уже грянет буря,
Укроет горы пеленой туман,
Свирепый ветер завывает с горя,
Деревья треплет седовласый ураган.

* * *

Кружит вальс по бездорожью
В белых валенках зима,
С грустью снежной, тихой, божьей
Молча мерзнут терема.

Розовеет даль восходом,
Иней на сухих листьях.
Лед блестит над летним бродом
За сугробами в кустах.

По полям и перелескам
Бродит ветерок с клюкой
По холодным светлым фрескам
В стежках синих за рекой.

День идет морозный, ясный,
В высь кудрявятся дымки,
Цвет небес лилово-нежный,
В окнах блекнут огоньки.

* * *

Осень крутит прозрачные нити,
Паутинки плетет вдоль дорог.
Черных веток березовых сети
Ловят наш загрузивший чертог.

Застучали дождевики по крыше,
Гонят ветры небесную хмарь.
Вечерами в саду стало глуше,
У ворот тускло светит фонарь.

Темнота по утрам необычная,
Не спешит уже в окна рассвет.
Сырость зябкая и кромешная
Вяжет капель хрустальный букет.

Золотятся, краснеют как клены
Вдоль реки в синей дымке леса,
Хоть луга все еще и зелены,
Заплелась дней унылых коса.

ВОЛЯ, ВЕТЕР, ЛЮБОВЬ...

Эссе

Владимир КАРАСЁВ

Чем развитее нация, тем полнее самостоятельность отдельной личности и в то же время тем безопаснее одна личность от посягательства другой.

Д. И. Писарев

Несколько лет назад, побывав в Яркенде, от тамошних стариков я услышал очень любопытное древнее суждение. В нём говорится, что, когда Всевышний хочет испытать истинность приверженности человека вере, Он показывает ему росписи или картины. В зависимости от того, как откликается душа человека на изображения, Бог или благоволит ему, или обрекает на забвение, ведь кистью настоящего художника водит сам Всевышний.

Внимательно всматриваясь в картины узбекистанского художника Лекима Ибрагимова, я, конечно, понимал, что его работы не выполнены кистью Пророка Мани, но божественная искра, несомненно, коснулась таланта этого мастера! И уже позже меня поразила своеобразная восточная пластика его изображений, присущая только глубинным пространствам Центральной Азии. Всмотритесь, и вы услышите забытые гимны манихеев, где чувственная истома соседствует с всепоглощающей любовью к Иисусу, а фоном служат философские сентенции даосизма. Позднее эта же тема проявится в суфийской традиции, которая следует кораническому утверждению о том, что «...Аллах красив, и Он любит красоту!».

Примечательно, на мой взгляд, что творчество Лекима Ибрагимова позволяет задуматься над очень непростой современной проблемой. Характерной чертой научного поиска последнего времени является исследование вопросов, выходящих за рамки одной науки. В этом случае возникает необходимость синтезировать данные, факты, гипотезы различных областей знания, которые помогли бы получить ответы на эти вопросы. Такой синтез, по сути дела, представляет собой многократный «перевод» предмета обсуждения не только из одной системы понятий в другие, но и на метанаучный, междисциплинарный, уровень. При этом нередко становится очевидным, что часть вопросов, сформулированных в рамках одной науки, проще описывается на «языке» другой.

Владимир КАРАСЁВ. Родился в 1949 г. в Ташкенте. Окончил факультет журналистики Ленинградского университета, исторический факультет ТашГУ (ныне НУУз). Искусствовед, историк, автор многочисленных статей о современной живописи.

Естественно, как при всяком переводе, теряются порой очень существенные (особенно для исторических, гуманитарных дисциплин) нюансы и тонкости. Однако взамен получаем не менее ценное: общую картину разработки проблемы, возможность наметить перспективы её исследования.

Я говорю прежде всего о том: какова структура, функции и содержание индивидуального самосознания любой творческой личности? Как формируется и изменяется «Я» в процессе развития человеческой личности и в истории культуры? Какова зависимость индивидуального самосознания от того или иного типа культурной ориентации?

Первые, едва заметные, намеки на ответы я увидел в том, что Леким, сын Хакима Ибрагимова, появился на свет в Уйгурском районе Казахстана в очень небольшом селении, название которого – «Малый дехкан» – как будто посмеивалось над вселенскими проблемами людей. А проблемы-то были совсем нешуточными для потомственной крестьянской семьи, в которой в год окончания Второй мировой войны и родился Леким. Главное, после чудовишной бойни, пережив изгнание, геноцид репрессий, – выжить, преодолеть суровые, голодные времена. Род не должен прерываться.

Переиначив известное выражение, можно с полным правом утверждать: «Скажи мне, в каком месте ты родился и вырос, и я определю, какой дух в тебя вселился, каким знамением ты осенён!» В творчестве Лекима, благодаря его дарованию, воображению и художественной интуиции, ощущение присутствия духа древней культуры особенно явственно. Кто-то заметил, что он на своих холстах не столько воскрешает реалии истории и культуры, сколько воспроизводит их вековые тайны, масштабность, одухотворённость и поэтичность. «Холсты хранят ощущение неразгаданных сюжетов, давней яркой, самобытной жизни, отблеск погибшей великой цивилизации государства уйгур». Давно ушедший мир для художника стал образом «золотого века», максимально раскрывающего творческие возможности личности, где поэты «слагают мугамы на языке птиц», а художник существует в гармонии с миром, всецело посвящая себя служению искусству.

Каким радостным и чистым очарованием дышат его полотна «Долина познания», «Императрица», «Танец в пустыне», «У ручья», «Схватка со львом», «Всадники», как особо зримо проявляется национальное отношение к живописному творчеству! Школа особого отношения к живописи была выработана Ибрагимовым сначала в училище в Алма-Ате, а потом в Ташкентском театрально-художественном институте им. Островского, где во время его учебы был мощный преподавательский состав и круг особо одарённых сокурсников, которых как будто само провидение свело в одном пространстве под небом, заполненным мифологическими духовными субстанциями, осеняющими и озаряющими, приносящими вдохновение и благодать в идеальный мир, «поселившийся» на все времена на полотнах Лекима Ибрагимова.

Особой творческой озарённостью расцвечены картины «Встреча лошадей», «Конь», «Мустанги», в которых чувствуются неподдельные радостные аккорды души. Вглядываясь в эти работы, вдруг реально представляешь себе: Парчовое Плечо, Белизна в Ночи, Добрая Красная Голова... Вы не знаете, что это? Ну конечно! Ведь для этого надо побывать в Музее Гугун в Пекине! Именно там я узнал, что это имена чудесных лошадей! Там передо мной был развёрнут знаменитый волшебный свиток «Пять хотанских лошадей с конюхами». Но об этом чуть подробнее.

Работая над книгой «Кочевники Внутренней Азии», я изучал материалы со старинными изображениями демонов и лошадей в китайском искусстве. Величайшей ценностью для среднеазиатских кочевников были, конечно, лошади. Издревле существовало целое направление в искусстве – «лошадиное», именно в сунское время сложились все ведущие жанры китайской живописи: пейзаж, так называемая «живопись цветов и птиц», «фигурная живопись», «горная или скальная», «живопись деревьев и воды» и др.

Источники китайской династии Сун (960–1279 гг.) утверждают, что среди послов от страны уйгур, явившихся ко двору императора, был знаменитый врач Нанто, который привёз с собой множество неизвестных китайцам лекарств, а также двух изумительных живописцев с божественными кистями для рисования...

Сын советника Верховного суда позднее стал самым талантливым учеником и последователем уйгурских художников. Ли Гунлинь впитал лучшие традиции искусства живописи Центральной Азии. В древней рукописи «Сюаньхэ хуапэ» утверждается, что этот художник мог написать даже удовлетворение от текущей воды. Писать удовлетворение – задача более сложная, нежели рисовать дерево или цветок, но, видимо, современники улавливали в свитках Гунлиня некое невесомое свойство, некую эманацию духа, схваченную его кистью и брошенную в виде линий и пятен на шёлк.

О таком, почти суеверно-мистическом, отношении к способности Гунлиня «передавать идею» или «схватывать душу» говорит следующий случай в его жизнеописании. Однажды в конюшне императорского дворца он писал лошадей – величественных степных скакунов, доставленных с севера, из Хотана как дань. Служители конюшен, наблюдавшие за его работой, по мере того как работа приближалась к завершению, стали тревожно переглядываться и шептаться. В итоге, не дав художнику закончить этюды, конюхи почтительно отобрали их у него, испугавшись, что ежели он нанесет последние штрихи (по всей видимости, имелись в виду точки в зрачках) и унесёт изображения с собой, то вместе с ним покинут конюшню и души лошадей, полностью перешедшие в воссозданные художественные образы...

Леким Ибрагимов в своём искусстве, несомненно, синтезировал опыт ряда художников предшествующих эпох и, выработав собственный стиль, надолго определил общие жанровые особенности той современной линии среднеазиатской живописи, которая имеет древнеуйгурские корни, воспринятые затем китайцами и проявившиеся в китайской живописи. Не иначе как подспудное влияние каких-то глубоко национальных мотивов на генетическом уровне породило изобразительный ряд Лекима. Тема лошадей как классический язык восточного визуального ряда будто наполняет его полотна движением свободолобивого ветра.

Собственный стиль Ибрагимова определяется тонким линейным рисунком с тщательной проработкой отдельных деталей. Возможно, этот стиль следовало бы определить как «поздний баймяо» (в контексте искусства уйгурской провинции Китая). Именно для него характерно сочетание неяркого, недиссонирующего колорита с законченностью чёрного контура, нарисованного тонкой кистью. Именно линия у Лекима служит главным средством выразительности. С помощью линейных разработок он komponует форму и вместе с тем передаёт характер изображаемого. Это особенно объёмно проявилось в его картине «Сон» (2007 г.). Но еще ранее большое полотно «Танец под луной», созданное в 1999 году, явственно продемонстрировало влияние скрытых этногенетических посылов в творчестве художника. Его восточные «три грации», как эхо

ушедшего в небытие манихейства, демонстрируют священнодействующие фигуры, исполняющие мистерию на тему Луны, красоты и страсти. Маргиланские шелка на красавицах только подчёркивают связь Пространства и Времени.

Спустя пять лет Леким создаёт большой холст «Похищение. Азия», где сюжет воспринимается в контексте идейного искусства императорских дворцов, а техника исполнения и сюжет картины увеличивают и без того большой творческий диапазон маэстро до всепланетарных масштабов. Кентавры евроазиатских номадов во взаимодействии с исламскими ангелами, обрамляющими земное бытие, наполненное пышнотелыми ренессансными красавицами, вводят нас, зрителей, в новое, утончённое, философское измерение.

Как историк, я знаю, что разрушение космологической модели мира с её ориентацией на воспроизведение неизменных сакральных образцов и появление множества точек отсчёта, а соответственно и множественности социальных норм, привело к изменению психологических механизмов социального контроля. Переориентация ценностей, сопровождавшая переход от космологического к историческому мироощущению, столь явственно присущая истинному манихейству, привела к тому, что человек – последний член космологического ряда – стал первым в исторической модели мира, что отчетливо прослеживается в произведениях живописного искусства. Пусть это проявляется и неосознанно (бесспорный показатель генетической талантливости Ибрагимова!), но именно этот процесс, отображенный в работах маэстро, затронул систему пространственно-временных связей.

Однако только в том случае, если в основе организации лежат не безусловные (какими, по сути дела, являются индивидуально-природные различия), а условные признаки, имеет смысл говорить о социальной организации коллектива, в котором живёт и творит художник.

На определённой стадии развития общество выделяет внутри себя людей для исполнения особой культурной функции – осуществления контроля над информацией. Действительно, любое произведение искусства есть не что иное, как информационный блок, который вследствие своей значимости входит в исторический контекст или служит побудительным мотивом для этого.

Когда историк рассматривает типологию культур, критерием которой является отношение к «Я», то обычно он решает проблему этнокультурного статуса как в синхронии (т. е. в этнокультурном пространстве), так и в диахронии (т. е. в историческом пространстве). Некоторые исследователи выделяют три основных типа культурной ориентации, наиболее отчётливо представленных в истории европейской, древнекитайской и индийской культур: ориентацию «на посястороннюю самореализацию, опредмечивание "Я"; на подавление и отказ от индивидуальности в интересах социума; на автокоммуникацию и растворение "Я" в универсальной духовной субстанции»¹. Однако, на мой взгляд, существует ещё один тип культурной ориентации – евразийский, где элементы мировоззрения кочевнического социума на всём историческом пространстве цивилизованного мира сыграли существенную (абсолютно не оцененную по достоинству современными учёными) роль.

Разумеется, для любого художника понятие «государственная граница» настолько погранично абстрактному, что его не выразить даже величайшим абстракционистам (простите за каламбур!). В сознании истинного художника

¹ Кон И.С. Открытие «Я». М. 1978. С. 140.

пребывает национальный дух, не зависимый от административных областей. Родившись и будучи воспитанным в пространственной среде казахов, Леким творит уйгурскую красоту на земле современных узбеков. Таким образом, происходит неосознанная самоидентификация художника как носителя исторической памяти, хранителя культурных традиций. Насколько разнообразно это происходит, мы можем судить по картинам Лекима Ибрагимова, помня при этом, что существует прямая зависимость между символизацией социального пространства в культуре и социальной мобильностью человека. Несомненно, что культурная традиция, сохраняющаяся, вероятно, на генетическом уровне, отчётливо проявляется в различном понимании соотношения жизни и смерти.

Существует поразительное предание о том, как умер, а может быть, и нет, славный У Дао-Цзы¹, знаменитый китайский художник, который продолжил технику и манеру Турфанских живописцев. Говорят, в присутствии зрителей и друзей он стал рисовать на стене пейзаж, а потом вдруг чудесным образом вошёл в написанную картину, пропав в изображённой на ней пещере, затем исчезла и сама картина...

Чувствуете, какая красота заложена в этом предании? Благоговение перед Природой, и, как справедливо отмечал Герман Гессе, стремление связать её с духовной жизнью отдельного человека так близко, так естественно, что чуждо и странно в нашу эпоху и для нашей культуры.

Сегодня, к сожалению, следует заметить, в моде провозирующая эстетика, когда Богом данное понятие «Искусство» попросту неприменимо к тем, с позволения сказать, «творениям», которые заполняют новомодные художественные салоны. Для таких «творцов» национальная самоидентификация неприемлема. Ярким примером тому является один из новоявленных «пророков искусства» – Херст, который затолкал быка в аквариум с формалином и продал «произведение» за 24 миллиона американских долларов! Не обладая изощренной фантазией, всякий может поучаствовать в подобном созидательном творчестве, наклеив на фанерку размером 50х50 сантиметров кучу сушеных мух (как это «художественно сотворил актуальный пророк инсталляций», потребовав за шедевр на аукционе «Кристи» 600 тысяч долларов) и быстро и вознесясь благодаря этому прямехонько на пьедестал «вечного искусства».

В «новом искусстве» Ибрагимова совершенно иная нравственная доминанта, и рассматривается оно не иначе как искусство духовных традиций, не имеющее ничего общего с «модными течениями». Конечно, Леким Ибрагимов – человек своего времени, и вместе с тем художник на все времена. Если подольше задержаться у его картины «Ангелы предков», написанной в 2008 году, можно услышать, как художник говорит с нами о чутком, трепещущем мире кочевнического пространства, наполненного шатрами, красотой, раздумьями о Вечности, о нас с вами.

Тема преданной и возвышающей любви не исчезает с полотен мастера. «Всадница», «Отдыхающая дама», «Хотанка», «Весна», «Сон девушки» – все эти работы пронизаны затаенным утончённым эротизмом Востока. Любопытное открывающейся красотой и ликование от ее постижения вдохновляют мастера. Женщина в его работах всякий раз личность индивидуальная, и в тоже время обобщенная, вознесшаяся до звучания музыки.

¹ У Дао-Цзы (ок. 700–760 гг.) – величайший художник средневекового Китая; его кисти принадлежат буддийские фрески, портреты и пейзажи.

Зыбкие очертания героев полотен Лекима отделяются от фона и «удерживаются» линией с разным тональным нажимом, превращаясь в каллиграфический тамгообразный знак, что подчёркивает эмоциональную насыщенность сюжета. Это индивидуальная манера Ибрагимова. «В быстрых росчерках его кисти угадываются решительность или нежность, покой или взволнованность». Художник внутренне свободен. Эта свобода определяет акт творчества талантливейшего поэта кисти.

В последние годы широкую известность (можно смело сказать – во всём мире!) получило его оригинальное творение – мегаполотно из громадного количества отдельных холстов, соединённых воедино. Размер живописного полотна составляет 8 метров в высоту и 66 метров в длину. Картина написана на холсте маслом по традиционным технологиям живописи. Леким Ибрагимов утверждает, что его творение есть не что иное, как «визуальный эпос», древняя песня, которая прозвучит над теми городами, где будет проходить выставка этой умопомрачительной картины. Однако конкретика эпического содержания никак не читается.

Это, мягко говоря, своеобразное полотно, которое называется «Тысяча ангелов и одна картина», порождает самые разные эмоции у зрителя. Картину показали в Праге, Мадриде, Флоренции...

Не совсем понятен этот порыв неординарного художника. Что это? Стремление к оригинальности, к установлению своеобразного рекорда (полотно, кстати, было признано самой большой картиной, написанной на холсте маслом одним художником. Официально данный рекорд подтверждён в 2013 году в Москве генеральным директором международного российского агентства регистрации рекордов «Интеррекорд») или для удовлетворения собственных амбиций? Вопросов много. Духовность? Но она не подтверждается количеством поклонов во время молитвы. Можно написать «Монну Литту» («Мадонну Литту»), которая своими умещается в простом школьном портфеле, и все же навечно провозгласить божественное и прекрасное!

Хотя все работы Лекима немногословны, но в них заложена идея связи прошлого с настоящим через лаконичный язык смелых мазков, которые он иногда прочерчивает ясной чёрной линией, как бы выделяя существенное. Изысканный и скоротечный мир, в который нас вводит Маэстро, изображён без уплотнения цвета, и условные, слегка стилизованные формы как эфемерная и истинная «мая». Это как генетическая связь между былым и нынешним, между мыслью, которая становится достоянием эфира земного, и нервным импульсом руки, держашей кисть.

Леким всегда в поиске свободы мысли, а Свобода – это и есть Истина!

Историей доказано, что художники не умирают – они уходят в свои творения, оплодотворенные глубокой философией любви к человеку и всему человеческому. Встреча с Лекимом Ибрагимовым не закончена, она, как свидание с прекрасными помыслами, будет повторяться вновь и вновь...

С высоты и в людской толпе

ЖАМОЛИДИН МУСЛИМ

Хокку

Оба в трещинах от войн:
И череп воина,
И шар земной.

Не ори в кувшин
О горестях своих.
Эхом отзовется: «Ха! Ха! Ха!»

Из дерева и колыбель, и гроб.
В одной тепло, в другом...
Придет мой срок – узнаю.

Люди, как воробышки,
Чирикают, чирикают...
А там, глядишь, – и перьев нет!

Не тревожьте, коль усну!
Я только в снах
Блажен любовью...

Но как тонко (вот шельмец!)
Ткёт словесные шелка
Этот стихотворец!

Когда в жилах гнев гарцует,
Окунаюсь в смех сквозь слезы.
Охлаждаюсь...

Всё думаю и думаю...
Какой заумью удивить
Тупого от рождения?

Я приветствую Маяковских!
Скромность – украшение таланта,
Не суть его.

Стихоплёт
По лужице поэзии
Лебедем плывёт!

Поэт – самурай.
Как шилом, тонким словом
Жестокое сердце пронзил!

Шепчут мне: «Терпенье – золото».
Обнишал. Невмоготу. Ору:
«Где ты, золото, аууу!..»

Не сплю. Бастую!
В снах шельмую честь людскую,
Над совестью смеюсь.

Живу ребёнком в колыбели жизни.
Обман баюкает меня.
Разбуди меня, гром!..

Жамолидин МУСЛИМ. Родился в Намангане. Окончил Индустриально-технологический институт. Публиковался в республиканских журналах и газетах. Член СП РУз и творческого союза при АХ РУз. Автор многочисленных сборников стихов, лауреат областной премии им. Б. Машраба (1994 г.). Ответственный секретарь отделения СП РУз Наманган. обл.

* * *

Прямо на глазах шерстеет
Наш шальной когтистый мир.
Стынет совесть. Каменеет.

* * *

Сам себя загнал в тупик.
И спросил втихую:
«Так кто же это Я?»

* * *

Не нравится мой стих?
Прекрасно! Не под всякую
Музыку сердце поёт.

* * *

Святой – изначально печален.
Хо! Только с дьяволом в душе
Человек смеётся.

Перевод Марата КАМОЛА.

Сонеты

* * *

Я смирился с тем, что больно,
Совесть беспощадно судит.
Сны, как отзвук колокольный,
Пронеслись. И снова будни.

Наслажденье по минутам,
Накопилось – стало часом.
Не встречающие утро
Умирают раз за разом.

Как осенние листья,
В мире, выпотрошенном болью,
Гибнут светлые мечты,
И душа скорбит в неволе.

Но когда-нибудь горе, ненастье
Разметает мятежное счастье!

* * *

А ты, как цветущая роза,
Разлука – мучительный мед.
Твои лепестки, словно грезы,
Растопят в моем сердце лед.

Пусть спустятся звезды на землю,
Они озаряют твой путь.
Мечтам я с волнением внемлю,
И счастьем наполнена грудь.

Все тело застыло в томленьи.
Мир замер. Одно ожиданье.
Как парусник в море волненья,
Надежда на наше свиданье.

И в этом мучительном беге,
Сольются два сердца навеки.

* * *

Не забудьте меня, городские сады,
Напоившие сладким волненьем.
Вы, как вечный источник священной воды,
Возродили в душе вдохновение.

Как безумный бродил по аллеям садов,
В листьях мир мне чудесный открылся.
Я воспел красоту молодых лепестков
И отчаянно бабочкам нежным молился.

В их извечном порханье с цветка на цветок.
Мне открылась великая сила природы,
Истерзал мое сердце
Сомнения волк.

И в смертельном томлении
Вспомнится вновь
Та любовь, что пронес я сквозь годы, –
Аромат наманганских цветущих садов.

Перевод Галины СОРДОБИНСКОЙ.

СТРУНЫ ДУШИ

Известный журналист Иззатила Тошпулатов вспоминает: «В комнату вошел черноглазый худощавый паренек, сказав, что пишет стихи, стеснительно протянул несколько листочков. Взяв их и быстро пробежав глазами рукопись, я попросил подписаться под черновиками. Это было в 1980-х гг., мое первое знакомство с Жамолидином Муслимом. Стихи напечатали в газете «Истиқлол» в рубрике «Авторнинг илк шеъри». После публикации от любителей поэзии стали поступать письма с просьбой рассказать о молодом поэте. Мы дали краткую биографию Ж. Муслима, фотографию и пожелали от имени литературного объединения «Илҳом» творческих успехов юному дарованию. С тех пор прошло более тридцати лет... И сегодня с уверенностью и радостью можно отметить, что творчество того скромного паренька, считавшего поэзию неотъемлемой частью своей жизни, с годами окрепло, набрало силу, пустило корни».

С того времени стихи Ж. Муслима регулярно печатаются в известных областных и республиканских изданиях, в таких крупных журналах и газетах, как «Ёшлик», «Шарқ Юлдузи», «Ёш куч», «Гулистон», «Туркистон», «Ўзбекистон овози», «Ёзувчи», «Хуррият», «Ўзбекистон адабиёти ва санъати» и многих других.

Более чем за 30 лет работы Жамолидина Муслима увидели свет сборники «Кўкка урлаётган изтироб» («Ёзувчи», 1992 г.), «Қалб истехкоми» («Наманган», 1998 г.), «Муҳаббатли манзиллар» («Ҳаёт», 1999 г.), «Биллур навқиронлик» («Наманган», 2004 г.), малое избранное «Тукилмас япроқлар» («Наманган», 2008 г.) и др.

Лирико-философские стихи Жамолидина Муслима отличаются искренностью, некой недосказанностью. В них каждый найдет отклик на свои чувства, мысли, они порой трогают самые потаенные струны души, даря надежду и вдохновение. Его размышления о правде и справедливости, добре и зле, свободе и независимости заставляют читателей задуматься, призывают к безграничной преданности и любви к родному краю, к своим национальным истокам. Только в мире и согласии могут быть счастливы люди. Мир – необъятен, Родина – едина, семья – священна, человек же – безмерно велик. А в извечной борьбе противоположностей такие понятия, как честь, совесть, добродетель непреходящи и способны взять верх над злом. На этих вечных неизменных духовных ценностях держится мир.

При первом знакомстве, общении с Жамолидином Муслимом поражают добрые доверчивые глаза, глядящие с надеждой на понимание, зашиту. Но это не детскость, а чистота и непосредственность талантливого человека, сильного и хрупкого одновременно. Сильного силой таланта, крепостью внутреннего стержня, хрупкого из-за обнаженности души, свойственной творческим натурам, а значит, незащищенной, требующей, нет, душа поэта слишком деликатна, чтобы требовать, нуждающейся в бережном к себе отношении.

Душа поэта Жамолидина Муслима – в его произведениях. Порой она кровоточит, размышляя о Родине, смысле жизни, суетности мира, событиях давно ушедших лет, порой, словно бабочка порхает в лучах весеннего солнца, открывая великую силу природы. А то вдруг радуется нахлынувшему счастью, познавая волшебный мир любви, или изнывает от боли в мыслях о неизменных спутниках в тоске и разлуке.

Ж. Муслим освоил один из сложнейших жанров поэзии – сонет, о котором мы знаем благодаря переводам бессмертных произведений Франческо Петрарки, Вильяма Шекспира. Одним из основателей узбекского сонета является Усмон Носир, яркими последователями его по праву считаются Барат Байкабулов, Рауф Парфи, Абдулла Шер. Достойное место в этом ряду занимает и наш земляк.

Плести венки сонетов, искусно перемежая нити повторений и новых образов, при этом строго выдерживая конечный красивый рисунок стихотворного кружева, идею, сохраняя гармонию всего произведения, – очень сложное искусство и, несомненно, свидетельствует о таланте. Поклонники его поэтического творчества тепло встретили выход в свет венков сонетов «Оврупа. Ўрта аср. Уйғониш даври», «Ошиқнома» и

«Мухаббатга қасида». В частности, масштабное по своему идейному содержанию произведение «Оврупа. Ўрта аср. Уйғониш даври» призывает ценить наставления предков из глубины средних веков, изучать их опыт. Переплетая события давно минувших дней с реалиями сегодняшнего дня, поэзия Ж. Муслима учит своевременно делать необходимые исторические выводы, дабы не совершать ошибок прошлого в будущем.

*А Солнце обязательно взойдет,
Тьмы пятна черные сотрет.
...И камни горные вдруг зацветут...*

Большое влияние на произведения Ж. Муслима оказало творчество японских писателей Мурасаки Сикибу, Кобо Абэ, в особенности японский эпос «Гэндзи моногатари». Интересны прицельные, мощные, порой до слез пронзительные, но неизменно емкие образы, присущие хокку – одному из любимых жанров, в котором творит поэт.

*В утробе ласковой Вселенной
Ты – о дивный человека Мир!
Утихнешь ли?*

В соавторстве с Мухаммадом Мирзо написаны трагедии «Усмон Носир», повествующая о нелегкой судьбе репрессированного в годы сталинизма узбекского поэта и многих его современников, и «Оқ марварид», призывающая в погоне за прибылью не забывать о совести, чести, простых человеческих качествах, делающих нас людьми.

Знарок классической и современной, русской и европейской, мировой и национальной поэзии Жамолиддин Муслим известен и своим переводческим талантом. Известно, что реальную картину прекрасного не раскроет сухой дословный, построчный перевод. Чтобы максимально точно передать мастерство автора оригинального произведения средствами другого языка, необходимо понимать образ жизни, мысли, переживания народа, красоту природы, неповторимость края, описываемых в произведении, а также учитывать все особенности, тонкости и богатство языка, на который переводишь. Его переводы с русского, турецкого и других языков отвечают всем этим требованиям. Благодаря Ж. Муслиму узбекский читатель узнал творения великого татарского поэта Габдуллы Тукая, татарских поэтов Хасана Туфана, Зулфата Маликова, стихи казахских поэтов Усена Умурзакова, Райхан Боботоевой.

В свою очередь отдельные стихотворения Ж. Муслима переведены на казахский (переводчик Мадир Уктам-угли), русский (переводчики: поэтесса Галина Сордобинская и Марат Камол) языки.

Ж. Муслим внес серьезный вклад в машрабоведение, обнаружив неизвестные до селе газели великого предка и осветив их в периодической печати. Его перу принадлежат многочисленные заметки, поэмы, афоризмы. Среди героев его поэтических и журналистских творений не только легендарные, но и реальные исторические личности – Алпомыш, Машраб, Мухаммад Бабур, Амир Темур, Хилвати, Рафик Мумин, Фазли Намангани, Джалолиддин Мангуберди, Мирзо Улугбек, Алишер Навои и пр.

С марта 2011 года Жамолиддин Муслим руководит Наманганским областным отделением Союза писателей Узбекистана. Все эти годы насыщены яркими событиями, творческими успехами. Благодаря организованным дням детской литературы десятки юных дарований из нашей области имели возможность пройти семинар и мастер-классы мастеров литературы Икбола Мирзо, Сирожиддина Сайида, Усмона Азима, Мухаммада Али и др. в Доме творчества Союза писателей Узбекистана «Дурмон», ознакомиться с уникальными достопримечательностями столицы. Участие в республиканском семинаре «Истеъдод мактаби – 2» укрепило веру в себя у начинающих авторов.

Областное отделение Союза писателей Узбекистана проводит вечера памяти, творческие вечера, различные культурно-просветительские мероприятия. Жамолиддин Муслим полон планов и творческих идей.

Камила МУМИНОВА

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА

ДИЛАРАМ АЛИЕВА

12 декабря 2018 года исполнилось 90 лет со дня рождения Чингиза Айтматова, выдающегося писателя и общественного деятеля современности.

Юбилейные даты – это всегда повод заново погрузиться в художественный мир писателя, ощутив своеобразие его видения мира.

Художественный мир Чингиза Айтматова, внутренне цельный, последовательный и логичный, уникальный, неповторимый, привлекает своей многогранностью и убедительностью. В современном айтматоведении прочно утвердилось такое определение, как планетарный масштаб.

В конце прошлого века после почти десятилетнего творческого молчания Айтматов написал роман «Тавро Кассандры», о котором сказал, что он стал писательской попыткой подойти к ряду глобальных проблем современности вплотную, что называется, «в горячей наковальне событий».

В 80–90-е годы стремительно уходила целая эпоха, и писателям необходимо было осмыслить происходящее, найти точку опоры и отсчёта. Новый роман Айтматова «Тавро Кассандры» явился отображением этой непростой эпохи и вообще квинтэссенцией творчества Айтматова. Думается, что это синтез ранее сделанного и достигнутого писателем и вместе с тем новая ступень художественного осознания действительности.

Главный герой романа «Тавро Кассандры» Андрей Крыльцов, его церковное имя – Филофей. Айтматов тщательно подбирает имена своим персонажам. Известно, что в истории русской православной церкви было несколько служителей с этим именем. Трудно сказать, был ли один из них прообразом айтматовского персонажа. Но любопытно, что в XVI веке жил русский религиозный писатель, публицист, монах псковского Елеazarова монастыря по имени Филофей, в своих посланиях и письмах он настаивал, что Москва – «третий Рим». Послания составляют часть письменной культуры человечества, в данном случае эпистолярной. Письмо Филофея к Папе Римскому – возможность поделиться тревогой за сегодняшнее и будущее человечества.

Жизнь главного героя романа «Тавро Кассандры» Андрея Крыльцова – Филофея – заканчивается его добровольным уходом из жизни: он отправляется в открытый космос: «<...> никто так не умирал. И летает сейчас Филофей где-то над миром космической мумией, единственный в своем роде самоубийца

Диларам АЛИЕВА. Кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы НУУз, литературовед, автор научных статей о литературном процессе XX века.

за пределами планеты»¹. Самоубийство Филофея – выход для него, как он сам объясняет, из сложной дилеммы, перед которой он поставил себя в результате своего научного эксперимента. Его открытие может обернуться большим злом для всего человечества.

Сюжет простирается в земном и космическом пространствах. Художественные образы, созданные писателем, предлагают разговор о вечных проблемах бытия, не раз поставленных в литературе. Айтматов создает свой вариант интеллектуального романа, в котором соединяются музыка Шостаковича, японская философия, мировой океан, научные открытия, политика, демонстрации протеста и многое другое. В романе жизнь личности и общественная жизнь предстают как относительно самостоятельные ипостаси, но жизнь всякой личности, будь то Борк, Юнгер, Филофей, раскрывается с выявлением ее общественного смысла. Типичная романная ситуация – столкновение в герое общественного и личностного, социальной и природной сущности, наполненной конкретно-историческим содержанием и воплощенной в жанровой модификации. «Жизненный цикл» становится центральным, многообъемлющим образом поэтики не только данного романа, но и всего творчества Айтматова. Композиционная организация поэтического мира романа восходит к триаде «человек-земля-вселенная».

Непростые, тревожные мысли одолевают Крыльцова. Его душевному разладу противопоставлено вечное размеренное состояние природы. Уезжая с работы после тяжелого дня, он привычно вглядывается в красоту окружающего мира: «Красивые здесь места и зимой, когда леса и пригорки в белых снегах, как и во сне, и летом, когда зеленое цветение достигает своего апогея, когда за лесом вдруг выгянет на несколько секунд неожиданное видение – сияющий изгиб Москвы-реки. Восхитительная магия воды, неба, леса; я всегда старался не пропустить этого мгновения, чтобы глянуть через стекло и умчаться дальше, сохраняя пред взором оставшееся позади» (с. 201). Художник Айтматов в который раз находит ответы на сложнейшие вопросы бытия в гармоничном мире живой природы, он умеет так выстроить пейзаж, что душевное состояние его героя обретает реальные черты. Крыльцов, наслаждаясь знакомым пейзажем, через какое-то время уже не сможет бывать здесь, потому что эти места станут местом гибели Руны Лопатиной, зэчки-оппозиционерки: «Такие личности появляются во все времена в радикальных кругах, в оппозиции, духовной, политической, правительственной» (с. 99). Именно такие люди и являются двигателями духовного прогресса. Литература знает много примеров подобного типа героев: Гамлет, сомневающийся в возможности бунта против «моря смут», умом понимающий, что бунт неизбежен; Чацкий, который смог осмеять всех и вся; Обломов, ушедший от реальности в сон, и т. д.

Андрей Крыльцов, как и многие другие герои Айтматова, – человек мыслящий и созидающий, пытающийся определить смысл своего существования и свое назначение.

«Тавро Кассандры» представляется итоговым произведением, потому что, синтезировав достижения предшествующего творчества, Айтматов вышел в романе на новый уровень художественного осознания действительности. Потом появятся «Белое облако Чингизхана», «Когда падают горы». Погибла Руна, выполнив свою миссию, ушла, как бессмысленная, идея об иксродах, ушел Крыльцов, осознав непоправимость того, что он натворил своим открытием, погиб Борк, в конце концов, погибла, распалась огромная страна со своей

¹ Чингиз Айтматов. Тавро Кассандры. – М., 1995, с. 210. (Далее цитаты из «Тавро Кассандры» приводятся по данному изданию с указанием в скобках страницы).

историей. Так что же осталось? А осталась сама природа, и никто не нарушит естественный ее ход: «Неужто и в космосе слышится ему хруст снега под ногами его матери, несущей его к детдомовскому крыльцу? Неужто и в космосе слышится ему, как гулко бьется сердце матери, несущей его в последний раз, прижимая к груди?...» (с. 210). Природа – один из центральных образов айтматовской прозы. Место действия в произведениях Айтматова безгранично, это вся планета как единое место обитания человека, где сосуществуют нации, религии, история.

Один из главных персонажей в романе «Тавро Кассандры» – футуролог Роберт Борк. Он летит в самолете над океаном, любясь им, но, если вдуматься в первую фразу, можно уловить мысль Айтматова о неизбежном конце. Конце чего? «...Океан – это хранилище всемирного потопа, грядущего и скорее всего неизбежного...» (с. 11). В этом океане обитают киты, обладающие удивительным свойством – способностью к групповому самоубийству. Киты, как и дельфины, обладают разумом, подобно человеку, но им мешает общаться с человеком отсутствие речи. Способность мыслить определяет их поведение. В романе Киффер, ученый из Австралии, пришел к потрясающему выводу, что самоубийство целого стада китов есть «реакция мирового разума на земные события» (с. 44): «...киты – это живые радары в открытых океанах, это улавливатели подспудных сигналов космоса; быть может, именно они, киты, первыми узнают, когда назревает извержение вулканов, и безмолвно режут от напора внутриземной энергии» (с. 45). В науке это достаточно обоснованная гипотеза, ведь не раз писалось о том, что животные обладают свойством предчувствовать катастрофы. Айтматов и в этом произведении вводит образ китов, совы, как он вводил в свои произведения Гульсары, Рогатую Мать-Олениху, Каранара и пр. В поэтической структуре художественного мира писателя конкретные образы природы – один из сильнейших элементов. Отношение человека к природе изначально связано с общинно-родовым сознанием и тотемизмом. У каждого народа выработана своя концепция взаимодействия человека и животного.

Для исследователей творчества Айтматова образы природы являются плодоносящей нивой (К. Асаналиев, П. Мирза-Ахмедова, А. Марушиак, Л. Лебедева, В. Левченко и многие другие), так как в произведениях Айтматова обращение к образам природы и животного мира – излюбленный приём, характерный для поэтики автора.

Проследивая эволюцию образов природы, можно увидеть, как усложняется поэтический мир Айтматова, как замысел, идея каждого произведения приобретают объемность, значимость, переходят в разряд вечной нравственно-философской проблематики планетарного значения. Выявление кассандро-эмбрионов – это тоже не частная проблема, она всколыхнула весь мир: «И катилась луна в чреве ночи, неуклонно проделывая свой извечный путь над Землей в отведенные на то неукоснительные часы и минуты. И много зачатий, состоявшихся той ночью, были тотчас вовлечены лунным притяжением во вселенную субстанцию, в продолжение круговорота вечности – рождения и смерти» (с. 64). В этот неизменный порядок природы вкрадывается теория Филофея. «Но, вопреки закону вечности, уклоняясь от зова жизни, объявились в черед зачатий той ночью и генетические нигилисты – кассандро-эмбрионы. Объявились, чтобы с помощью филофеевых зондаж-лучей передать изнутри внешнему миру свою безмолвную просьбу – просьбу разрешить им удалиться от жизни» (с. 64).

Далее в романе описывается движение китов в океане. Композиционно это описание акцентирует идею романа. Подобно зародышу, который не имеет еще

способности говорить, киты могут дать только знак, сигнал, но и зародыш, и киты обладают способностью чувствовать, понимать то, что вызывает у них протест. Только смерть в такой ситуации может стать избавлением. Роберт Борк, Оливер Ордок, Филофей оказались теми людьми, которые считают, что все на планете взаимосвязано. Борк – футуролог, и его волнуют вопросы будущего, Ордок – политик, у него политические заботы, Филофей – ученый, сделавший открытие, все они так или иначе влияют на судьбу человечества. Борк – американец, Ордок – венгр по происхождению, Филофей – русский. В этом есть определенный смысл. Айтматов давно уже стал писателем межнациональным, планетарным, свободно владеющим духовным наследием разных наций. Это помогало ему объединить в одно целое и христианские мотивы, и фукуямовскую теорию, и Мефистофеля, и Фауста, и древний киргизский плач, и армянские рукописи, увидеть их гуманную суть, ведь человек остается человеком независимо от веры, нации, расы, эпохи. И в этом тоже планетарность Айтматова.

Роман Айтматова «Тавро Кассандры» – продолжение его исканий в единении духовных устремлений каждой нации, переплетении судеб людей, единства с природой: без природы мир неполноценен, она помогает понять смысл и значение тех или иных событий, например, гибель Борка и акт групповой гибели (самоубийства) китов. Борк знает, что его выступления по поводу кассандро-эмбрионального учения будут поняты неверно: «Размышляя над жизнью человеческой, Роберт Борк, однако, не предполагал, насколько та самая жизнь, которую он под впечатлением письма Филофея пытался аналитически осмыслить, чревата необъяснимым, непредвиденным, насколько она противоречива, коварна, крута» (с. 62). И далее: «Не предполагал он, в частности, что с того часа, как он в разговоре с Оливером Ордоком, боровшимся за президентское кресло, высказал свое отношение к открытию монаха Филофея, судьба его была предрешена. С этого часа судьба его оказалась зависимой от судьбы Ордока. А, с другой стороны, также совершенно немислимым образом оказалась увязана с судьбой Филофея, находившегося в тот час на орбите, в космическом уединении, в свою очередь, не ведавшего о Борке ни сном ни духом» (с. 63). Продолжая эту мысль и возвращаясь к образам природы в произведениях Айтматова, приведем еще одну цитату, которая завершает этот эпизод и является мостом к следующему – о сове на кремлевской башне: «И сидел той ночью у компьютера футуролог Роберт Борк в тревогах, сменявшихся надеждами, в надеждах, сменявшихся тревогами. И плыл он среди китов в океане, и киты знали, что он плывет вместе с ними. И так они плыли вместе, ибо судьба его и судьба китов все более переплетались... Плылось ему в океане так же, как и китам в бурлящих волнах, и так же отражался свет далекого маяка в его зрачках, как и в китовых...» (с. 64). Все многоточия авторские. Буквально в следующем абзаце появится другое действующее лицо романа – сова, свидетельница ночной жизни: «Сове казалось, что она слышит из великого отдаления, откуда-то с другого края света, как в ночном океане плывут киты, как движутся они гуртом, раздвигая гороподобными телами надвигающиеся волны. Вода гудела в бурлении вокруг китов. Вода сопротивлялась их движению, но они плыли, поспешая неведь куда. Тревогой веяло от их вулканически-горячего дыхания» (с. 67). Акценты расставлены четко: сова тоже «думающее» существо, способное мыслить, но не способное говорить. Не случайно она – символ мудрости. От аллегорических образов Айтматов возвращает нас в реальность, где идут выборы, люди заняты повседневными заботами. Так мы знакомимся с бытом Роберта Борка, но эстетика айтматовского художественного мира предполагает

элементы ассоциативной образности. Вспоминается главный герой романа Чингиза Айтматова «И дольше века длится день» – Едигей. Имя это как нам представляется, не случайно, как и имя Филофей. Ономастика проливает свет на события, изображенные в романе.

В средние века существовал эпос «Едигей», наименее изученный среди тюркских эпосов. История его связана с именем Чокана Валиханова, который записывал его. Одна из его записей – «Сказание о Едигее и Тохтамыше» – была издана в 1905 году в Санкт-Петербурге. В этом эпосе мы встречаемся с рядом исторических лиц – Тохтамышханом, Темуром. Известно, что Едигей служил сначала у Тохтамыша, а затем у Темура. Родословная средневекового Едигея, потомка туркестанского святого Ходжи Ахмада Ясави, которого почитал Темур, обстоятельства его жизни помогают характеризовать созданного Айтматовым героя. Сколько веков, стран, событий объединяет этот образ, ассоциируясь с самыми различными реалиями! Это свидетельство широты художественного мышления писателя.

Как Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, Айтматов обращается в своих произведениях к вопросам религии. Однако, если для них Бог – это часть национального мировоззрения, то для Айтматова обращение к образам Христа, Филофея, Папы Римского – это часть его поэтического мира, выполняющая определенные функции, подобно мифу о Рогатой Матери-Оленихе, песне о Карагуле, преданию о кладбище Ана-Бейит. Она воспринимается как особая форма художественного мышления и художественного обобщения огромного планетарного масштаба.

Сцены размышлений, бесед и споров о Боге, об истинном предназначении человека на земле в романах Айтматова «И дольше века длится день», «Плаха», «Тавро Кассандры» наполнены философским содержанием. Нравственные позиции Понтия Пилата и Иисуса Христа, Авдия Калистратова и Гришана различны. Очевидно, что для Иисуса и Авдия, главное – это самопожертвование, стремление к раскаянию, а для Понтия и Гришана – личная выгода. Показывая гибель Христа и Авдия, Айтматов драматизм этих сцен передает в эпизодах вынужденного убийства Бостоном «матери всего сухого» и своего маленького сына Кенджеша. Публицистически страстно звучит голос автора, преднамеренно создавая аналогию с концом света, апокалипсисом: все сместилось, переплелось в созданной поэтической модели мира, где кара настигает и правых, и неправых... Все в ответе! В заключительной части романа «Плаха» Бостону пришлось пережить это в полной мере: «Вот и конец света, и ему открылась страшная истина: весь мир до сих пор заключался в нем самом и ему, этому миру, пришел конец. Он был и небом, и землей, и горами, и волчицей Акбарой, великой матерью всего сухого, и Эрназаром, оставшимся навечно во льдах перевала Ала-Монгю, и последней его ипостасью – младенцем Кенджешем, подстреленным им самим, и Базарбаем, отвергнутым и убитым в себе, и все, что он видел и что пережил на своем веку, – все это было его вселенной, жило в нем и для него, и что теперь, хотя все это и будет пребывать, как пребывало вечно, но без него – то будет иной мир, а его мир, неповторимый, невозобновимый, утрачен и не возродится ни в ком и ни в чем. Это и была его великая катастрофа, это и был конец его света».¹

Читателю остается наслаждаться сюжетами, образами, стилистикой произведений Айтматова, соприкасясь с его огромным художественным миром. И вслед за ним верить в неиссякаемость человеческого гения, в приливы и отливы истории, в силу духа и разума!

¹ Ч. Айтматов «Плаха», с. 299.// В кн. Ч. Айтматов. Плаха. Нукус. Каракалпакстан. 1988.

ХАБИБ СИДДИК

ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ

Литературные миниатюры

НА БАЗАРЕ

- Я тоже умею считать деньги, ака. Слишком мало даёте.
- Не-е-е, я неплохую цену предлагаю.
- Для вас, конечно, может, и так. Но мне эти дыни достаются не даром. Я этим семью кормлю, сами понимаете...
- Ну и я стараюсь ради семьи, уступите немножко.
- Я не первый день на базаре, знаю цену своему товару.
- Раз на раз не приходится, вчера подороже, возможно, было, но сегодня не вчера. Ну, отдаёте?
- Цена нукудышная, далека от вчерашней...
- Ладно, не по-вашему и не по-моему – середину возьмём.
- Мало, ака, мало.
- Нет, уступите ещё немного. Не забывайте, что я буду продавать их в розницу, мне тоже что-то должно остаться, у меня тоже дети. Вы, смотрю я, больно прижимистый. Хорошо, конечно, когда знают цену деньгам.
- Физмат как-никак заканчивал, ака. Замон сенга бокмаса, сен замонга бок (Если время не поворачивается к тебе, то ты повернись к нему).
- Да ну! Давайте за пять, это хорошая цена. Я тоже с высшим образованием, политехнический кончал.
- Да неужели?! Ну тогда другое дело, ладно, будь по-вашему. Своему не жалко...
- Хей, братан, помоги разгрузить вот эту машину.
- Не могу, на работу опаздываю, меня в больнице больные ждут. У меня вечернее дежурство в стационаре.
- Ассалому алейкум!
- Ий-е, вы что делаете тут, уважаемый? Материал для фельетона?
- Да нет, просто недавно у нас сокращение штатов в редакции было, вот я здесь и оказался. Берите, вкусная дыня, хотите – я нарежу, попробуйте. Сладкая, как мёд.
- Домла идёт.

Хабиб СИДДИК. Родился в 1953 г. в Андижанской области. Окончил Андижанский сельскохозяйственный институт. Редактор газеты «Қишлоқ оқшоми». Член СП Узбекистана и Творческого союза журналистов. Автор нескольких книг сатирических рассказов и многочисленных научных работ.

- Да, в нашу сторону.
- Дынных точек больно много стало, завтра несколько человек переберосим на тыкву.
- Это кто, ваш старший?
- Да нет, просто... Кто-то ведь должен быть начальником, управлять остальными. Язык у него подвешен, в институте управления кандидатскую защищал, сейчас работает над докторской.

СКОЛЬКО ЕЙ ЛЕТ?

Женщина, перед поездкой не на шутку «помолодевшая» в дамском салоне, кокетливо спрашивает у соседа по купе:

- Сколько мне лет дадите?

Тот, размышляя: «С виду, она уже в возрасте, но женщина есть женщина, нельзя её душу ранить правдой», изрёк деликатно:

– Право, не знаю, трудно сразу вот так вот незнакомой женщине возраст определить ...

– В таком случае, я сообщу вам некоторые сведения о себе, например, моя дочка ходит в садик...

– Неужели? Она, наверное, заведующая детсадом? – спросил он, желая польстить даме.

ДАЛЕКО НЕ УЙДЕТ

Готовя документацию по распределению выпускников, декан факультета спрашивает у одного из них:

- Куда тебя записать, где хочешь работать?

– Наверное, останусь в университете.

– Что-о? Ты в своём уме? Разве можно оставлять таких, как ты, для работы в университете?

- Вы же сами говорили мне не раз, что я далеко не пойду!

ПЛОЩАДЬ ТРЕУГОЛЬНИКА

Пожилый преподаватель, войдя на перемене на кафедру, тяжело опустился на стул, горестно при этом вздохнув!

Один из коллег спросил:

- Домла, чем вы так расстроены?

– Спрашиваю, какова площадь треугольника у студента второго курса – не знает! И как быть?

На кафедре воцарилось молчание. Через некоторое время его нарушил молодой коллега:

– Не надо было такой сложный вопрос задавать, чтобы самому потом не расстраиваться.

ВОЛОСЫ ДЫБОМ

Учитель нарисовал крупную двойку в тетради ученика и добавил:

- Обязательно покажи отцу. Думаю, от этого у него волосы встанут дыбом.

– У отца волосы дыбом встали ещё тогда, когда он услышал цену этой самой тетради в магазине.

ХАН И ЕГО РАБЫ

По долгу службы недавно побывал в Кашкадарьинской области. В одной компании за обедом сидевший рядом со мной начал представлять мне собравшихся за дастарханом:

– Это Кодиркул-ака, – показал он на сидящего рядом с ним, справа – Рахмонкул-ака, дальше – Шодмонкул-ака, Оллокул, Гулям, Назиркул, Аликул, а вот этот молодой человек, – указал он пальцем на скромно расположившегося в сторонке, – Худаярхан.

Я решил сострить, чтобы немножко развеселить компанию:

– Всё правильно, среди стольких «кулов»¹, непременно должен быть и «хан».

Все от души рассмеялись, при этом почему-то поглядывая на того, кто знакомил нас, на Сулайманкула. Причину я понял позже: Худаярхан, оказывается, шофёр Сулайманкула.

У ПСИХИАТРА

Пациент:

– Доктор, помогите, пожалуйста, всю ночь не спал. Приснилось мне, будто бы мою машину угнали.

Доктор:

– У вас нервы расшатаны, усталость. Не волнуйтесь, всё будет хорошо. Я вам выпишу лекарство, недельку попринимайте, старайтесь побольше отдыхать, ни о чём не думайте – и всё пройдёт, встанет на свое место.

Пациент:

– Машина тоже?

Доктор:

– Машина тоже.

Пациент:

– Благодарю вас, доктор, ведь у меня раньше никогда не было машины...

Перевод Кадир НАСИРОВА.

Кадир НАСИРОВ. К. пед. н, доцент НамГУ. Родился в 1947 г. в Наманганской области, окончил факультет русского языка и литературы НамГУ. Автор 200 научно-популярных и научных публикаций, переводчик.

¹ «Кул» – раб.

ФОЛЬКЛОРНЫЕ КОНЦЕПТОСФЕРЫ КОРЕЙСКОЙ И РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

МАРГАРИТА ШИН

Прежде чем рассматривать уникальные и неповторимые национальные культуры, необходимо выявить общие и отличительные черты их ментальности. Термин «менталитет» впервые использовал в 1906 году французский этнограф и социолог Марсель Мосс как синоним понятия «образ мыслей». Основатели журнала «Анналы» Л. Февр и М. Блок использовали этот термин при изучении различных социально-культурных феноменов как отражение «коллективного неосознанного», обращаясь именно к массовым явлениям (например, массовые умонастроения, образ мыслей и чувств, «дух времени», а не только идеи отдельных индивидуумов). Ментальность складывается у народов на протяжении длительного времени. Сушность «ментальности» напрямую связана с категориями «сознания» и «мышления», на которые влияет множество факторов как внутри культуры, так и вне ее.

Например, географически Корея и Россия отдалены друг от друга. Чо Сон – «Страна утренней свежести», как поэтично называли корейцы свою страну, – расположена на самой окраине Восточной Азии. Россия же локализована в центре Евразийского континента и представляет собой интегрированную территорию национальных мультикультур. В религиозном плане между этими странами мало общего. Крещение Руси в 988 году при князе Владимире привело к принятию новой религии и преследованию язычества. В Корее же учение Конфуция формировало мировосприятие народа со времён Трёх Королевств. Глубоко проникнув в сознание народов, религиозные верования сформировали ведущие черты ментальности и философского осмысления мира русского и корейского народов.

Древний период истории человечества – особая реальность. В ней зарождались первые ростки понимания окружающей действительности, попытки противодействия ей. Все это ярко отразилось в сказках, в зарисовках из реальной жизни, скудных по средствам выражения мысли, но масштабных по содержанию.

Типологические соответствия, имеющие место в корейской сказке «Рассказ зелёного лягушонка» и русской сказке «Сестрица Алёнушка и братец Иванушка», помогут нам обнаружить своеобразие отражения корейской

Маргарита ШИН. Родилась в Ангрене в 1996 г. Окончила факультет зарубежной филологии НУУз. Магистрант кафедры мировой литературы (Литературоведение. Русская литература) факультета зарубежной филологии НУУз. В «Звезде Востока» публикуется впервые.

и русской ментальности. Несмотря на то что корейская сказка – сказка о животных, а русская – волшебная сказка, они одинаково отчетливо передают умонастроение создавших их народов, а аллегория позволяет увидеть в образах животных людей со всеми их положительными и отрицательными качествами. Формально обе сказки близки. Зачин в них аналогичен: «Давным-давно жил лягушонок... // Жили-были...». В обеих сказках по два героя: в «Рассказе о зелёном лягушонке» – лягушонок и лягушка-мать, в русской – сестрица Алёнушка и братец Иванушка. Образы лягушонка и Иванушки – главные, несущие основную идейную нагрузку. Примечательно, что это детёныши: лягушонок и ребёнок, поэтому важна тема послушания – центральная в рассматриваемых сказках. Уже в зачине корейской сказки проявилась доминирующая черта лягушонка: «...сын-лягушонок не слушался маму и делал всё наоборот». В русской сказке Иванушка, несмотря на предупреждения Алёнушки, проявляет настойчивость в желании напиться водицы и превращается в козлёнка.

Традиционно сказки построены на повторах. В корейской сказке дано два эпизодических повтора с усилительной функцией (если мама скажет: «Играй в горах». Он играл в воде. // если мама скажет: «Ква-ква», он говорил: «авк-авк»). В русской сказке Алёнушка трижды пытается оградить братца от несчастья. В середине русской сказки – сюжетный спад: Алёнушка и Иванушка смирились и живут в мире и спокойствии, пока Алёнушку не утаскивает за собой в реку злая ведьма. В середине корейской сказки происходит кульминационный момент: мама лягушонка заболевает и умирает. Так мы лишаемся двух женских образов, олицетворяющих заботу, и на передний план выходят главные герои: лягушонок и козлёнок. Действия, которые они выбирают, отражают ментальность народа. Оба подавлены горем, но в поисках спасения Лягушонок пытается исправиться, а Козлёнок просит о помощи сестру, которая и сама находится в тяжелом положении. Страдания героев отражены в песнях, ими исполняемых:

– Ах, братец мой Иванушка!
Тяжёл камень на дно тянет,
Шелкова трава ноги спутала.
Жёлты пески на грудь легли.
И ответ:
– Алёнушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бережок.
Костры горят высокие,
Котлы кипят чугунные,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!

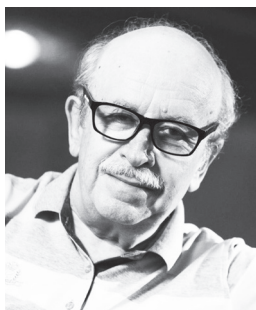
В корейской сказке нет песен. Лягушонок вспоминает последнее желание матери: «Перед смертью мама завешала сыну похоронить себя на берегу реки. Почему она это сказала? Потому что она думала: “Если скажу похоронить себя возле реки, он сделает наоборот и похоронит на горе”». Последний завет передан в предельно понятной прозаической форме. Впервые за всю жизнь лягушонок решил поступить так, как велела ему в последний раз мама,

и похоронить её на берегу реки. Он осознал свою вину и вступил на путь исправления, однако было слишком поздно. В русской сказке с помощью Иванушки было обнаружено, что Алёнушка в реке, он спас свою сестрицу и был за это вознаграждён. Он снова стал мальчиком: «А козлёночек от радости три раза перекинулся через голову и обернулся мальчиком Иванушкой».

Как видно, финалы обеих сказок противоположны. В русской сказке – счастливый конец: Иванушка вновь стал мальчиком, и всё закончилось хорошо. В корейской сказке, несмотря на попытки исправиться и сделать всё правильно, лягушонок наказан судьбой: «И поэтому говорят, что даже и сейчас каждый раз, когда идёт дождь, лягушонок плачет и квакает, боясь, что могилу матери смоем дождём».

Здесь обнаруживается специфика национального культурного мира корейского и русского народов. Русские, следуя христианским традициям, верят в чудеса и спасение, а корейцы, следуя учению Конфуция о постоянстве праведного человека, верят в незыблемость долга. Сказки отражают эту национальную особенность. Все русские сказки имеют счастливый конец, они переполнены образами чудесных помощников и верой в лучшее. Герои часто попадают в беду из-за того, что не послушались кого-то, не выполнили что-то. Однако они всегда получают шанс на исправление и надежду на прощение. В корейских сказках несчастливый конец должен помочь детям воспринять и усвоить как должное, что если ослушаешься, то наказание непременно тебя настигнет. Нарушение второго и третьего постоянств праведного человека «И» («правды», «справедливости») и «Ли» («обычая», «ритуала»), направленных на почитание родителей, приводит к жизненному крушению. Пример жизни лягушонка затрагивает важную проблему взаимоотношений родителей и детей, он даёт понять, что прошлое нельзя изменить или переkreить, но из него можно извлечь полезный урок на будущее.

Таким образом, можно утверждать, что детальное изучение сказочного творчества является благодатной почвой для глубоких исследований по изучению элементов концептосферы национальной ментальности.

АНДРЕЙ СЛОНИМ

СВОБОДА ВОЛИ ИЛИ ОПУСТОШЕНИЕ ДУШИ?

(из цикла «*Быть или казаться?*»)

...Бурный и противоречивый XXI век, словно стремительный поезд, увлекающий всех в неведомую даль. Набирают силу неслыханные ранее противостояния, разрушается привычный порядок. И нам – пассажирам этого железного экспресса столетия – всё труднее ощущать перемены, происходящие в наших душах, в которых, как в зеркалах, отражаются лики. Не покидает внутренний страх перед непредсказуемостью глобальных катастроф – как природных, так и вызванных недалёковидной человеческой волей...

В нашей стране все заметнее становятся удивительные новые дела, замыслы, суть которых в принципиальном улучшении жизни, воссоздании гармонии духа каждого жителя нашей благодатной земли. И стоит пристально всмотреться во многое, что, прорастая на обочинах этого главного пути, мешает полноте преобразований душ человеческих...

...А на экранах кинотеатров – очередной фильм жанра «фэнтези» (что означает этот термин, понять нелегко!). Властно внедряются в сознание зрителей устрашающие монстры с острыми клыками, чудовища, покрытые бугристой броней. Они, по замыслу создателей этого кино, стремятся завоевать мир и подмять бессильное рефлексирующее человечество. И лишь отдельные герои пытаются им противостоять. И то – не силой разума и изобретательности, а мощным ударом железного кулака, энергией неких сверхизлучений, орудием нового поколения. Эта битва отражается на экране с невероятными затратами технических средств и с унылым однообразием действий и поступков. Повсюду – то тут, то там – низвергаются на землю разваливающиеся чудовища, катастрофически рушатся строения, трещит гармоничный и пропорциональный мир цивилизации.

Понятие красоты в её привычных формах всё более размывается искажением, уродством, безобразием внешнего вида. По замыслу создателей этих фильмов каждый твердо должен осознать, что только победив монстра, можно спасти мир.

Великое чудо нашего времени – компьютер – помимо своих прекрасных прямых функций, всё чаще вторгается в сферу разума и духа. В невероятном многообразии функций, игр он предлагает нашему сознанию так называемый виртуальный мир. В этом мире – свои правила и законы, свои грани и способы существования. Здесь и связь с миром в молниеносных новостях, и мнимая возможность общения без границ, и увлекательные игры с иллюзией присутствия «на поле действия».

Андрей СЛОНИМ. Режиссер-постановщик ГАБТа им. А. Навои. Заслуженный деятель искусств Республики Узбекистан. Родился в 1949 году в Ташкенте. Автор поэтических сборников «Перекрестки», «Мгновения». Публиковался в журналах и альманахах Узбекистана и России.

Хитроумная программа, преломлённая сквозь деятельность сложных процессоров, позволяет ощутить своеобразный «эффект присутствия» в особом мире, где каждый, кто вступает в игру, имеет шансы стать вначале победителем в конкретной ситуации, а далее – неким безраздельным повелителем этого воссозданного мира, в замкнутости пространства которого очень легко освободиться от привычных барьеров. Эти игры прозвали «стрелялками». В них, следуя правилу стрелять по каждому, кто встанет на твоём пути, предельно легко убирать всех «противников». От того, кто выстрелит первым, зависит исход игры, кажущейся вполне безобидной, как будто развивающей быстроту реакции. Только надо непременно быть ПЕРВЫМ! Первым выстрелить, попасть, увидеть, как твой противник обращается в пыль, и стремиться дальше в азарте новых побед. Новых УБИЙСТВ...

Да, да... Именно убить, сразить, взорвать неведомого врага. И не думай о том, что лишаешь жизни, что разрушаешь святые заповеди о жизни. Главное – опереди, иначе некто лишит жизни тебя...

...А где-то в стороне, уже на задворках сознания, едва теплятся растворяющиеся видения. Над тихой речкой расстилаются клубы утреннего тумана. И поразительная тишина властно царит над миром. В такой тишине душа не чувствует себя одинокой и отринутой, она ощущает единение с окружающим миром. Единение это многообразно.

Вот солнечным утром по двору бежит мальчик, катя перед собой яркий обруч. Вот на пеньке уютно свернулись спящие котята. Вот в жаркий полдень по городу идет девушка. Как будто ничего особенного нет в её облике, но что-то властно приковывает к ней внимание. Она улыбается, и в этой улыбке вешая тайна судеб, продолжения человеческого рода, неисхоженных тропинок любви, радость встреч, горечь расставаний... Вот глаза подростка, с немым вопросом всматривающиеся в мир, непредсказуемый, тревожный, сулящий множество испытаний. Вот в тихой грусти присела на скамью пожилая усталая женщина – и что гнетет её душу в такой прекрасный тихий вечер? И везде, и во всём – тысячи вопросов. И, естественно, наши, собственные вопросы и движения души, стремление ОСМЫСЛИТЬ, вникнуть в суть явления. Общаемся ли мы с другом или с незнакомым человеком, смотрим ли спектакль, читаем ли книгу, следим за острой дискуссией – суть нашей природы устремлена именно к аналитике.

Вездесущий и всеведающий «Фейсбук» и явно, и на уровне подсознания предлагает совсем другую игру. Некто – знакомый тебе, или вовсе неведомый – выкладывает в «сети» весть о событии, свою или чужую статью, известие о своем выступлении, и... и... и... По неписанному, но укоренившемуся закону этой уже не новой игры тебе предлагается отметить увиденное или узнанное «лайком» – значком «Нравится». Так принято уже во всем мире. Количество «лайков» растёт, от него зависит так называемый «рейтинг» события, вести, публикации. Казалось бы, что в этом негативного?

Однако некий холодок в подсознании настораживает. Известный артист выкладывает в сети фотографии своего выступления. «Лайки» сыплются градом! В коротких фразах пользователи не скупятся на банальные эпитеты вроде «красавица, умница, гений» и прочие далеко не всегда убеждающие определения. И как-то мимо сознания проходит и абстрактная «внеОбразность» этих фотографий, и равнодушная «улыбчивость» объекта, и многое, многое важное...

Совсем рядом поэт выкладывает в «сети» свои строчки, порой и в самом деле вполне достойные. Всё те же «лайки» и супервосторженные формулировки: «да ты – гений!», «и как это тебе удастся?». Попытки осмыслить подлинную эстетическую ценность написанного нет. Адресат не возражает против приятных эпитетов и в обилии выкладывает новые стихи. И замкнутый круг продолжает

врашение, вовлекая в свою орбиту новых и новых «восторженных оценщиков», чьи «лайки» не дают представления о художественных достоинствах стиха. А хвастливые заявления «я получил награду!», «я победил на конкурсе!» стягиваются в досадное «облако» самодемонстрации и самолюбования.

И не покидает странное ощущение, что тебя «держат за ворот». Не так давно по телевидению в очередной раз давали поистине уникальное исполнение пятой симфонии П. И. Чайковского Евгением Александровичем Мравинским, которого уже нет с нами. Да, происходило истинное чудо! Буквально на глазах воссоздавался осуществленный десятилетия тому назад процесс «лепки» великим дирижёром и его оркестром истинно великой музыки. Он удивлял экспрессией, неожиданностью поворотов, покорял душу контрастами и обилием нюансов, он повествовал о таинствах судеб и Бытия в многообразии Света и Тьмы. И, право же, было неясно, в какой момент этого таинства в воображении можно было бы «шлёпнуть» банальный «лайк»? И нужен ли вообще этот «лайк» глобальному, надчеловеческому величию того, что вершилось в тот момент, подчиняя сознание, волю, заставляя вникать, обдумывать, сопереживать и ощущать очищение духа! А совсем рядом – иной пример. Беседа в высокопрофессиональной телепередаче «Энигма» с выдающейся скрипачкой Анной-Софи Муттер. Блестящий музыкант, женщина поразительной красоты и обаяния, покоровшая своим мастерством многие страны, Анна-Софи Муттер пришла на эту передачу вовсе не для того, чтобы, как нередко принято сейчас, «попиариться». Она продемонстрировала поразительную скромность, яркость ума и духа, иронию и самоиронию и на редкость свежие мысли об искусстве вообще и о своей профессии. Обаяние и многоцветность своей души она использовала для того, чтобы быть лучше понятой, предельно доверительной и излучающей доброжелательность и открытость. Столь же самобытной и выразительной была ее игра. И снова пресловутый «лайк» было ставить абсолютно негде – ведь весь ход ее словесного и музыкального выступления напоминал динамичный экспресс, увлекающий к постижению новых чувств и мыслей, и каждый момент чарующие музыкальные и творческие образы непредсказуемо и стремительно сменялись!

Наш же всеми почитаемый компьютер исподволь устремляет нас к некой «заданности» мимолетных оценок, отключая попытки обдумать, вникнуть, осознать особо близкое именно твоей душе, с чем-то поспорить. Мгновенный и безликий «лайк» отрицает это в корне! Истинное творчество – это процесс изменчивый и нескончаемый и у творцов, и в наших душах. А «лайк» – это едва видимая точка на пути этого процесса, по сути, ничего не определяющая, однако «рейтинг» из множества таких «лайков» как бы определяет масштаб, значимость той или иной публикации...

С какой непостижимой «свободой», вне знаний, вне понимания ситуации, разнообразные «пользователи» огульно и неразумно (вплоть до откровенно нецензурной формы!) высказываются о разных событиях и людях, поистине превращая «сеть» в некий «забор», на котором как будто неограниченно дозволено писать все что угодно! (И как тут не припомнить красноречивый афоризм Петра Великого: «Дабы ДУРОСТЬ каждого видна была!» – высказанный совсем по другому поводу, но о подобном же явлении!)

Весь этот неясный сумбур вносит разлад в души, ведет к безответности, безнаказанности высказываний. С этого начинается и нивелировка индивидуальности восприятий. А пользователи с их унифицированными оценками обрываются в безликую, немыслящую, не способную оценить толпу. И, что еще печальнее, этот суетный процесс роковым образом влечёт к иному, куда более настораживающему состоянию – ОПУСТОШЕНИЮ ДУШИ. Оно подкрадывается незаметно, как сказали бы медики – бессимптомно.

Давайте спросим себя: часто ли, видя внешние проявления дискомфорта других, мы умеем и хотим адекватно реагировать, а не отгораживаться забором?

Случалось ли, когда для удобства собственного духа мы предпочитали смолчать, в то время как необходимо было сказать, защитить, поддержать? Или, напротив, чтобы не ранить собеседника обидным словом, поверхностной оценкой, непониманием, могли ли сдержаться? Бывали ли моменты, когда ценнейшие свойства юмора нежданно подменялись пошлым ёрничаньем, попытками унижить? А мгновения, когда так хочется воскликнуть: «Как я это здорово сделал, все другие передо мной – ничто!», наверное, случались?!

Опустошение духа подкрадывается, лишая слуха, когда мы не хотим услышать и понять близких, когда, считая свое мнение единственно верным, навязываем людям ощущение мира, несовместимое с их мироощущением, когда, считая свой уклад эталонным, стремимся сломать все несоответствующее нашим представлениям. Причем речь идет о вполне цивилизованных и по-своему ярких людях.

Как же многогранно оно – это всепроникающее опустошение духа! Вот в какой-то области ты проявил себя достаточно ярко и уже пытаешься агрессивно противопоставить себя другим, незаметно в твоей душе рождается ощущение, что раз ты «избранный», то все другие – серость и убожество. А отсюда – типичное для нашего времени присвоенное «право» идти по головам других, не считаясь ни с чем, кроме собственных выгод. Или «выгодный брачный союз», в котором нет одной «малости» – истинной любви, цепь приспособленческих уловок, неизбежной лжи, подстав, предательств...

Вовсе не волосатый и клыкастый монстр, который, рыча, набрасывается на тебя, воплощает опустошение души. Внешне это скорее всего вполне благопристойный человек интеллигентного вида, элегантный благовоспитанный, вежливый, аккуратный. Но естество его уже поражено РАВНОДУШИЕМ – страшным вирусом атрофии чувств. Он единым росчерком пера выселит на улицу жителей целого дома потому, что этот дом надо снести, а на месте его построить отель или ночной клуб по чьей-то волевой указке. Он безмолвно выслушает все наболевшие проблемы и в лучшем случае пообещает, что займется ими, но заранее знает, что ничего делать не будет, ведь так спокойнее. А в худшем – попросту выставит вас с вашей просьбой вон. Ему вольготно живется именно в отрыве от живых людей с их проблемами, к ним он испытывает с трудом скрываемое раздражение.

Вот зримые симптомы «расцвета» этого вируса в душах.

Если ты не увидел в котенке, сидящем на скамейке, живое существо, беззащитное в огромном мире... Если вид бегущей собаки вызывает у тебя лишь раздражение, если простая просьба пожилого человека агрессивно отторгается в твоем сознании только потому, что мешает тебе удобно заниматься своими делами... Если увидев на улице драку или аварию, ты спешишь... только заснять ее на свой мобильник и неизвестно для чего выложить в сети – знай, что вирус равнодушия и опустошения уже поселился в твоей душе.

Наверное, самое прекрасное из таинств человеческого духа – способность не фотографически точно запечатлеть окружающее, а, пропустив его через свое сознание и душу, **ОБОБЩИТЬ** видимое, слышимое, осязаемое, подключив **ВООБРАЖЕНИЕ**, создавать образы жизни человеческой. Так разнообразие и многокрасочность мнений и оценок становится важнейшей особенностью отражения мира и жизни в сознании человека. А отсюда – стремление повлиять на ход событий своими оценками и действиями.

Разброс мнений, суждений и оценок может быть настолько разнообразным, что истина становится определяемой не одномоментно. «МОДНОЙ» унифицированности суждений не достигается.

Как не вспомнить тут живительное искусство общения людей в уютных гостиных – беседы, споры, музицирование, обсуждение событий, вызревание мнений? Как не коснуться такого поразительного явления, как написание писем – в неторопливости, спокойствии духа? Нашим современникам не понять энтузиазма предков, порой неделю, а то и более ждущих писем, желанных ответов. Да есть ли принципиальная разница в написании Слова пером или на клавиатуре компьютера? И современные психологи, и графологи отвечают: ДА, БЕЗУСЛОВНО! ПЛАВНОЕ ВЫВЕДЕНИЕ БУКВ ПО БУМАГЕ И ОТРЫВИСТЫЙ СТУК КЛАВИШ НЕСУТ В СЕБЕ ПРИНЦИПИАЛЬНО РАЗНЫЙ ТЕМПО-РИТМ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ИМПУЛЬСА И ПО-РАЗНОМУ ВЫСТРАИВАЮТ МЫСЛЬ И ОБРАЗНОСТЬ. Говорю это вовсе не для того, чтобы отвратить от вполне современных компьютерных процессов творчества, а затем, чтобы вместе со всеми задуматься над многим, что не так просто и однозначно...

Как же неумолимо пагубно теряем мы чудо общения сегодня! Бешеный темп жизни, смена событий, мест, прессинг дел оставляет все меньше времени для чувств и осмысления. Давайте подумаем, случается ли сегодня обсуждать не конъюнктуру событий, а нечто иное: книгу, спектакль, концерт, поэзию? Получается ли возродить спектр оценок того или иного события, разнообразие мнений, отказаться от «модности», проявить самобытность восприятия, самостоятельность суждений? Умеем ли мы сегодня вообще анализировать? Ведь куда проще подменить процесс осмысления готовым результатом «интернетских» выкладок, обезличенных оценок? Или пойти по пути заведомого отрицания, без доводов и оснований, а потому лишь, что хочется дебатировать?

Как никогда душа ждёт сегодня доверительного и умного общения – не только в относительно узком кругу близких друзей, но и в СМИ, телепередачах, где хотелось бы увидеть не лоск «узаконенного» имиджа выступающего, а особенности его внутреннего мира, не глухоту к чужому мнению и превознесение только «своих, единственно верных» установок и положений! К сожалению, такие выступления – редкость, чаще передачи рекламно-трескучи или «работают» не на раскрытие личности, а на некое утверждение в собственной «гениальности» и непогрешимости или на самодовольное копание субъекта в своей и чужих судьбах, странное предьявление обвинений к событиям давнего прошлого, к людям, когда-то допустившим оплошность. А теперь, мол, пришло время «реванша». Горько и жутковато становится.

Есть одно необходимое и важное условие общения – уважение к внутреннему миру собеседника, с которым доверительно говоришь. Но зачастую эпатирующие выступления пронизаны не только самолюбованием, но и ПРЕЗРЕНИЕМ к тем, перед кем доводится выступать. Дежурная улыбка положения отнюдь не исправляет. Искажение естественных законов общения в жизни сказывается неумолимо и на природе творчества. Каков бы ни был материал сериала или фильма, в котором занят актёр, его мастерство и доверительность должны быть проникнуты УВАЖЕНИЕМ к зрителю, а не желанием возвысить себя над «серой и тёмной массой», которая-де «всё слопает»!

Увы! Как отражение нашего привычного уклада жизни, исчезает и общение героев фильмов и спектаклей друг с другом. Нет, я далёк от призыва к форме диалога героев из чеховских «Трёх сестёр» («давайте пофилософствуем о том, что будет через триста лет!»).

Но «пещерный» примитивизм диалогов или их исчезновение из театральной и кинодраматургии вызывает тревогу. Общение как категория вообще исчезает и из современной жизни, и из искусства!

В сегодняшних примерах что предстаёт перед нашим взором, чем питается

наш слух? Свобода воли? Найдём ли мы её в обильных примерах смакования жестокости и насилия на экране и сцене? Обретём ли желанную гармонию, наблюдая, как отважный и удалой отряд спецназовцев лихо «снимает» часовых вражеских постов, оглушает, нейтрализует или попросту убивает без счёта? То же творят и их многочисленные «антиподы». Цена жизни человеческой – грош, а культ силы кулака и автомата – превыше всего...

Свобода воли, свобода тематики? Не странно ли, что и сам тон, и строй внешне совершенно безобидных рекламных текстов становится вопиюще агрессивным из-за особого тембра голоса и настырно-рычащих интонаций озвучивающего его? Не слишком ли много блуждает фраз типа «муж убил свою жену, разрезал её на много частей и закопал в огороде!» и обсуждений, подробных этому? Не слишком ли много «грязного белья» с упоением полошут создатели нынешних «ток-шоу», планомерно и сознательно втягивая в свои передачи известных и уважаемых людей? Не слишком ли громко твердят создатели некоего фильма о том, что сняли «антинаркотический фильм»! А в нём, по сути, изощрённо смакуются все нюансы и самой наркомании, и излома душ людей, которые с ней соприкоснулись. Становится как-то особенно горько и пустынно. И медленно, но верно, совсем как песчинки из верхней сферы песочных часов, из душ постепенно утекают сострадание, желание задуматься, стремление сделать чужую боль своей, помочь, поддержать...

И безнаказанно и вольно гуляет слово «ПРИКОЛЬНО». Смысл этого слова-призрака, которое не сходит с уст молодого поколения, пожалуй, не вполне ясен. «Смешно»? Да нет, не совсем так. Смех, как и добрый юмор, светел и во многом помогает уяснить суть настоящего и отделить иронией мнимое.

А вот: «Когда его вешали, он так прикольно дрыгал ногами!». Что, неужели не пробрал холод?

Слово «прикольно» по своей природе жесткое, как острый кусок того самого кривого зеркала, осколки которого по воле Снежной Королевы попадали в сердца людей и напрочь лишали их души способности радоваться, страдать и сострадать ближнему! Так давайте попробуем осознать, что в сути любого «прикола» и заложено это убийственное отстранение от окружающих, невозможность и неумение понять их проблемы и трудности. Стремление жить за глухим забором своего «Я» в полном равнодушии к тем, кто рядом, вознесясь в своем «совершенстве» над миром. Сознательное унижение другого, более «низкого», чем я, а потому достойного лишь «прикола»! Над кем «я» и позволяю себе «прикалываться»... А «песчинки» из сфер души всё сыплются и сыплются куда-то вниз, и пустота завладевает пространством этой сферы...

А ещё одна не менее расхожая фраза: «Я тебя ненавижу»?! Ежеминутный штамп «драматургии» телесериалов и самого жизненного обихода? Не оставляет ли она выжженное клеймо в душах, приучая к ненависти к ближним как к привычному чувству и состоянию?!

Как разорвать это кольцо странностей? Как ощутить не мнимую «свободу вседозволенности», а подлинную свободу воли, умеющей совершать верный, мудрый выбор?

Быть может, нам, вершашим свой бег, стоит чаще обращать взор в бескрайние дали звёздной ночи, чтобы, как делали это наши великие предки, вовремя суметь осознать величие истинной свободы духа, мечты и замыслов, заветы наших замечательных предков и ставшие необходимыми и насущными перемены в жизни и сознании? Чтобы обрести ту мудрость, которая уберезет от необдуманных шагов, потому что, как гласит древнее восточное высказывание, «Умный, попав в трудную ситуацию, находит верный выход, а мудрый, предусмотрев все повороты и изъезы, в эту коварную ситуацию вообще не попадет».

АЛМАЗ И ПЛАМЯ

Фрагмент из истории Большой игры

ВЛАДИМИР ФЕТИСОВ

«Большая игра» – термин, обозначающий противостояние Британской и Российской империй в Центральной Азии. Впервые его ввел в обиход британский офицер Артур Конолли на полях копии письма, отправленного им губернатору Бомбея в 1840 году. Очевидно, этот термин так понравился Конолли, что он вновь упоминает о «замечательной Большой игре» в одном из личных посланий к своему другу майору Генри Роулинсону, ставшему впоследствии известным востоковедом, экспертом по проблемам российской внешней политики на Востоке.

Общеизвестным этот термин стал благодаря Редьярду Киплингу, который использовал его в романе «Ким», опубликованном в 1901 году.

Главные фигуры этой геополитической игры находились в Лондоне, Калькутте, Петербурге и Ташкенте. Азия была огромной шахматной доской, на которой велась партия. Но дерзкие офицеры: разведчики, путешественники, исследователи, рискующие своими жизнями, шаг за шагом продвигаясь по пути к неизведанному, были отнюдь не пешками. Это были люди из плоти и крови, и порой на сцене «Большой игры» – жестокого и непримиримого противостояния двух великих империй в Средней Азии – случались поразительные истории.

Об одном таком эпизоде, полном живых чувств и страстей, долгое время остающимся за кулисами истории «войны теней», мы и поведаем.

В жаркий день 13 июля 1899 г. на перрон ташкентского вокзала сошел молодой статный штабс-капитан Андрей Евгеньевич Снесарев. За его спиной остался долгий и трудный путь из Петербурга в Баку, затем морем до Красноводска и далее по Среднеазиатской железной дороге до столицы Туркестанского края. Появлению офицера Генштаба именно в это время и именно в этом месте предшествовали весьма причудливые зигзаги судьбы.

Будущий выдающийся русский ученый, разведчик и военный деятель А. Е. Снесарев родился в 1865 году в селе Старая Калитва Воронежской губернии в семье священника. Его отец, Евгений Петрович, преподавал в приходской школе, там же получил начальное образование и Андрей. Затем он учился в гимназии в Новочеркасске, окончил ее с серебряной медалью и благодарностью за успехи в изучении древних языков.

В 1884 году юноша поступает в Московский университет на физико-математический факультет, который через 4 года успешно оканчивает.

Владимир ФЕТИСОВ. Родился в 1952 г. в Ташкенте. Окончил Ташкентский политехнический институт. Работает в компании UCell. Известный очеркист, автор статей об истории края и судьбах ташкентцев.

По тогдашним законам выпускники университета были обязаны отбыть воинскую повинность, и Снесарев поступает в Московское Пехотное юнкерское училище, планируя после его окончания заняться подготовкой магистерской диссертации. В училище его ротным командиром оказывается Иван Владимирович Шишкин, замечательный наставник, высокоэрудированный педагог и тонкий психолог. Под влиянием бесед с этим незаурядным человеком Снесарев решает выбрать военную карьеру.

К тому же, обладая абсолютным слухом и роскошным певческим баритоном, Снесарев с удовольствием поет в хоре и в дуэте со своим товарищем по училищу – будущим великим тенором Леонидом Собиновым. Параллельно оканчивает курсы при консерватории, а однажды даже выступил на подмостках Большого театра, исполнив партию Невера в опере Мейербера «Гугеноты». Если бы не болезнь горла, поставившая крест на певческой карьере юноши, возможно сегодня мы знали бы Андрея Снесарева как великого оперного певца.

В 1896 году, выдержав большой конкурс, он поступает в Николаевскую академию Генерального Штаба и через три года блестяще завершает обучение в чине штабс-капитана. Интересно, что годом ранее академию Генштаба окончил Л. Г. Корнилов, будущий сослуживец Снесарева по Ташкенту, где неожиданно для себя впоследствии окажется Андрей.

В ноябре 1898 г. британский посол обратился в российский МИД с просьбой разрешить двум британским офицерам – майору Мэдли и капитану Кенниону (позже к ним добавились еще два подполковника Пауэлл и Максуйни) – проехать из Индии в Россию через Памир. Военный министр Куропаткин просьбу посла удовлетворил с одним условием: чтоб и британское правительство дало разрешение российским офицерам проехать в обратном направлении – через Памир в Индию, для ознакомления с Северо-Западной пограничной провинцией, ее природой, городами, устройством жизни и по возможности подробно с военной инфраструктурой.

После долгих согласований выбор для этой ответственной миссии пал на двух офицеров: штабс-капитана А. Е. Снесарева и более опытного подполковника А. А. Полозова.

Подготовка к походу заняла две недели. Сообщения о нем появились в двух крупных газетах: британской «Таймс» и русской «Новое время». Практически одновременно со Снесаревым в Ташкенте появляется английский военный разведчик Максуйни. Британец проявляет повышенный интерес к поездке русских в Индию и знакомится со Снесаревым. Тот, неискушенный в тайной войне, проникается доверием к новому знакомому, называя его в письме к сестре «мой приятель». Полковник Максуйни служил в разведывательном департаменте штаба индо-британской армии и считался крупным специалистом по России и российской армии в Туркестане. Среди людей, интересующихся Снесаревым, был еще один персонаж: агент британской разведки в Ташкенте, работавший под псевдонимом «Mr. X» и снабжавший английскую разведку информацией о положении дел в русском Туркестане. Он сообщил Максуйни,

Андрей Евгеньевич Снесарев

что у русских офицеров, отправляющихся в Индию, есть геодезические инструменты и фотоаппараты. На основании этой информации британской разведкой было принято решение о тщательном надзоре за ними.

В этих условиях необходимо было продумать способ передачи и получения сообщений в штаб Туркестанского военного округа. Для этого Снесарев решил использовать сестру Клавдию. Переписка с родной сестрой не должна была вызвать подозрений у «специальной службы» индо-британской полиции. Письма брата с зашифрованными сведениями Клавдия отправляла в Штаб Туркестанского военного округа. Точно так же осуществлялась и обратная связь.

В Маргилане, куда Снесарев добрался по железной дороге, к нему присоединился Полозов. Отсюда офицеры отправляются в г. Ош, останавливаются в доме уездного начальника В. Н. Зайцева. Возможно, именно тогда Андрей впервые встретился со своей будущей женой, дочерью Зайцева Женей.

Снесареву и Полозову было предписано идти разными маршрутами. Встретились они перед самой границей британских владений у перевала Калик.

Почти две недели продолжался переход Андрея Евгеньевича через Памир, наконец, он достиг сказочной Индии, неведомой страны, где русских уже поджидали полковник Максуйни (он должен был сопровождать Снесарева, но заболел и отстал) и майор Модлей. Под их неусыпным оком и должно было проходить дальнейшее путешествие.

8 сентября русские офицеры прибыли в Гилгит – крупный военный центр, откуда велось управление гарнизонами, расположенными вдоль южных склонов Восточного Гиндукуша. Здесь Снесарев внимательно изучает организацию, численность, командный состав британских войск.

Во второй половине сентября, расставшись на некоторое время со своим товарищем, к самой важной части задания: рекогносцировке Северо-Западной пограничной провинции, приступает Полозов. Этому району русской разведкой придавалось особое значение, поскольку здесь находились Пешаварский и Кветтский укрепрайоны, проходили стратегические коммуникации и железнодорожные пути. В течении 10 дней Полозов исследует Хайберский проход, пешаварские укрепления, форты Балла-Гиссар, Дисамруд и другие. Русский разведчик изучает также долину реки Инд, пустыню Тап и Боланский проход, снимает подробные планы станций, фортов и железной дороги. 2 октября Полозов возвращается в Марри, где находился Снесарев. Не все удалось выполнить подполковнику Генштаба, ряд вопросов остался не выясненным, позиция британцев стала более жесткой. Появились запреты, усилилось психологическое давление. За русскими офицерами наблюдали три английских офицера, а местному населению под страхом крупного денежного штрафа было запрещено общаться с русскими и их слугами.

Следующим городом, куда отправились Снесарев и Полозов, был Равалпинди. Здесь они задержались ненадолго, поскольку их уже ждали в Симле – летней резиденции вице-короля Индии, 39-летнего лорда Керзона.

В письме к сестре Клавдии Снесарев описывал обед и ужин у вице-короля Индии и упомянул эпизод, пустяковый на первый взгляд, однако сыгравший в судьбе русского офицера весьма значимую роль.

При распределении мест за столом дам и кавалеров, Андрею в соседки досталась «младшая сестра вице-королеви, красивая, веселая американка», с которой он с места «зафранцузил всюю».

Сестру «вице-королеви» звали Маргарит Хайд Лейтер. Сестры были необычайно красивы, фантастически богаты и прекрасно образованы. Маргарит

вместе с младшей сестрой Нэнси и матерью приехала навестить Мэри как раз незадолго до прибытия туда русского офицера.

Познакомившись за столом, молодые люди почувствовали взаимную симпатию, которая довольно скоро переросла в более глубокое чувство. Снесарев произвел на девушку неотразимое впечатление – красивый, обаятельный, с чарующим голосом, знанием иностранных языков – таких мужчин Маргарит еще не встречала на своем пути. Юная американка тоже пленила Андрея. У молодых людей, свободно говорящих на французском языке («зафранцузили вовсю»), нашлись и общие интересы: увлечение пением и танцами. Влюбленные много времени стали проводить вместе: выезжали на конные прогулки, музицировали, танцевали.

В своих письмах к сестре Снесарев, по понятным причинам, не упоминал о Рите, как он стал ее называть: лишь однажды намекнул, что в Симле он заболел по причине «нравственных потрясений».

Но все когда-нибудь заканчивается. Подошла к концу, как Андрей не оттягивал, командировка, он возвращается в Ташкент. А потом были только письма...

Историю этой любви раскопал во время работы над книгой о Снесареве, Михаил Казбекович Басханов. Все началось с того, что внучка Андрея Евгеньевича сообщила ученому, что в семье хранилось письмо на английском языке, написанное рукой ее деда. Либо оно не было отправлено, либо это был черновик. Начиналось оно с обращения: «My dear baby Rita» (Моя дорогая малышка Рита). По словам внучки, в письме Снесарев «объясняет, что его специальность, как русского офицера, – английская армия, поэтому он никак не может связать свою судьбу с этой самой Ритой». К сожалению, само письмо до сих пор не найдено. Однако в архиве семьи Снесаревых сохранился еще один уникальный документ – половина письма, написанного на английском языке. Это фрагмент ответного письма Снесарева к Рите. В письме Андрей Евгеньевич сообщает подробности жизни в Ташкенте, упоминает о лошади по кличке Васька, и пишет, что отправляет ей свою фотокарточку и открытку с видом ташкентской церкви.

Возвращаясь к письму, о котором рассказала внучка Андрея Евгеньевича, можно сделать совершенно однозначный вывод: Снесарев по трезвому размышлению понял, что дальнейшие отношения с Ритой невозможны. Между Любовью и Долгом он выбрал последнее.

Но, как выяснилось в дальнейшем, это не конец истории. Влюбленные однажды встретились вновь.

В конце лета 1901 года Андрей Евгеньевич выезжает в Лондон, чтобы поработать в британских библиотеках с основными печатными изданиями по Средней Азии и Индии для написания крупной военно-географической работы. Возможно, это была не единственная причина, но об этом можно только догадываться. Для поездки в Англию Снесарев воспользовался полагавшимся ему отпуском. По действовавшему тогда положению, офицеры, окончившие курс в Николаевской академии Генерального штаба, имели право на четырехмесячный отпуск с сохранением полного содержания.

В Лондоне он остановился недалеко от Британского музея, в библиотеке которого – крупнейшем книгохранилище мира – собирался поработать.

М. К. Басханов, изучая жизнь своего героя в Лондоне, обратил внимание на любопытную деталь: из журнала регистраций явствовало, что Снесарев посещал читальный зал только в первый месяц, хотя перед самым отъездом,

в декабре 1901 г., Снесарев продлил право пользования библиотекой еще на три месяца. Чем же был вызван такой длительный перерыв в работе? И тут исследователя осенила догадка. Он запросил в архиве эмиграционной службы перечень пассажиров, прибывших в Великобританию из Соединенных Штатов Америки, запись эмиграционной службы в порту Ливерпуля от 10 октября 1901 г. сообщала о прибытии из Нью-Йорка лайнером «Кимрик» в сопровождении двух гувернанток сестер Маргарит и Нэнси Лейтер. И тут все встало на свои места.

Случайная это была встреча или заранее оговоренная, но она подарила влюбленным еще шесть недель счастья. 20 ноября Рита отплывает на пароходе «Мажестик» в Нью-Йорк, через три года Маргарит выходит замуж за адъютанта лорда Керзона, Генри Говарда, графа Саффокского. Незадолго до этого женился и Снесарев. Возможно, Рита решила на замужество, узнав о женитьбе своего русского возлюбленного – ждала до последнего.

21 апреля 1917 года графиня Стаффордская овдовела. В 1968 г. во время перелета к сыну в Лос-Анджелес Маргарит почувствовала себя плохо. Самолет совершил экстренную посадку, она была срочно доставлена в госпиталь. Медицина, однако, была уже бессильна.

Жизнь Андрея Евгеньевича была гораздо драматичней судьбы графини Стаффордской. Вернувшись из Индии, он пишет отчет о поездке, из которой вернулся с массой материалов и впечатлений, в дальнейшем послужившими ему хорошей основой в работах по Индии и Афганистану.

Занимается (как редактор) составлением окружного периодического издания «Сведения, касающиеся стран, сопредельных с Туркестанским военным округом», преподает арифметику в Ташкентской подготовительной школе кадетского корпуса, участвует в благотворительных концертах как певец-любитель.

Летом 1900 г. Снесарев принимает участие в полевой поездке офицеров Генерального штаба Туркестанского военного округа по Семиречью. Целью поездки было изучение маршрутов, ведущих из восточной части Ферганской долины в Семиреченскую область и далее к границе с Китаем, что было связано с дестабилизацией военно-политической обстановки в Западном Китае, произошедшей из-за начавшегося Ихэтуаньского («боксерского») восстания в Цинской империи.

В 1902 году Снесарев назначается командующим Памирским отрядом. Участвует он и в рекогносцировке Памира, что имело для него, как исследователя, чрезвычайно важное значение. За два года пребывания на Памире он выпустил в свет 4 книги, посвященные изучению этого горного края, его истории, растительности и животного мира.

В 1904 году Снесарев женился на дочери В. Н. Зайцева, Жене Зайцевой.

6 ноября 1904 г. он расстается с Туркестаном и уезжает в Петербург, где назначается исполняющим делами столоначальника VII отделения 1-го военно-статистического отдела управления 2-го генерал-квартирмейстера Главного штаба. Отделение ведало «сбором, обработкой и изданием военно-статистических материалов по иностранным государствам. Перепиской по военно-агентурной части. Командированием офицеров с научной целью. Рассмотрением изобретений по военной части».

Газета «Туркестанские ведомости» в № 160 от 1904 г. писала:

«Вчера покинул Ташкент Генерального штаба капитан А. Е. Снесарев. Обширная эрудиция Андрея Евгеньевича и его труды географического и

историко-географического характера доставили ему почетное место среди местных работников на поприще туркестановедения, а в вопросах военно-политических, касающихся Индии, Афганистана и припамирских стран, он является одним из авторитетнейших знатоков».

Во время Первой мировой войны раскрывается еще один талант Андрея Евгеньевича – талант полководца: он лично участвует в 76 боях, не считая мелких стычек. Начав войну в чине полковника, заканчивает ее генерал-лейтенантом и кавалером нескольких орденов, среди которых – ордена Св. Георгия 3-й и 4-й степеней.

После Октябрьского переворота для Андрея Евгеньевича наступило время мучительных раздумий.

«Трудно сразу понять все происшедшее, – пишет он сослуживцу, – но если русский народ пошел за большевиками, то я с ним. Ведь народ не ошибается». И Снесарев становится на сторону красных.

В Гражданскую войну он назначается военруком Северо-Кавказского военного округа. Во время обороны Царицына Снесарев вступает в жесткую конфронтацию со Сталиным и Ворошиловым, обвиняя их в некомпетентности. Спустя годы этот конфликт горько аукнулся Андрею Евгеньевичу.

В августе 1919 года А. Е. Снесарев был отозван из действующей армии и назначен начальником Академии Генерального штаба РККА. Затем он последовательно занимал посты: старшего руководителя по Ближнему и Среднему Востоку, ректора Центрального института живых восточных языков, начальника кафедры (главный руководитель) военной географии Военной академии РККА. Участвовал в создании Московского института востоковедения.

В 1928 году А. Е. Снесареву было присвоено звание Герой Труда, первому из советских военачальников. Это, впрочем, не спасло его от ареста спустя два года. 27 января 1930 года Снесарев был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности и приговорен к расстрелу. Сталин заменил высшую меру лагерем.

Пройдя Соловки и Кемский лагерь Вегеракша, Андрей Евгеньевич был досрочно освобожден в сентябре 1934 года как тяжело больной, а 4 декабря 1937 г. русский генерал Андрей Евгеньевич Снесарев скончался в московской больнице и был похоронен на Ваганьковском кладбище. В 1958 г., как и многие другие невинно осужденные, был реабилитирован. По понятным причинам деятельность выдающегося военачальника и ученого в советское время замалчивалась или извращалась. В повести Алексея Толстого «Хлеб» роль Снесарева в обороне Царицына показана в ужасающе искаженном виде. Военная академия Генерального штаба Вооруженных сил СССР, фундамент которой был заложен Снесаревым – до 1992 года носила имя Ворошилова, никакого отношения не имевшего к военной науке.

И только сегодня в полной мере возможно оценить научное наследие блестящего ученого, полководца и военного энциклопедиста.

БАРНО ВАЛИЕВА

ОН И ОНА

Литературные миниатюры

ВСТРЕЧА В ТЕАТРЕ

Он помнил все до последней мелочи – её улыбку, жесты, взгляды, капризный изгиб губ, ямочку на подбородке. Он помнил, как Она ушла тем пасмурным осенним вечером: молча собрала вещи, тихо закрыла за собой дверь. Он сидел в кресле, курил сигарету за сигаретой, внешне совершенно спокойный, но внутри у него все кипело от осознания собственного бессилия, от невозможности что-либо изменить, от нереальности остановить её. Он не делал попыток вернуть её, не узнавал, где Она, с кем, счастлива ли. Он тихо упивался своим горем, молча тонул в безысходном одиночестве. Совсем ещё молодой и очень привлекательный, Он совершенно не обращал внимания на других женщин, настолько была болезненна его душевная рана.

Так прошло два года. Казалось, что боль утихла, рана затянулась, постепенно Он возвращался к прежней жизни, вспоминая о ней все реже и реже. Но однажды друзья пригласили его в театр на премьеру. Он немного опоздал и вошёл в зал, когда уже погасили свет. Пробравшись к своему месту, Он вдруг почувствовал слабый аромат давно забытых духов и понял: Она где-то рядом. Вглядываясь в полутьме в лица окружающих, Он с удивлением ощутил, насколько этот неожиданный случай повлиял на него. Сердце колотилось стремительно и гулко, по телу словно пробежал электрический разряд, ладони стали совершенно мокрыми. Когда же Он понял, что Она сидит прямо перед ним, ему почему-то захотелось встать и во весь голос крикнуть её имя. Но Он молча сидел позади неё, любовался нежным изгибом шеи, шелковыми завитками волос, изяшной линией плеч. Он не видел, что происходит на сцене, не слышал голосов актёров, Он видел и чувствовал только её, слышал ее дыхание. Она была не одна, рядом с ней сидел мужчина, нежно поглаживающий её руку и снисходительно улыбающийся. Он уже ненавидел этого незнакомца и, боясь не совладать с собой, встал и вышел из зала.

Всю ночь Он бродил по безлюдным улочкам, подставляя лицо охлаждающим каплям дождя и с горечью осознавая жестокую власть, которую Она имела над ним. Он готов был бросить к её ногам всё, что имел и чего не имел, готов был променять свою спокойную, размеренную жизнь, свое положение в обществе, репутацию на бурную, полную неожиданностей, ссор, упреков, капризов, измен,

Барно ВАЛИЕВА. Родилась в Ташкенте в 1968 г. Окончила Ташкентский медицинский институт. Кардиолог Республиканского центра кардиологии. В «Звезде Востока» публикуется впервые.

но такую прекрасную жизнь рядом с ней! Если бы Она обернулась в театре, улыбнулась ему, если бы... Но этого не произошло. И Он один бродит под осенним дождём и вновь мечтает о ней, единственной, прекрасной, неповторимой...

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

– Ты никогда не сможешь полюбить меня. Ты не пускаешь меня в свое сердце, – грустно сказала Она.

Он стоял, молча смотрел на неё, улыбаясь своим мыслям. Ну что за женские заморочки?! Почему они так зафиксированы на чувствах? У них вроде все хорошо. За два года ни разу не поругались, ни одной даже самой малюсенькой ссоры. А ей вот чувства подавай!

Он протянул руку к её лицу, но Она резко оттолкнула ее, повернулась и ушла. Он не стал её останавливать. Надо дать ей успокоиться, потом поговорить. Ждал неделю, потом позвонил, но Она сбрасывала звонки, Он писал – Она не отвечала.

Он знал, где Она работает, и пришёл к ней в кабинет. Она была мила, вежлива, но на встречи не соглашалась. В течение полугода он почти каждый день приходил к ней на работу, рассказывал о своих реальных и выдуманных проблемах, о женщинах, которые вешаются ему на шею, но Она была непреклонна. Когда Он понял бесплодность своих попыток, решил забыть о ней. Ходил в ночные клубы, бары, рестораны, знакомился с женщинами, весело проводил время.

Прошло 5 лет. Он возмужал, стал по-другому смотреть на жизнь, стал более серьёзным, но по-прежнему очень одиноким. За эти годы Он так и не встретил ту единственную, с которой захотел бы не расставаться всю жизнь.

Однажды, стоя на тротуаре и беседуя со своим другом, Он вдруг услышал знакомый смех. Обернувшись, увидел на противоположной стороне дороги её. Она с кем-то попрощалась и уверенно стала переходить дорогу. Весь мир замер и смотрел только на неё. Она шла лёгкой, пружинящей походкой, красное платье облегло стройную фигуру, солнце играло в каштановых кудрях, нежными бликами озаряя её лицо. Заметив его, она улыбнулась и помахала ему. Он стоял как вкопанный, не в состоянии шевельнуться, будто парализованный. Она скрылась за дверью аптеки, через какое-то время вышла и затерялась в толпе. Он не знал, сколько времени простоял, не помнил, как пришёл домой. Мир изменился, приобрел другие звуки и краски: звонче стали петь птицы, ярче светило солнце, зеленее стала трава, а воздух казался чище и свежее. Он с удивлением обнаружил, как бьётся в груди сердце, как сладко оно шепчет при мысли о ней. С ним творилось что-то непонятное: по ночам не спал, днем не мог работать – все валялось из рук, все время думал только о ней.

Очередная бессонная ночь... Ворочаясь, не в состоянии избавиться от назойливых мыслей, он буквально задыхался. И вдруг озарение! От неожиданности Он вскочил и начал ходить из угла в угол. Холодный пот прошиб его. Как же он не понимал этого раньше! Столько времени потеряно! Ведь Он любит её! И эта любовь жила в нем и те два года, что они встречались, и пять лет разлуки! Он подсознательно сравнивал других женщин с ней, и всякий раз сравнение оказывалось в ее пользу. Именно Она его единственная! Именно с ней Он хочет быть всю свою жизнь.

После очередной бессонной ночи Он ринулся к ней на работу. Решимость покинула его у дверей её кабинета. Всегда уверенный в себе, Он вдруг растерялся, почувствовал дрожь в коленках, сердце билось в груди как раненая птица. Надо успокоиться... Или сейчас, или никогда! Он тихо открыл дверь её кабинета. Она сидела за столом и что-то сосредоточенно писала. Осипшим

голосом Он позвал её по имени. Она подняла лицо, нежно улыбнулась, и по сиянию её глаз Он понял – Она ждала его...

ПАДАЮЩАЯ ЗВЕЗДА

Он не хотел идти на этот день рождения. Но надо, иначе друг обидится. Задержавшись на работе, Он пришёл в ресторан, когда веселье было в полном разгаре. Друзья уже были навеселе и тепло встретили его, надо было их догонять. Но настроения не было. Навалившиеся за последние дни неприятности морально и физически измотали его. Проблемы на работе, этот тяжелый развод! Ему было всего 35, но за плечами два неудачных брака. Горькие думы не позволяли расслабиться. И тут взгляд его упал на высокую молодую женщину в ярко-жёлтой кофточке и чёрных брючках. Она весело танцевала, движения её были легки и изящны, а лицо озаряла задорная улыбка, Он просто не мог оторвать от неё взгляда, следил за каждым её движением. Надо обязательно с ней познакомиться. И, будто на заказ, зазвучала красивая медленная мелодия. Танцпол опустел, все разошлись. Он решительно встал и подошёл к ней:

– Разрешите пригласить вас на танец?

Она удивлённо посмотрела на него, и Он просто утонул в её бездонных глазах. Он не знал, сколько длился этот миг, несколько секунд или несколько часов, но ему хотелось, чтобы это не кончалось никогда. Она протянула ему свою руку, он обнял её за тонкую талию и почувствовал лёгкое головокружение.

– У вас потрясающие духи, – тихо сказал он.

Она лукаво улыбнулась и, глядя в другую сторону, так же шёпотом ответила:

– Я не пользуюсь духами.

Прижимая к себе её гибкое тело, Он уже знал, что готов всю жизнь вдыхать её чудесный аромат. Он пытался продолжить разговор, но Она отвечала односложно, ему почти ничего не удалось узнать о ней, кроме имени. После танца её компания вскоре собиралась... Она накинула лёгкую курточку и пошла к выходу, ни разу так и не взглянув на него. Он побежал следом, догнал во дворе ресторана, попросил номер телефона. Немного подумав, Она продиктовала свой номер. В течение вечера Он несколько раз звонил ей, но телефон не отвечал. Он позвонил ей через несколько дней, она ответила, но от встречи отказалась. Так продолжалось несколько месяцев. Но Он был упрям, знал, чего хотел, и не привык отступать, надеясь, что однажды они все же встретятся. И этот день настал. И вот Она сидит напротив него, смотрит ясными глазами, а Он почему-то чувствует себя школьником на экзамене. Руки дрожат от волнения, голос прерывается, и Он совершенно не знает, о чем с ней говорить, хотя заготовил столько занимательных историй, но они почему-то вылетели из головы звенящая пустота. Он готов был часами сидеть напротив и просто любоваться ею. Посетив несколько раз кафе, Он пригласил её в гости к себе домой. Она согласилась. Но, когда в квартире Он просто поцеловал её руку, она внутренне напряглась. Он почувствовал это и понял, что лучше не продолжать. Он угощал её чаем, конфетами, они мило беседовали ни о чем, и потом Он провожал ее, не зная, как преодолеть барьер её отчуждения, не понимая, почему Она держит его на расстоянии. Он знал, какие цветы Она любит, дарил ей розы. Знал, какие кинофильмы ей нравятся, какую музыку Она слушает. Иногда приезжал к ней на работу, привозил обед или ужин, дарил диски с любимыми кинофильмами, понравившимися песнями. Всякий раз видя в её глазах безмерное удивление, сменявшееся благодарностью, Он чувствовал радость от того, что хоть как-то причастен к её жизни, хоть какая-то часть вещей, окружающих её, принадлежит ему. Но

ему хотелось большего. Он сам хотел быть важной частью её мира, потому что уже не представлял свою жизнь без неё. Но расстояние... не сокращалось. Иногда отчаяние овладевало им. Ему казалось, что Она никогда не ответит ему взаимностью.

Однажды, выйдя на балкон и задумчиво глядя на звёздное небо, Он вдруг увидел падающую звезду. Он вспомнил: во время полёта звезды следует загадать желание, и оно сбудется. Желание было одно: «Хочу, чтобы она полюбила меня!» Звезда, прочертив небо, растворилась где-то в темноте, очарование момента прошло, и Он подумал: «Какой же я дурак! Как можно верить в такие глупости!» Жизнь продолжалась, субботние вечера стали главным в его жизни.

Она сидела в своём любимом кресле, в руках держала чашку из тонкого венского фарфора и весело рассказывала, как прошёл день. Он спокойно смотрел на неё, хотя в душе бушевали страсти пещерного человека. Ему хотелось схватить её и убежать куда-нибудь далеко-далеко... Вечер подходил к концу, Он начал собирать посуду и, уже почти подойдя к мойке, услышал:

– Знаешь, я ведь люблю тебя.

Он вздрогнул, блюдо покачнулось, чашка полетела вниз и разбилась вдребезги. Она улыбнулась и сказала:

– Ничего! Это к счастью!

Он рухнул на колени, дрожащими руками начал собирать осколки, потом снова бросил их на пол, резко повернулся к ней и уткнулся лицом в её колени. Она ласково провела пальцами по его волосам, и Он задохнулся от переполнявших его чувств. Он не знал, кого благодарить за чудо, случившееся в его жизни, но точно знал: да, Он действительно счастлив!

ПЕРВЫЙ ПОЦЕЛУЙ

Стремительно сбегая по ступенькам вниз, на лестничной площадке второго этажа Она увидела группу молодых людей. Они были тепло одеты и весело болтали между собой. «Новая группа хирургов приехала на усовершенствование», – подумала Она. В центре группы стоял симпатичный молодой человек. «На Артура похож», – машинально отметила Она, не останавливаясь. Артуром Она называла прибалтийского актёра, который ей очень нравился. Мама переживала за нее. Окончила институт, интернатуру, уже два года работает врачом, а о замужестве и не помышляет, мечтает о каких-то актерах! Она же только посмеивалась над маминым волнением. Какое замужество?! Ей надо в аспирантуру поступать, и в больнице Она работает в самом тяжёлом отделении. Некогда ей о всяких глупостях думать. Мама успокаивала себя: ещё не встретила нужного человека. Вот встретит и по-другому заговорит.

Дня через три, сбегая по лестнице, напротив хирургии Она опять увидела того молодого человека. На этот раз их взгляды встретились, Он широко улыбнулся и начал как-то странно исчезать за дверью. Сначала исчезли ноги, потом туловище, потом улыбающееся лицо, потом медицинский колпачок. Она даже остановилась от удивления, но, стряхнув с себя оцепенение, побежала дальше. «Станный какой-то», – подумала Она и тут же забыла об этом.

Через несколько дней зав. отделением отправил её в хирургию на консультацию. Посмотрев больного с пневмонией, Она села на посту в коридоре, чтобы сделать назначение. В конце коридора появилась высокая фигура. Фигура двигалась по коридору странными зигзагами. Вначале молодой человек решительно двинулся в сторону поста с намерением познакомиться с ней, затем решимость куда-то пропала, и Он двинулся в противоположную сторону. Когда до поста осталось два шага, Он остановился. Ей показалась забавной его

нерешительность, Она сама повернулась к нему и поздоровалась. Он облегченно вздохнул, подошёл к ней, они разговорились. Случайные встречи были милыми и непринужденными. Однажды в коридоре Он взял её за руку и предложил:

– Пойдём после работы в кафе? Посидим, кофе попьём.

Она выдернула руку и возмущенно фыркнула. Что за глупости! Некогда ей в кафе сидеть, у неё работы много. Она и сама понимала, что слишком резко отказала ему. Но, если Она даст слабину, разговор затянется, а это ей совсем ни к чему. Хотя, возвращаясь домой, Она всю дорогу вспоминала его взгляд, такой грустный, как будто лампочка погасла внутри его глаз.

На следующий день Она допоздна засиделась в ординаторской. Доцент с кафедры попросила ее просмотреть прошлогодние истории болезни. Она сходила в архив, взяла нужные истории и уже почти закончила их анализировать. Осталось всего четыре. Она и не заметила, как стемнело на улице, Она осталась совсем одна. И тут дверь в ординаторскую открылась и в комнату решительным шагом вошёл молодой хирург. Он молча подошёл к ней, взял её за руку, буквально вытащил из-за стола, обнял её и крепко поцеловал в губы. Сначала Она растерялась, потом возмутилась и попыталась вырваться из его объятий. Но Он крепко держал её – вырваться не получилось. И вдруг какая-то удивительно тёплая волна накрыла её, проникая в каждую клеточку её тела: в сердце, лёгкие, мозг, разлилась по сосудам горячей лавой. Голова закружилась, казалось, Она вот-вот взлетит. Он отпустил её и, глядя в её изумленные глаза, строго спросил:

– Теперь пойдёшь со мной в кафе?

Она кивнула и тихо сказала:

– Да. Завтра.

– Хорошо, – ответил Он и быстро вышел из ординаторской.

Ошарашенная, Она села на место, потрогала припухшие губы и попыталась понять, а что сейчас было? Что случилось, что перевернуло за один миг весь её мир, перечеркнуло её прошлую жизнь, такую бедную на чувства, эмоции, переживания, да, честно говоря, вообще неинтересную. Почему вчера ещё чужой человек вдруг за мгновение стал близким, родным и важным? Как это случилось? И получилось именно так, как говорила мама! Она уже точно знала, что именно Он ей нужен по жизни, с ним Она хочет построить свою судьбу, хочет за него замуж, хочет от него детей, хочет состариться рядом с ним.

Крупными хлопьями шел снег. Она стояла под зонтом, ждала его и, улыбаясь своим мыслям, наблюдала круговорот снежинок. У сердца тоже бывают свои времена года. Иногда там горько плачет осень, иногда стынет холодом зима, иногда нежно цветёт весна, а иногда буйно танцует лето. Несмотря на снегопад и мороз на улице, в душе цвела весна. Он тихо подошёл сзади, молча обнял её и нежно поцеловал в шею. Она с улыбкой повернулась к нему, поправила его шарф, до конца застегнула молнию на куртке. Этот жест сказал ему многое. Он порывисто притянул её к себе и крепко обнял. Она чуть не задохнулась в его объятиях и, освободившись, со смехом спросила:

– Что случилось?

– Я так долго искал тебя, наконец-то нашёл, а теперь боюсь потерять, – ответил Он.

– Не потеряешь. Пойдём, – Она взяла его под руку, и они долго гуляли по заснеженному городу, не чувствуя холода, ветра, мокрого снега. Он грел её озябшие руки своим горячим дыханием. Она знала, что Он отдаст ей все тепло души, всю свою жизнь. И это навсегда.

ЖИЗНЬ В ПАРАЛЛЕЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Наталья ЮСУПОВА

Кинематограф – волшебное соединение мира литературы, музыки, игры актеров в одно единое действие, которое подчинено своим правилам и логике, раскрывающим ценные качества каждого из видов классического искусства в новом облике и звучании. Все мы привыкли к тому, что кино – это визуальный ряд, картинка, а если быть точными, ряд картинок-кадров, соединенных в единое целое, рождающих непрерывный поток информации, увлекательной, живой, безмерно интригующей и захватывающей. Когда на экраны выходит новый фильм, мы, зрители, обязательно говорим, что идем «смотреть» кино, но никак не «слушать» его... И это естественно для человеческого восприятия – получать через зрительный канал большой поток информации, нежели через слуховой, хотя немое кино сегодня, в современной реальности, не будет пользоваться популярностью. Многие на экранах подчинены современным закономерностям развития искусства: скорость во всем, смена кадров, звуков, акценты, расставленные при помощи цвета, света и шумов, громких музыкальных перебивок... Но осталось ли место в кино для лирики, для поэзии, для красивых песен на стихи поэтов?

Стихотворения все реже звучат с экранов. Такую ситуацию никак нельзя считать плохой или хорошей, это тенденция, которая складывалась год за годом: стиль кинематографа ушел от размеренной системы передачи информации (плавная перестановка кадров, медленное движение камеры, долгие крупные планы и т. д.). Картин, в которых по стилистике и жанру могли бы звучать песни и стихотворения, сейчас все меньше и меньше, так как сама манера чтения стихотворений не подразумевает быстрого темпоритма ни в подаче, ни в восприятии.

Но это совсем не означает, что в истории мирового и узбекского кинематографа не было таких моментов, когда поэтическая составляющая была важнейшей. Золотым веком поэзии в кино в Узбекистане можно считать 60-е 70-е годы XX века, годы расцвета «Узбекфильма». Работы молодых режиссеров тех лет, полных сил, энергии, желания творить, вошли в реестр лучших картин мира, рекомендованных к показу. Это было золотое время как для кинематографа Узбекистана в целом, так и для поэзии и поэтов-песенников, которым был предоставлен простор для воплощения творческого

Наталья ЮСУПОВА. Родилась в 1982 г. Преподаватель кафедры «Звукорежиссура и операторское мастерство» Государственного института искусств и культуры Узбекистана.

потенциала. Замечательные стихотворения и песни, звучавшие с экранов, до сих пор остались в памяти людей, часто цитируются и с удовольствием поются, переделываются на современный лад. В художественных фильмах «Нежность» (1966 г.) и «Влюбленные» (1969 г.) режиссера Эльёра Ишмухамедова звучат потрясающие песни, ставшие своего рода «документами эпохи», часто цитируются и узнаются. Песня «У моря, у синего моря», прозвучавшая в фильме «Нежность», имела настолько ошеломляющий успех, что вскоре после выхода картины зажила самостоятельной жизнью. И если сегодня современные кинокритики говорили бы об успехе фильма в прокате, то они бесспорно употребили бы то самое модное слово «саундтрек» в отношении этой песни и отметили бы ошеломляющий успех музыкально-шумового оформления кинокартины. Но в те времена не было понятия «саундтрек», звуковое оформление зависело только от слаженной работы творческой бригады, в том числе и звукорежиссеров, звукооператоров, которые вкладывали в понятие «звуковое решение фильма» огромный смысл и отводили музыкально-звуко-шумовой линии важнейшую роль. Нужно непременно отметить, что слова песни «У моря, у синего моря» настолько полюбились зрителям во всем мире, что даже в Японии, откуда родом она сама [песня японского поп-дуэта The Peanuts – (яп. ザ・ピーナツ), авторы песни – Хироси Миягава (宮川 泰, музыка) и Токико Иватани (岩谷時子, текст)], вскоре стали напевать слова русского текста, автор которого – поэт Леонид Дербенёв. А песня, прозвучавшая в кинофильме «Влюбленные» (1969 г.), – «Je t'attends (в переводе с французского «Я жду тебя») ...словно гимн романтической эпохи шестидесятых... Волшебная мелодия и слова, спетые Шарлем Азнавуром в оригинале, бесспорно вписались в ткань киноленты, в саму идею картины...

*Дни мои проходят, ночи мои плачут,
И плачет ветер,
Мой разум печалится и угасает,
Когда умирает время,
Это мёртвое время, о котором я жалею
Всё сильнее и сильнее,
Потому что без тебя жизнь моя останавливается,
И я жду тебя.*

*Я жду воздух, которым дышат,
И весну.
Я жду мои взрывы смеха
И мои двадцать лет.
Мои спокойные моря и мои бури
В то же самое время,
Потому что без тебя моя жизнь останавливается,
И я жду тебя.¹*

Понять тонкий, лирический рассказ, который представлен в киноленте, можно только с помощью таких стихов, которые словно вырастают в сюжетную линию происходящего... и больше никакие другие слова и никакая другая музыка не мыслятся в этих кадрах.

¹ Перевод песни с французского языка взят с сайта fr.lyrsens.com

Возможно ли сегодня такое соитие стихотворной формы с музыкально-шумовым оформлением в кинематографе? Этот вопрос не поднимается режиссерами так часто, как хотелось бы...

Одним из примеров противоположного воздействия (не светлого, романтического) на зрителя своей тяжелой атмосферностью в фильме, заставляющего отключиться от всего происходящего вокруг и вникнуть в горькую правду происходящего в кадре, является, на мой взгляд, потрясающее прочтение стихотворения И. Лиснянской в картине Зульф리카ра Мусакова «Свинец» (2011 г.).

*Ты обо мне не думай плохо,
Моя жестокая эпоха.
Я от тебя приму твой голод,
Из-за тебя останусь голой...
На всё иду,
На всё согласна,
Я всё отмерю полной мерой,
Но только ты верни мне ясность
И трижды отнятую веру.
Я так немного запросила
За жизнь свою –
Лишь откровенность.
А ты молчишь, глаза скосила,
Всевидящая современность...*

Эти строки звучат так честно, так больно, отражая само нутро фильма, самую суть, нерв непростого и страшного времени. В самих словах и паузах слышны и сломленные судьбы, и искаженное настоящее, и непонятное будущее. Как же четко и верно это прочтение легло в ткань повествования фильма!

Зульфикар Мусаков и ранее включал чтение стихотворений в свои картины, к примеру, фильм «Восточный двор с кривой луной» (2008 г.) и одноименное стихотворение, которое читает снявшийся в роли самого себя Александр Файнберг. Само прочтение стихотворения и появление поэта в ленте повествования вносят в сюжет тот драматизм и психологический реализм, которые так помогают в глубинном понимании фильма. Ненароком, не специально. А так... незаметно... вроде ты просто смотришь фильм, но впитываешь в память через слух, даже с закрытыми глазами... то, что художник, создатель фильма, замыслил донести до тебя, только до тебя, до зрителя, с которым всегда нужно говорить лично, обращаясь тем не менее ко всем сразу, и пытаться быть понятым.

Рассуждая на тему стихотворного слова и его влияния на художественный образ в кино, приходишь к выводу, что влияние это велико. И намного точнее простого текста, сказанного прозой. Поэт, как никто другой, чувствует эпоху, время, тонкие изменения, происходящие в мире... И потому так ценны такие фильмы, в которых есть возможность вслушаться в слова, в оттенки и тонкие переходы настроения автора, дарящего свою палитру чувств героям кинематографа, а они, в свою очередь, несут их нам, зрителям.

ГОРОД ОДНОГО ДВОРА

ЕЛЕНА КАМИНСКАЯ

«Методологической основой гуманитарного знания» называют герменевтику, которая мыслится как средоточие духовности, как глобальная творческая система, обладающая по-своему уникальным качеством – творческой самовоспроизводимостью. Чем поддерживается эта функция? Принципом части и целого, именуемым герменевтическим кругом.

Целое познается через часть – гласит закон герменевтического круга, т. е. целостность системы обеспечивается творческим потенциалом каждой отдельной ее части. Благодаря принципу части и целого реализуется идея гармонии, вселенского единения. Принцип части и целого является ведущим в творческом процессе и каждое новое произведение – это еще одно оригинальное решение проблемы герменевтического круга. Сегодня современное литературоведение занято поиском методической и методологической платформы, которая подтвердит факт существования альтернативных областей, например, альтернативной истории литературы, альтернативных концепций и принципов исследования.

В настоящей статье мы хотим предложить вариант концептуально-художественной разработки писателем принципа части и целого. Одним из наиболее часто используемых в литературе образов является город, для показа специфики которого писатели применяют различные художественные стратегии в соответствии с масштабностью художественного замысла и силы своего таланта. Принцип части и целого чаще всего реализуется в системе отношений «город-автор» и «город-герой». Причем связь изначально взаимообратная. Рассмотрим ее в плоскости литературоведческой, культурологической и философской: как произойдет рождение нового феномена-метаобраза. С философской точки зрения рождение «моего города» – образа нового качества и нового уровня – связано с сознанием и концепцией автора. Он является той самой частью, через которую познается целое. Среди качеств данного метафеномена мы выделим диалогическую активность, т. е. постоянное взаимодействие с окружающим миром, вернее, потребность в диалогически активном окружении. Отсюда тезис: диалогический дискурс – главное условие существования метасубстанции.

Более философско абстрактно это будет звучать так: из диалога рожденный, он вновь погрузится в диалогическую пучину, но прежде чем это произойдет, на свет появится новая диалогически активная частица-импульс. По

Елена КАМИНСКАЯ. Доцент, докторант кафедры мировой литературы НУУз. Родилась в 1978 г. в Ташкенте. Окончила НУУз. Автор многочисленных литературоведческих статей по проблемам русскоязычной литературы в Узбекистане.

таким вспышкам мы ориентируемся во времени и пространстве, используя их в качестве путеводных микрочастиц, для того чтобы через них приобщиться к чему-то более значительному – Всеобщей Гармонии, Вселенскому диалогическому океану, к Слову как высшей духовной матрице (Logos) и т. д. Такие маленькие частицы похожи на морские раковины: когда прикладываешь ее к уху, то слышен шум целого океана, а в этом внимательном и сосредоточенном слушании проявляется часто спрятанное в глубоком подсознании желание присоединиться ко всеобщему: стать частью бурлящего потока, то низвергающегося и врезающегося в земную твердь, то взмывающего в поднебесье.

Как вариант такого диалогически активного океана-дискурса назовем Память: «Память... Удивительная вещь. Что-то, казавшееся важным, стирается, забывается напрочь, а какая-то мелочь, деталь, звук, запах врезаются в память на всю жизнь. Вам, наверное, это знакомо... Когда в суете и маете жизни мелькнет вдруг что-то, и из каких-то глубин нашего сознания всплывет вдруг яркое, как солнечный луч, воспоминание. И зашемит сердце. И слезы вдруг замутят глаза... И почувствуешь чье-то дыхание у самого своего уха... И прикосновение горячих губ... Память... Это лучше всякой машины времени, которую придумали фантасты. В тех романах люди чаще всего попадали в далекое будущее или в прошлое. А моя память, моя машина времени, возвращает меня в мое детство, в мою юность...».¹

Маленький островок детства – это часть большого мира под названием жизнь. Но и само детство является целым по отношению к более частным воспоминаниям. Например, к воспоминанию о том, как в ветвях огромной, старой чинары группа мальчишек устраивала свое игровое пространство («штаб»), свой таинственный и никому другому неизвестный, а значит, и неподвластный мир: «...дом из старых досок, тряпок и картона».² Если подойти к старой чинаре и «прислониться лбом к коре дерева», то из подсознания взметнется искра воспоминания, тот самый сигнал, но не из далекого и забытого прошлого, а из особого типа метапространства, глобального информационного поля, состоящего из многочисленных голосов целостной полифонической системы. Один голос из общего хора и суеты человеческой жизни – тоже часть целого.

Уже в заглавии, в названии повести Дж. Исхакова «Асик, или сны о старом Ташкенте» – две части. Асик – «alter ago» героя, двойник, второе «я», это внутренний голос, благодаря которому поддерживается диалогическая ситуация. Интересно, что сам герой дистанцируется от своего внутреннего «я» и просит не называть его так: «...прошу, не называй меня так! Меня зовут Асад, Асадилло!».³ Асик был рожден из воспоминания о первой любви: «...через некоторое время следы ее затерялись, растворились, как туман на утренней речке. А мой... Ее Асик... остался...».⁴

«Спасибо, что ты есть...» – говорит герой своему «alter ago». И в этих словах помимо признательности за понимание и диалог прочитывается уважение к каждому моменту жизни. Не только потому, что каждый такой момент наполнен важными событиями, эмоциями, родными и любимыми людьми, но и потому, что в каждом таком моменте есть отголосок вечности, возможность стать частью целого, а значит, преодолеть одиночество. Асик не часть Асада, а их диалог – это не разговор с самим собой. Асад и Асик – равноправные участники диалога и жизни, так же, как каждое событие, происходящее с героем, значимо перед лицом вечности.

В пьесе, которую создал Асад, используется «киношный прием», когда герои внезапно замирают как статуи (прием «Замри»). И тогда появляется уникаль-

¹ Исхаков Дж. Асик, или сны о старом Ташкенте. Повесть // Звезда Востока. – 2017. – № 2. – С. 34.

² Там же. С. 36.

³ Исхаков Дж. Асик, или сны о старом Ташкенте. Повесть // Звезда Востока. – 2017. – № 3. – С. 51.

⁴ Там же. С. 55.

ная возможность рассмотреть каждую деталь или взглядеться в выражение лица, как в случае с матерью героя («Рассказчик снов обходит застывшую мать, долго вглядывается в черты ее лица. Неожиданно он отворачивается, закрывает лицо руками...»¹). Это одно из мгновений памяти, растворенной в бесконечном пространстве Вселенной, и само являющееся особым энергетическим и информационным полем. Одно прикосновение, и воспоминание о матери оживает, и по лицу героя текут слезы, так происходит в ночном американском магазинчике на другом конце земного шара: «...Мыслями я был там, в моем далеком Ташкенте, за тысячи миль от этого крохотного городка на юге Нью-Джерси, за тысячи тысяч дней до того... по... щекам катились слезы... у меня перед глазами была мама, моя родная мама»².

Прием «Замри» – это то, что в литературу вошло в виде знаменитых строк «Остановись мгновенье, ты прекрасно!». Жизнь – череда мгновений, неважно каких – прекрасных или трагических, главное, одинаково ценных и с особой тщательностью оберегаемых. Сложная повествовательная структура повести – яркое тому подтверждение. Во-первых, используется прием «роман в романе» – в текст повести включена пьеса героя, которая не только прочитывается, но и в определенном ракурсе проигрывается перед читателем. Во-вторых, чередуются фрагменты диалогов героя-писателя со своим вторым «я» – другом и единомышленником Асиком. Кроме того, есть отдельные воспоминания героя-писателя, так сказать, по ходу пьесы и жизни и комментарии Асика, часто выполняющие роль справочного материала. Все вместе – это удивительный повествовательный kaleidoscope, который при легком встряхивании плавно меняет узор (расположение частей), не отменяя его эстетической ценности, а значит, красоты и гармонии.

Вторая часть заглавия повести – сны. Нам кажется, что синонимом не будет ошибочным слово «мечты». Герой хочет вернуться в свой маленький мир детства. Сон – проводник в другую реальность. Сон противопоставлен яви, он – то, чего нет. Отсюда и еще один герой-повествователь – Рассказчик снов. Герой хочет оказаться по ту сторону сна, в другом пространстве, где живут мысли героя, облеченные в слова, изложенные на бумаге. Интереснейшая головоломка предложена читателю писателем. Зачем нужна пьеса? Повесть открывается нелицеприятным разговором героя-писателя и главного режиссера. В постановке пьесы отказано, поэтому, выйдя за порог театра и сев в свою машину, он начнет читать сам. Прочитывая свое сочинение, он словно проигрывает, осуществляет его постановку.

Но зачем автору так нужен театр? Приведем слова Асика: «Опус свой читаешь? Читай, читай! Уже седой, а понапридумывал бог весть чего! "Сны о старом Ташкенте"! ... Ландриновые кадрики из прошлой жизни! Дра-ма-тург! Занимался бы своим кино-домино!...»³ Значит, речь идет о выборе между кино и театром: «– Кино будешь снимать? – Нет, это пьеса для театра...»⁴ Театр – вид искусства, обладающий возможностью «живого действия». Между зрителями и актерами нет экрана, можно услышать каждый вздох, почувствовать запах, войти в происходящее на сцене действие. Атмосфера важна для автора пьесы, поэтому он предлагает режиссеру такие рекомендации, которые тот не воспринимает всерьез, но без которых не бывает атмосферы, а значит, не будет правды жизни.

Во вступлении к пьесе отмечено: «Очень важный компонент будущего спектакля – его атмосфера, дух. И именно здесь не может быть мелочей. Костюмы, детали одежды, головные уборы, даже прически героев должны соответство-

¹ Исхаков Дж. Асик, или сны о старом Ташкенте. Повесть // Звезда Востока. – 2017. – № 2. – С. 41.

² Там же. С. 41.

³ Там же. С. 32.

⁴ Там же. С. 41.

вать времени действия пьесы. Было бы замечательно использовать настоящие предметы того времени: керосинки, примусы, патефоны, ребристые стиральные доски, наклейки на бутылках, передвижные газбудки, ножные точильные станки, медные тазы, жестяные рупоры керосинщиков, деревянные самокаты на подшипниках и многое другое. То, что ушло безвозвратно, но позволит окунуться в старые добрые времена... Не менее важно воссоздать звуковую и музыкальную атмосферу той эпохи. Ненавязчиво, почти незаметно по ходу спектакля должна звучать музыка Дунаевского, Цфасмана, Хренникова и других композиторов того времени. Хорошо, если бы звучали старые песни в исполнении Тамары Ханум, Батыра Закирова, Леонида Утесова, Марка Бернеса... Я не знаю, делали ли это в театре, но я был бы счастлив, если бы во время спектакля слегка пахло свежесвежипеченным хлебом, дымком шашлыка, политой вечером землей, накалившейся за день... Что, как мне кажется, бывает только в моем городе».¹

Интересны комментарии Асика к данному вступлению героя-писателя: «Пожелания наивного автора продолжают! Может, ты и плов настоящий хочешь делать на сцене? – А почему бы и нет? – зло парировал я».² Замечательная мысль появляется на страницах повести: «Детали... Из них рождается правда».³ Вот поэтому так важен запах свежесвежипеченного хлеба – это особая атмосфера духовности и душевности. По таким деталям зрители не видят, но ощущают правдивость. Хотя это – правда совершенно особого рода – она художественная, вымышленная. На работе матери героя Малике выдавали по две буханки свежего пахучего серого хлеба, запах которого разносился по всему дому.

Получается, что запах хлеба – запах матери, родной и неповторимый, будет близок зрителям, которые испытают те же чувства, что и автор, войдя в атмосферу детства, – в этом, безусловно, есть своя правда жизни. Но данный сегмент сопровождается репликой: «Только почему ты опять врешь? Твоя настоящая мама никогда не работала на хлебозаводе, а была врачом». Асик «уличает» героя-писателя в неправде. На что тот дает ответ, который одновременно затрагивает сферу теоретической поэтики: «Рассказчик – это вовсе не я!.. Это обобщенный образ! И вообще, у меня не документальная повесть или автобиография, а пьеса. Пье-са! И я имею право придумывать характеры, судьбы героев!»⁴

Автор действительно не Рассказчик снов, но он плачет, когда вспоминает мать, хотя находится в ночном магазинчике на «газстейшн» – автозаправке на 73-роуде, не доезжая Филадельфии. Именно к этому, очевидно, не самому простому периоду в жизни героя-писателя относится момент написания пьесы: «...немолодой уже человек с карандашом в руках, по его щекам катились слезы, капая затем на листы толстой общей тетради... я описывал судьбу моей матери моего главного героя. Конечно у меня перед глазами была мама, моя родная мама...».⁵ Благодаря проблеме разграничения правды и вымысла, появляется возможность наглядно продемонстрировать процесс расслоения текста. Читатели превращаются в зрителей, по мере того как повествование становится многоступенчатым, обретает многомерность. Театр прорывается сквозь литературу и повесть трансформируется в пьесу. В результате таких изменений на уровне поэтики появляется новая жанровая форма – сон. Что такое сон? Это надстройка к основному пространству, когда реальный план сменяется ирреальным. Сон – иллюзия, сказка. Он создается по особым законам творческой фантазии, когда воспоминания соединяются с

¹ Исаков Дж. Асик, или сны о старом Ташкенте. Повесть // Звезда Востока. – 2017. – № 2. – С. 33.

² Там же. С. 32–33.

³ Там же. С. 33.

⁴ Там же. С. 41.

⁵ Там же. С. 41.

мечтами, когда идеальное низводится до уровня реально существующего. Одновременно сон – это очень личное, сокровенное, то, что сохраняется в подсознании, поэтому актуально такое сочетание, как «мой сон».

Благодаря сну появляется возможность по-новому взглянуть на проблему «правды жизни». Если у каждого свой сон, то и правда у каждого своя. Это альтернативные варианты художественности, каждый из которых имеет право на существование: «– Слушай, забыл, как называется твоя пьеса? – “Сны о старом Ташкенте”. – Во-во... Она про детство? – Да, и про детство тоже... – Слушай, я знаю, где у тебя ошибка! – Какая ошибка? – не понял я. – Ошибка в названии! “Сны о старом Ташкенте”... – С чего это ты вдруг? – искренне удивился я. ... – К тому, что у всех не могут быть одинаковые сны, особенно про детство... Понимаешь? Тебе снятся свои сны, мне – свои, кашгарские, Толипу снится его мазанка со скорпионами, а у Карэна совсем другие сны!.. Поэтому, мне так кажется, ты должен изменить название. Не “Сны о старом Ташкенте”, а “Мои сны”... И не надо про “старый Ташкент”».¹ Так один из героев повести излагает суть принципа части и целого.

Герой-писатель делает еще один вывод: «Да, Боря, согласен, Ташкент большой и очень-очень разный!»² И воспоминания, как и сны, у каждого свои. И Ташкент у каждого свой – это и есть «мой город» («мой сон») или «мой Ташкент». В этом разноголосии и разномечтании кроется одна из древнейших идей – о вавилонской башне.³ Жители одного двора такие разные все-таки были одним целым. Подобно древнему Вавилону люди выстраивают отношения внутри двора. Это маленькая модель большого мира. Д. С. Лихачев в одном из своих трудов назвал землю «эрмитажем, несущимся в космическом пространстве»⁴, так и двор, показанный в пьесе, – маленькая модель не только Вавилона, но и Ноева ковчега, в котором собраны самые ценные детали Памяти. Это то, что в литературоведении и культурологии обычно объединяется понятиями концепты (комплекс представлений об окружающем мире, система деталей).

Для повести актуальными являются такие концепты, как пространство, дом, дерево. Среди концептов, характерных именно для русскоязычной литературы Узбекистана, мы назовем концепт «двор».⁵ Структуру образа «дворик» исследователь Г. В. Малыхина определяет как сложную. Важную роль в данном образе играет многоуровневый компонент «индивидуальное», где первичный уровень – биографический факт.⁶ «Более высокими уровнями являются следующие: воссоздание дворика-памяти со всеми его содержательными и эмоциональными особенностями и осознание того, что дворик – это не только частица быта, но и важное звено человеческой судьбы», – отмечает исследователь.⁷ Исходя из специфики художественной концепции повести мы выделяем две составляющие образа двора – «двор, как Вавилон» и «двор, как Ноев ковчег».

В повести реализуется принцип единства в многообразии: множество языков, культур, религий – вместе они – родной дворик. И феномен «мой Ташкент» реализуется через образ родного дворика. Исследователь Г. В. Малыхина говорит о том, что образ дворика «представляет вариант мотива пристанища».⁸

¹ Исхаков Дж. Асик, или сны о старом Ташкенте. Повесть // Звезда Востока. – 2017. – № 3. – С. 52.

² Там же. С. 53.

³ В легендарном материале о вавилонской башне изначально заложены две идейно-тематические линии (которые были объединены в одну в каноническом тексте Библии) – это рассказ 1 – о постройке города и смещении языков и 2 – о возведении башни и рассеянии людей. См. Мифологический словарь /Под ред. М. Е. Мелетинского. – М.: Сов. энциклопедия, 1991. – С. 109.

⁴ Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном. – М.: Дет. лит., 1988. – С. 235.

⁵ Малыхина Г. В. Структура художественных образов и тематические доминанты в лирике А. Файнберга /Автореферат на соискание степени кандидата филологических наук. – Ташкент. Изд-во НУУз, 2007.

⁶ Там же. С. 10.

⁷ Там же. С. 10.

⁸ Там же. С. 11.

Главный тост, который звучит в пьесе героя-писателя за праздничным столом, накрытым во дворе, в повести: «За наш двор! За нас!...». Центральная фигура родного двора – Исаак Давыдович: «Я добавлю, можно? Хочу предложить тост за наш город... За мой город. – Исаак несколько секунд молчит. – Большую часть жизни я прожил в Одессе. Но Ташкент стал моим домом, – он кашляет, вытирает слезы. – Он приютил меня, мою семью, дал кров, работу. Он отогрел мое сердце... – За Ташкент! – За наш двор!».¹

Интересно, что «образ родного двора прямо апеллирует к восточной специфике».² И в связи с этим яркий пример – талантливый «гимн плову», который, как верный друг, всегда присутствует и в радости и в горе.

Феномен «мой город» относительно восточного, ташкентского контекста – это родной дворик, ставший приютом и утешением, умиротворением и вдохновением. Это та часть жизни героя, которая определяет душевный настрой и полет творческой мысли. Подобно тому, как в древней притче, взглянув на один цветок, можно было оценить, насколько великолепен весь сад, так и по одному из многочисленных дворов можно судить о том, насколько высока ценность города.³ «Мой город» – это особый, творческий взгляд на мир, модель мира в виде «родного двора», благодаря которому создается метапространство «дворик памяти» – своего рода аура, сотканная из невидимых нитей, соединяющих не только с родной землей, но и с корнями Древа Жизни.

Таким образом, Асик, сны, старый Ташкент, детали, вымысел и правда – все это так или иначе связано с принципом части и целого. Асик, рожденный из глубин подсознания героя-писателя, не просто второй голос, но необходимая для состояния равновесия часть. Функциональность данного персонажа имеет непосредственный выход на проблему повествовательной многоплановости. Мы хотим обратить внимание на функцию проводника теоретических идей. Один из вариантов метатекстуальности в структуре повествования – это синтез теоретического и художественного. Из диалога Асика и героя-писателя формируется теоретическое поле текста: «...Но ответь мне, пожалуйста, о чем эта пьеса? – Как о чем? О моем городе... О... – замолкаю я в затруднении. – Не мямли! – перебивает Асик. – Сам толком не знаешь, о чем твой опус... Все размыто, эпизоды разрозненны! – В том-то и дело! – с жаром говорю ему я. – Это сны. Просто сны... Разве это непонятно из самого названия? – Конечно, легче всего оправдаться этим! “Сны”! – Асик говорит тоном преподавателя по теории драматургии. – А где сюжет? Где завязка, где кульминация, где развязка? Где атмосфера окружающей действительности? – Здрасьте! А все мои ремарки? Сам упрекал, что они слишком пространны! – занимаю я глухую оборону. – Согласен, сюжета как такового нет! Но разве в жизни есть твои пресловутые “завязки, кульминации и развязки”? Человеческая жизнь состоит из миллионов сюжетов, сюжетов, сюжетиков и совсем малюсеньких событий... Они, как нервные окончания в организме, их невозможно сосчитать! А «развязка», к сожалению, у всех одна... – Ладно. Жанр своей пьесы хотя бы можешь определить? Что это – драма? Комедия? Трагедия? Ох, и злобредный этот

¹ Исхаков Дж. Асик, или сны о старом Ташкенте. Повесть // Звезда Востока. – 2017. – № 3. – С. 46.

² Мальхина Г. В. Структура художественных образов и тематические доминанты в лирике А. Файнберга /Автораферат на соискание степени кандидата филологических наук. – Ташкент. Изд-во НУУз, 2007. – С. 13.

³ По воле судьбы вместе с произведением Джасура Исхакова на страницах журнала «Звезда Востока» № 3 за 2017 год опубликовано эссе Владимира Карасева «Краски нового мира. В поисках Идеального Града», из которого мы позволим себе процитировать первые несколько строк, перекликающиеся с идеями настоящего исследования: «...В этом старом, типичном для Ташкента дворике как будто все создано для успешной, рассудительной беседы с умными собеседниками, которые, как и ты, никуда не торопятся, знают цену слову и доброй пиале чая. Это истинный сад отдохновения...» (С. 97). В этом же номере журнала – статья Николая Красильникова «Кораблик Талгата», которая открывается эпиграфом: «Жизнь как пьеса в театре: важно не то, сколько она длится, а насколько хорошо сыграна. Сенека Луций Анней» (С. 82) также перекликающимся с мыслями автора повести. Так благодаря идейно-тематическим и образным пересечениям создается журнальный дискурс, который вполне может стать предметом отдельного исследования.

Асик! – Слушай, ты, теоретик, в жизни есть все: комедия соседствует с трагедией, а драма – с пошлым водевилем! И все теоретические рассуждения о жанре, сюжете, композиции, фабуле и всяких аллюзиях – не более чем примитивные ремешки, которыми пытаются как-то связать отдельные человеческие истории... По сути, очень простые!...»¹

Вопрос о жанре самый интересный, если не сказать ключевой, и неоднократно обыгрывается самим автором. Сон – это воспоминания, соединенные с мечтами, особого рода правда, состоящая из деталей, демонстрирующих индивидуальные особенности творца (отсюда понятие «мой сон», «мой город», «мой двор»). С помощью сна автор наглядно демонстрирует разницу между правдой жизни и ее художественной интерпретацией. В финале произведения появляется «реальный» сон героя – это хаос мыслей и чувств. В нем переплелось все, что было прожито героем когда-то, взлеты и падения, знакомые ощущения и незнакомая обстановка, неразбериха, абсолютная запутанность в себе самом. Нам кажется интересным, что разница между снами может быть представлена и как разница между прозаическим и драматургическим повествованием.²

Сон в финале – деталь повести, ее малая часть. Но эта малая часть стала творческим стимулом (пусть и на подсознательном уровне) для оформления нового жанра – «Сны о старом Ташкенте». Принято считать, что специфика жанра, во всяком случае, его основные контуры зависят от эпохи, его породившей. Жанр – лицо эпохи. Поэтому, если поднять проблему жанра, то главный вопрос – к какой эпохе принадлежат «Сны о старом Ташкенте»? Действие пьесы заканчивается ташкентским землетрясением, значит, это 50–60-е годы. Но в повести описывается и американский период жизни автора, это 70–80-е, а возможно и 90-е годы. В произведении есть точная дата – символ временных пересечений: «Я взял в руки свою пьесу, разглядывая титульный лист: “Сны о старом Ташкенте. Пьеса в трех действиях. Пальмира, Нью-Джерси, США, 2001 год”...»³, т. е. «постановка» осуществляется на «рубеже эпох», что также символично и неслучайно. Сон оформляется как жанр в момент изменений на уровне мировоззрения. Отметим и такой факт: рубежным явлением в литературоведении стал процесс деканонизации жанров (атрофия жанров). Теперь идея влияния эпохи на жанр сменилась идеей влияния авторского сознания на рождение новых жанровых форм.⁴

Возвращаясь к процессу формирования сна (как жанрового образования), отметим, что воспоминания оформляются с помощью мечтаний, подобно тому, как легенды в каждый отдельный момент времени получают новое мифологическое решение (обрамление). В заглавии фигурирует сочетание «старый Ташкент». Хотя один из героев настоятельно рекомендует создателю пьесы заменить его на «мой Ташкент», на самом деле в этом нет никакой необходимости.

¹ Исхаков Дж. Асик, или сны о старом Ташкенте. Повесть // Звезда Востока. – 2017. – № 3. – С. 50.

² С. Д. Кржижановский – один из писателей и теоретиков литературы XX века создал целую концепцию относительно драматургии, отмечая, что для описания восточного ареала наиболее приемлема драма, точнее «драматизированная легенда»: «Вот та наиболее удобная, рабочая форма, которая – как мне думается – в ближайшие десятилетия окажется нужнее всех иных форм узбекским поэтам». Причина обращения к драме кроется в ее ориентированности на будущее в то время, как лирика никогда не разлучается с настоящим, а эпос ищет «прошлого прошлое». Кроме того, в основе драмы действие: «Поступь поступков направлена в ненаступившее». С. Д. Кржижановский подчеркивает диалогический характер драмы, ее способность быть промежуточным звеном в процессе интерпретации. «Драматизированная легенда», по мнению С. Д. Кржижановского, которая будет всецело захвачена идеями будущего: «Легенде все труднее и труднее ютиться в темных уголках прошлого», она предвосхищает будущее. Понятие «драматизированная легенда» может быть соотносено с реальной теоретической категорией – «художественным дискурсом». Легендарный материал, по мнению С. Д. Кржижановского, не существует сам по себе, но исключительно в диалогической сфере или дискурсе как динамическом модусе. Диалогическая ситуация, разворачивающаяся вокруг легенды и обладающая некой событийностью, влияет и на саму легенду, воссоздавая ее уже в новом (обновленном) формально-содержательном качестве. См. Кржижановский С. Д. Сказки для вундеркиндов. Повести, рассказы. – М.: Сов. писатель, 1991. – С. 341–342.

³ Исхаков Дж. Асик, или сны о старом Ташкенте. Повесть // Звезда Востока. – 2017. – № 2. – С. 32.

⁴ См. Хализев В. Е. Теория литературы. – М.: Высшая школа, 1999. – С. 333–341.

сти. Для данного конкретного творческого сознания «старый» и есть «мой». Причем «старый» используется в значении «старинный»: свой родной дворик писатель превратил в миф, наделив его ретро-чертами безвозвратно ушедшей эпохи. Отсюда особое отношение к правде, которая является результатом творческой интерпретации действительности. Поэтому художественный замысел следует рассматривать исходя из сюжетно-композиционных особенностей: одна линия – пьеса, состоящая из снов (воспоминания плюс мечты), вторая линия – повесть о специфике творческого процесса и творческого сознания. Опять же, пользуясь принципом части и целого, мы можем сфокусировать внимание на пьесе, являющейся основой текста, а можем попытаться реконструировать метатекстуальный план, который формируется вокруг основного текста, благодаря активности творческих сознаний автора: пишущий, написавший, прочитывающий, проживающий, переживающий, досотворяющий – и на всех этапах непрерывно создающий, поддерживающий повествование своей творческой и личной инициативой, а главное – всегда диалогически активный. Метатекстуальный план в свою очередь развивается в двух направлениях: собственно теоретическом, который формируется благодаря отдельным сигналам-размышлениям по вопросам поэтики, и онтологическом, основанном на концепте «память».

Принцип части и целого подводит к мысли не только о возможности выбора, но и его необходимости. Сама проблема альтернативности сегодня признана одной из самых продуктивных для развития альтернативного литературоведения, для формирования монументального труда по альтернативной истории литературы, теоретическим основанием для которой будут разработки в области метапоэтики и герменевтики. Герменевтический и аксиологический подходы, используемые с учетом идеи альтернативности позволят дать целостную картину такого феномена, как русскоязычная литература Узбекистана.

Завершить наше исследование мы хотим своеобразной притчей «Город одного двора». «Старый Ташкент» – тот самый единственный цветок, глядя на который в XXI веке, мы чувствуем атмосферу сада (эпохи, города, дворика), погружаемся в драматургический дискурс, наслаждаясь целостностью и гармонией, которые выражаются в связи между поколениями. Мысль о связи между автором и читателем (автором пьесы и зрителем) ярко выражена важной деталью. Если выразить мысль образно, то таким диалогическим мостиком будут слезы и даже целая река из слез радости и горя. Это лейтмотив произведения – слезы автора, слезы Рассказчика снов, слезы героев, слезы зрителей, слезы очищающие, успокаивающие, искупающие вину, обнажающие сердечную боль и душевные переживания, питающие Древо Жизни, а значит и Память.

нам пишут

НА ПОЛЯХ ОДНОГО НОМЕРА ЖУРНАЛА «ЗВЕЗДА ВОСТОКА»

В центральноазиатском регионе издавна наибольшей популярностью среди русскоязычных литературно-художественных журналов пользовались казахский «Простор» и узбекская «Звезда Востока».

И сегодня по содержательной насыщенности и литературного раздела, и раздела критики, литературоведения, «Звезда Востока» по праву занимает лидирующие позиции, в то время как в Туркменистане уже не выходит журнал «Ашхабад», а в Душанбе «Памир» выходит только один раз в квартал в небольшом формате. Признаться, не знаю, что происходит с русскоязычным литературно-художественным журналом в Бишкеке.

В моих руках – второй номер «Звезды Востока» за 2018 год. Главный редактор – Сирожиддин Рауф, заместитель главного редактора – Клавдия Панченко.

Прозу представляют Марат Байзаков (рассказ «Полет в бездну»), Лидия Дударева (роман «Школота»), Сергей Шмаков (рассказ «Страсти Алёши»); поэзию – Людмила Бакирова и Алексей Гвардин. Это – авторы, пишущие на русском языке.

В разделе «Переводы» – четыре автора, которые пишут на узбекском языке: Исажон Султон, Зикирилла Ньмат, Икром Отамурод, Нарзулло Батыров. Переводчики – Зульфира Хасанова, Николай Ильин, Ойгул Суюндикова, Гавхар Норматова. Следует отметить хороший переводческий уровень всех произведений.

Из переводных произведений меня впечатлила повесть Н. Батырова «Вторая жизнь». В центре повествования – судьба офицера-«афганца», прошедшего через плен, его несчастная любовь. Достаточно динамичное по сюжету произведение вполне могло бы стать основой кинематографического сценария.

Не меньше впечатлили меня небольшие, лаконичные публикации, посвященные русской литературе Узбекистана, исторические и культурологические материалы, опубликованные в февральском номере. Легендой было и остается имя русского поэта Узбекистана Александра Файнберга, автора пятнадцати поэтических сборников, переводчика, автора сценариев к художественным и мультипликационным фильмам. В 1999 году по сценарию поэта был снят фильм «Их стадион в небесах», в котором звучит и песня на слова Александра Файнберга, посвященная погибшей в авиакатастрофе футбольной команде «Пахтакор». Александр Файнберг – Народный поэт Узбекистана. Редкий случай – присуждение такого звания литератору, который пишет не на языке государства, в котором живет и работает... Кроме Файнберга, звания «народного» были удостоены только романист Валентин Рыбин в Туркменистане и поэт, переводчик Вячеслав Шаповалов в Кыргызстане. Об Александре Файнберге в «Звезде Востока» – замечательная статья хорошо известного в Узбекистане доктора филологических наук Александры Давшан «Родина детства, храни тебя Бог от метелей...».

Художнице Инне Васильевой искусствовед Владимир Карасёв посвятил своё эссе «Rendez-vous с красотой», отличающееся образностью стиля и содержащее глубокий профессиональный анализ творчества замечательного художника.

Журнал внимателен к разным национальным культурам и литературам. Так, например, в этом номере журнала Клавдия Панченко беседует с послом Республики Бангладеш в Республике Узбекистан Мосудом Маннаном («На ниве культурного сотрудничества»). Отрадно осознавать, что журнал проявляет заботу о литературных и культурных связях Узбекистана с другими странами.

«Звезда Востока» впечатляет. И, познакомившись с одним из номеров, невольно думаешь о том, как бы не пропустить остальные выпуски этого содержательного литературно-художественного издания. Спасибо, ташкентцы!

**Алесь КАРЛЮКЕВИЧ, краевед, публицист, переводчик,
министр информации Республики Беларусь**